

HYPERBOREUS

STUDIA CLASSICA

ναυσὶ δ' οὔτε πεζὸς ἰὼν κεν εὖροις
ἐς Ὑπερβορέων ἀγῶνα θαυμαστὰν ὁδόν

(Pind. *Pyth.* 10. 29–30)

EDITORES

NINA ALMAZOVA SOFIA EGOROVA
DENIS KEYER DMITRI PANCHENKO
ALEXANDER VERLINSKY

PETROPOLI

Vol. 18 2012 Fasc. 2

BIBLIOTHECA CLASSICA PETROPOLITANA
VERLAG C.H. BECK MÜNCHEN

HYPERBOREUS: Классическая филология и история

Выходит два раза в год

Редакция: Н. А. Алмазова, А. Л. Верлинский, С. К. Егорова,
Д. В. Кейер (отв. ред. выпуска), Д. В. Панченко

Редакционный совет: Михаэль фон Альбрехт, А. К. Гаврилов,
Пэт Истерлинг, Карло Лукарини

Адрес редакции и издателя: 197198, С.-Петербург, ул. Красного Курсанта, д. 6/9
Античный кабинет (Hyperboreus)
Факс: (812) 274-3395, (812) 235-4267
E-mail: hyperbicl@gmail.com

По вопросам подписки обращаться по адресу редакции

HYPERBOREUS: Studia Classica

Hyperboreus wurde im Jahre 1994 durch die Bibliotheca Classica Petropolitana gegründet.

Der Vertrieb außerhalb Rußlands erfolgt durch den Verlag C. H. Beck (Oskar Beck),
Wilhelmstr. 9, D-80801 München, Postfachadresse: Postfach 400340, D-80703 München.

Die Zeitschrift erscheint ab 1996 in zwei Halbjahresschriften. Abonnementpreis jährlich ab
Vol. 2 € 34,90 (in diesem Betrag sind € 2,28 Mehrwertsteuer enthalten), für das Einzelheft
€ 19,50 (Mehrwertsteueranteil € 1,28), jeweils zuzüglich Vertriebsgebühren; die Kündigungs-
frist des Abonnements beträgt sechs Wochen zum Jahresende. Preis für Vol. 1, 1994/5, auf
Anfrage bei dem Verlag C. H. Beck.

Herausgeber: Nina Almazova, Sofia Egorova, Denis Keyer (verantw.),
Dmitri Panchenko, Alexander Verlinsky

Wissenschaftlicher Beirat: Michael von Albrecht, P. E. Easterling,
Alexander Gavrilov, Carlo M. Lucarini

Alle für die Redaktion bestimmten Manuskripte und Einsendungen sind zu richten an:
Bibliotheca Classica Petropolitana (Hyperboreus)
ul. Krasnogo Kursanta 6/9
197198 St. Petersburg, Russia
Fax: (812) 274-3395, (812) 235-4267
E-mail: hyperbicl@gmail.com

Die Publikationssprachen im Hyperboreus sind Russisch, Englisch, Französisch, Deutsch,
Italienisch und Lateinisch; den Beiträgen wird jeweils eine Zusammenfassung auf Englisch
und Russisch hinzugefügt.

Entgegnungen werden im Hyperboreus nur ausnahmsweise aufgenommen. Eingegangene
Druckschriften werden nicht zurückgeschickt. Mit Namen gezeichnete Artikel geben die Auf-
fassung des Verfassers, nicht der Redaktion wieder. Alle Nachrichten werden nach bestem
Wissen, aber ohne Gewähr gegeben.

CONSPECTUS

Д. В. Панченко Раннепифагорейская астрономия в свете китайских параллелей [Dmitri Panchenko: Early Pythagorean Astronomy in the Light of Chinese Parallels]	205
Natalia Pavlichenko, Sergey Kashaev A Personal Letter Found in Hermonassa	225
Silvio Bär Rhetorik auf dem Schlachtfeld: Caesar, Pompeius und Labienus vor der Entscheidung bei Pharsalus (<i>De Bello Civili</i> III, 85–87)	243
Denis Keyer Trimalchio's Astrology: Naïve Superstitions or Intentional Jokes? (Petr. <i>Sat.</i> 35. 1–5; 39. 5–12)	264
А. Б. Черняк Эскадра Траяна на Красном море: Евтропий, Дион Кассий и <i>Перипл Эритрейского моря</i> [Alexandr Tcherniak: Trajan's Fleet on the Red Sea: Eutropius, Cassius Dio and the <i>Periplus Maris Erythraei</i>]	295
Carlo M. Lucarini Per il testo degli <i>Scriptores Historiae Augustae</i>	325

DISPUTATIONES

Rainer Jakobi Peter Riedlberger: Philologischer, historischer und liturgischer Kommentar zum 8. Buch der <i>Johannis</i> des Goripp	355
Key words	359
Правила для авторов	360
Guidelines for Contributors	362

Nataliae Tchernetska, quae multum auxilii
in hoc volumine praeparando attulit,
editores gratiam agunt

Gefördert durch eine Zuwendung der Fritz Thyssen Stiftung

РАННЕПИФАГОРЕЙСКАЯ АСТРОНОМИЯ В СВЕТЕ КИТАЙСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

I

Поздние авторы – Ямвлих, Прокл и Симпликий – приписывают пифагорейцам, или даже самому Пифагору, использование эпициклов и эксцентров. Сообщения кратки и не вполне совпадают друг с другом. В “Жизнеописании Пифагора” представление об эпициклах и эксцентрах включено в перечень замечательных идей, выдвинутых Пифагором (Iambl. *VP* 31). Чуть подробнее у Прокла: “уже знаменитым пифагорейцам, как мы знаем из истории, пришлось по душе гипотезы, основанные на эпициклах и эксцентрах, поскольку они самые простые среди всех”. При этом, по мнению Прокла, импульс к поиску таких убедительных и возвышенных гипотез исходил от самого Пифагора (*Нур.* 1, 34). У Симпликия речь идет о замене системы гомоцентрических сфер (предложенной Евдоксом и с поправками принятой Аристотелем) на систему, оперирующую эксцентрами и эпициклами. Первая, объясняет Симпликий, была отвергнута главным образом потому, что не давала удовлетворительного объяснения меняющейся отдаленности планет и неравномерности в их движении, – и тогда предпочли постулировать эксцентры и эпициклы. “Если только, – замечает Симпликий, – до гипотезы относительно кругов с эксцентрами не додумались уже пифагорейцы, как представляют ход событий некоторые, и в частности Никомах и следующий Никомаху Ямвлих” (*Cael.* 507, 9–14). В этом сообщении пифагорейцам приписывается, как будто, лишь идея эксцентров; правда, мы видели, что в дошедшем до нас сочинении Ямвлих говорит и об эксцентрах, и эпициклах.

Напомним, что под эпициклом в астрономии эллинистического и римского времени подразумевался малый круг, как бы насаженный на больший, вместе с которым он обращается вокруг Земли. По этому малому кругу, вращающемуся вокруг собственного центра, движется планета, участвуя, таким образом, в двух движениях: по большому кругу вокруг Земли и по малому – вокруг собственного центра. Эта конструкция была призвана совместить казавшееся совершенно естественным и логичным представление о равномерном круговом движении небесных тел с тем фактом, что планеты в ходе

своего обращения относительно так называемых неподвижных звезд обнаруживают попятное движение; комбинация круговых движений и была призвана объяснить наблюдавшиеся петли. При этом большой круг, круг-носитель, или деферент, может быть либо концентром, либо эксцентром – в зависимости от того, находится Земля в его центре или вне центра (рис. 1).

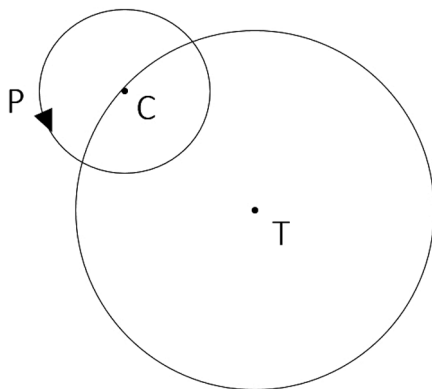

Рис. 1. Эпицикл

Сообщения об эпициклах и эксцентах пифагорейцев неоднократно обсуждались еще с середины XIX в. Тенденция поздних авторов приписывать Пифагору и пифагорейцам чужие достижения была замечена давно. Не ясно было, как интересующие нас сообщения могут прояснить логику развития греческой астрономии; они скорее ее запутывали. Господствующее настроение в начале XX в. было скептическим.¹

В середине столетия с доверием к приведенным свидетельствам отнесся Б. Л. Ван-дер-Варден. Он усмотрел отсылку к эпициклам в пассаже *Тимея* 38 с–d и при этом был убежден в зависимости платоновской астрономии от пифагорейской.²

Против точки зрения Ван-дер-Вардена решительно выступил Вальтер Буркерт. По его убеждению, текст *Тимея* может быть понят без обнаружения в нем намека на эпициклы и само появление системы

¹ См. T. Heath. *Aristarchus of Samos the Ancient Copernicus* (Oxford 1913) 268–274.

² B. L. Van der Waerden. *Die Pythagoreer* (Zürich – München 1979) 427–454, особ. 450–452.

Евдокса и ее успех на протяжении целого поколения “понятны только в том случае, если система эпициклов – более позднее изобретение”.³ Сообщения об эпициклах и эксцетрах он объявил “одним из наиболее ужасающих примеров анахронистического конструирования науки Пифагора”.⁴

На протяжении многих лет Л. Я. Жмудь выступал антиподом Буркерта в пифагорейском вопросе. Но пока Жмудь представлял Пифагора великим астрономом, выдвинувшим, в частности, идею шарообразности Земли,⁵ он воздерживался от интерпретации сообщения об использовании Пифагором и пифагорейцами эксцетров и эпициклов.⁶ Теперь, признав уязвимость традиции о достижениях Пифагора в области астрономии, Жмудь в обсуждаемом вопросе принял позицию Буркерта.⁷

Может, однако, оказаться, что в этом споре обе стороны были по-своему правы и неправы. Сами по себе свидетельства не производят впечатления заведомо сфабрикованных. И если возражения Буркерта, адресованные Ван-дер-Вардену, выглядят весомыми, то они предстают таковыми на фоне учтенных фактов. Но круг последних можно расширить. Привлекая китайские параллели, мы постараемся показать, что древняя традиция является в известном отношении исторически верной. Мы беремся утверждать, что (1) идея эпицикла была знакома ранней греческой астрономии, но (и здесь мы расходимся с Ван-дер-Варденом) речь при этом должна идти не о тех хорошо знакомых нам эпициклах, которые призваны объяснить попятное движение планет, но об особой концепции, описывающей движение Солнца, и (2) что раннее использование идеи эксцетра также в высшей степени вероятно. Более трудным является вопрос о том, следует ли приписать соответствующие идеи ранним пифагорейцам. Мы увидим, что в любом случае сообщения Ямвлиха, Прокла и Симпликия не лишены ценности.

³ W. Burkert. *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism* (Cambridge, Mass. 1972) 323.

⁴ *Ibid.*, 325

⁵ Л. Я. Жмудь. *Наука, философия и религия в раннем пифагореизме* (СПб. 1994) 249–252; ср. Д. В. Панченко. Фалес, солнечные затмения и возникновение науки в Ионии в начале VI в. до н. э. // *Hyperboreus* 2: 1 (1996) 106–110.

⁶ Единственно Жмудь возражал против утверждения Буркерта, будто Адраст делает Пифагора изобретателем эксцетров и эпициклов: Жмудь (прим. 5) 253 прим. 54.

⁷ Л. Я. Жмудь. *Пифагор и ранние пифагорейцы* (М. 2012) 279, 283 и прим. 61.

II

Если раннюю греческую астрономию приходится восстанавливать по обрывочным сообщениям поздних авторов и редчайшим разрозненным цитатам из подлинных сочинений, то в случае с китайской дело обстоит в одном отношении лучше: мы располагаем сохранившимся от начала и до конца сочинением астрономического характера – “Чжоу би”. Правда, нет полной уверенности в том, что это сочинение последовательно отражает целостный комплекс представлений; кое-какие элементы содержания могли быть объединены с изначальным ядром позднее и без необходимой логической связи. Не известно также, когда именно это сочинение было создано, хотя имеются солидные основания относить его к началу I в. н. э. и при этом считать, что важнейшие положения, в нем выраженные, были известны в Китае, по крайней мере, с середины III в. до н. э. Зато отдельные положения выступают здесь в контексте.⁸

Космография “Чжоу би” исходит из следующих базовых представлений. Солнце и прочие небесные тела описывают круги исключительно над Землей. Их восходы и закаты – оптическая иллюзия. Солнечный свет распространяется лишь на определенное расстояние; когда дневное светило удаляется от нас дальше, нам кажется, что оно зашло; когда оно возвращается в поле нашего зрения, нам кажется, что оно взошло. Область вокруг северного небесного полюса является центральной частью всего неба. В течение года Солнце описывает вокруг этого центра круги разной величины. Самый короткий – в день летнего солнцестояния. Соответственно, Солнце дольше всего задерживается в поле нашего зрения, и этот день самый длинный. В последующие дни, в течение полугода, круги все увеличиваются. Самый длинный круг Солнце описывает в день зимнего солнцестояния. Соответственно, оно меньше всего оказывается в поле нашего зрения, и этот день самый короткий. Центр Земли находится под центром неба; мы же живем далеко к югу от этой точки (ср. рис. 2).

На греческой почве эта система известна как система Анаксимена, где светила точно так же обращаются лишь над Землей, а Солнце заходит “вследствие удаления” (13 A 7. 6 DK). Эту систему, по крайней мере, в ряде важных отношений, принял и Ксенофан, в доксографии

⁸ Исследование и английский перевод см.: C. Cullen. *Astronomy and Mathematics in Ancient China: The Zhou bi suan jing* (Cambridge 1996); см. также: Э. И. Березкина. *Математика древнего Китая* (М. 1980) 65–69; S. Nakayama. *A History of Japanese Astronomy. Chinese Background and Western Impact* (Cambridge, Mass. 1969) 24–35.

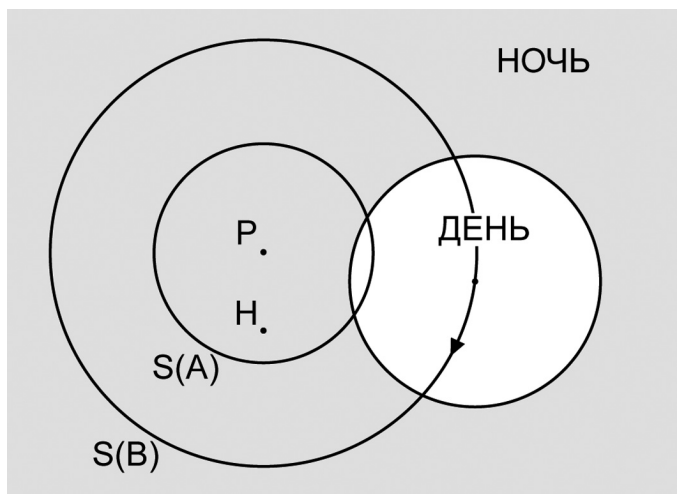

Рис. 2. День и ночь в системе “Чжоу би”

P – полюс

H – наблюдатель

S – солнце

S(A) – солнечная траектория в день летнего солнцестояния

S(B) – солнечная траектория в день зимнего солнцестояния

которого засвидетельствован мотив захода Солнца как оптической иллюзии (A 41 и DK).

“Чжоу би” не только и не столько описывает космос, сколько измеряет его. Делается это при помощи тени от вертикально водруженного шеста – гномона (название сочинения и значит собственно “гномон Чжоу”) и определенного правила. Согласно этому правилу, в полдень летнего солнцестояния тень от гномона определенной высоты убывает или увеличивается на одну единицу измерения (а именно – *цунь*) при перемещении гномона на одну тысячу *ли* в южном или северном направлении соответственно: “Высота гномона Чжоу – 8 *чи*. В день летнего солнцестояния полуденная тень от гномона = 1 *чи*, 6 *цуней*. Гномон – высота, а тень – основание [прямоугольного треугольника]. 1000 *ли* к югу основание = 1 *чи*, 5 *цуней*. 1000 *ли* к северу основание = 1 *чи*, 7 *цуней*” (#B 10). Отсюда следует, что мы находимся в 16 000 *ли* от северного тропика (где в полдень летнего солнцестояния гномон не отбросит тени). Приведенное “правило тени” является замечательным эмпирическим открытием. Оно было сделано, однако, не в Китае, ибо применительно к китайским *ли* оно дает ошибку в пять-шесть раз. Очевидно, китайская мера длины появились на месте чужеземной при усвоении правила, сформулированного за пределами Китая.

Отметим также, что дальнейшие измерения в “Чжоу би” достигаются благодаря расширительному и некорректному применению “правила тени”, в результате чего удается определить расстояния от наблюдателя до равноденственной и зимней траекторий Солнца, а также до точки под небесным полюсом и т. д.

В ряде работ мной с разных сторон была обоснована гипотеза, согласно которой система и методы “Чжоу би” греческого происхождения.⁹ Однако я не касался того материала в этом китайском сочинении, который может пролить свет на сообщения об эксцентрах и эпициклах пифагорейцев. Естественно, в дальнейшем я буду также исходить из представления о том, что в “Чжоу би” отражаются греческие идеи. Впрочем, соответствующий материал можно воспринимать и просто как параллель, помогающую понять обрывочные, непроясненные сообщения.

Текст “Чжоу би” дошел до нас с рядом объяснительных чертежей. Некоторые из них были приложены Чжао Шуанем – комментатором, жившим, по-видимому в III в. Но один из них Чжао видел перед собой. Это изображение “семи траекторий” Солнца в период от летнего солнцестояния до зимнего. На этот счет имеется прямая ссылка в #D2, и ссылка эта появляется лишь для того, чтобы пояснить, что прежний чертеж имел другой масштаб.¹⁰ Похоже, что чертеж был очень ранней составляющей традиции, представленной в “Чжоу би”, и сопровождал текст с момента публикации. До нас он дошел в искаженном виде, но ключевые моменты надежно восстанавливаются благодаря комментарию Чжао.¹¹ Из этого комментария с несомненностью следует, что дальность распространения солнечного света была обозначена зеленым цветом: “Когда Солнце оказывается внутри зеленой линии, мы говорим, что Солнце появляется. Когда Солнце уходит за пределы зеленой линии, мы говорим, что Солнце исчезает”.¹² Следовательно, в этом чертеже наряду с семью концентрическими кругами, проведенными вокруг точки полюса, был представлен еще один круг с центром в точке наблюдателя (рис. 3). Его центр выступает *эксцентром* по отношению к центру семи кругов, находящемуся в точке полюса.

⁹ Д. В. Панченко. 1) *Диффузия идей в Древнем мире* (СПб. 2013) 233–275; 2) Феномен осевого времени // *Древний мир и мы*. Вып. III (СПб. 2003) 11–43; D. Panchenko. The City of the Branchidae and the Question of Greek Contribution to the Intellectual History of India and China // *Hyperboreus* 8: 2 (2002) 244–255.

¹⁰ Причем и уменьшенный вдвое чертеж – около метра в поперечнике: Cullen (прим. 8) 70.

¹¹ Cullen (прим. 8) 69–70, 184, 221–223.

¹² Cullen (прим. 8) 222.

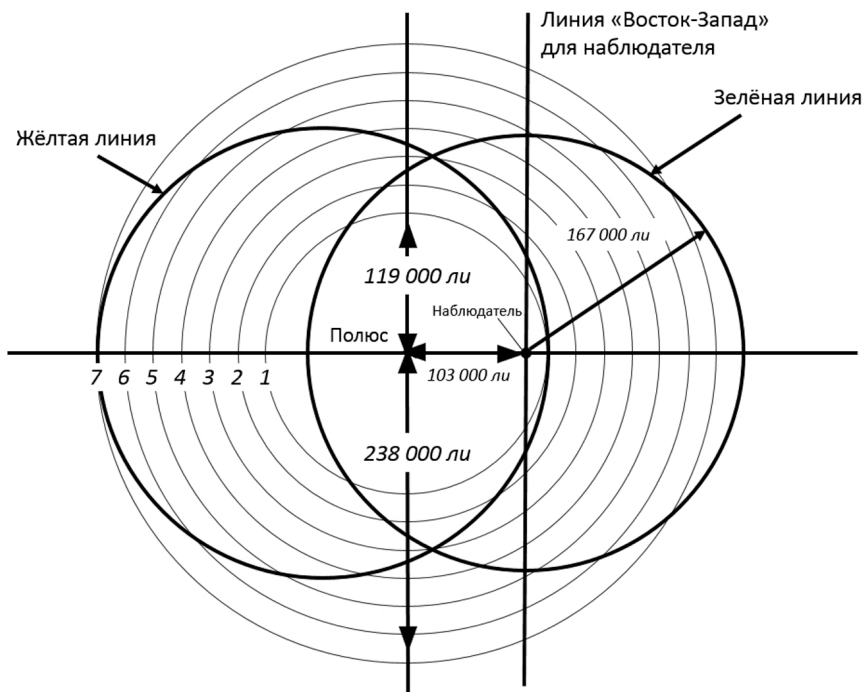

Рис. 3. Схема, которую комментировал Чжао Шуань
(по К. Каллену)

На чертеже, который видел и комментировал Чжао, была обозначена также Желтая Дорога, “вдоль которой движутся Солнце, Луна и планеты”.¹³ При этом в тексте “Чжоу би” рассматривается лишь годовое движение Солнца и месячное движение Луны относительно звезд (разделы #G и #I, а также #B20); об отдельных планетах речи не заходит, что указывает на относительную архаичность системы, лежащей в основе этого сочинения, а соответственно – и вероятную архаичность изначального чертежа. Между тем легко заметить, что на чертеже, восстанавливаемом со слов Чжао, Желтая Дорога предстает окружностью, центр которой является *эксцентром* по отношению к центру “семи траекторий”, совпадающему с небесным полюсом. И этот второй пример является более принципиальным, чем первый. В то время как зеленая линия лишь очерчивает круговое пространство, на которое распространяется наша способность видеть, желтая

¹³ Cullen (прим. 8) 222–223.

линия обозначает *круг, по которому движутся небесные тела*, и более того, эти небесные тела – Солнце, Луна и планеты: в известном смысле этот круг выступает в той же функции, что и классический эксцентрический круг поздней астрономии. Здесь разговор о предвосхищении мог выглядеть достаточно оправданным. Интересно также, что на схеме, где представлены два эксцента, мы не находим ни одного эпицикла. Это заставляет вспомнить свидетельство Никомаха (у Симпликия), в котором пифагорейцам приписывается изобретение только эксцента, а эпицикл не упоминается.

Коль скоро идея чертежа является составной частью традиции, представленной в “Чжоу би”, мы вправе предполагать ее применение и для прояснения ряда других нетривиальных положений. Например, нам говорят: “Когда Солнце в своем обращении оказывается к северу от полюса, тогда в северном регионе полдень и полночь в южном регионе. Когда Солнце к востоку от полюса, тогда полдень в восточном регионе и полночь в западном. Когда Солнце на юге от полюса, тогда полдень в южном регионе и полночь в северном. Когда Солнце к западу от полюса, тогда полдень в западном регионе и полночь в восточном” (#E4). Столь интересную и далеко не самоочевидную идею было бы совершенно уместно проиллюстрировать чертежом. Вернемся к нашему рис. 2. Мы видим несколько кругов, один из которых маркирован надписью “день”. Его радиус описывает пространство, на которое распространяется солнечный свет; Солнце занимает центр этого круга. В соответствии с суточным движением Солнца этот круг будет перемещаться по кругу, в центре которого небесный полюс. Первый круг (круг распространения солнечного света), можно сказать, “насажен” на второй (круг суточного движения Солнца); он выглядит, словно несомый этим вторым кругом. Ничто не мешает назвать первый круг *эпициклом*.

Еще одно утверждение в тексте “Чжоу би” было бы весьма желательным сопроводить чертежом, который при этом включил бы в себя эпицикл. Это утверждение о максимальной протяженности пространства, куда вообще достигает солнечный свет, направленный как в нашу сторону, так и от нас, или о диаметре наибольшего круга, освещаемого Солнцем. Соответствующая величина получается путем двойного прибавления дальности распространения солнечного света (167 000 *ли*) к диаметру солнечной орбиты в день зимнего солнцестояния (476 000 *ли*). Она фигурирует несколько раз, и в частности в том самом разделе, посвященном “семи траекториям”, где чертеж присутствовал, по-видимому, изначально: “Далее идет предел распространения солнечного света в зимнее солнцестояние... Общий диаметр 810 000 *ли*” (#D15). Почему греческих

или китайских астрономов должно интересоваться, как далеко светит Солнце в противоположную от них сторону? Ведь глядя на солнечный диск, можно было думать, что тот солнечный свет, который распространяется в противоположном направлении (если он вообще туда распространяется), освещает не Землю (с морем), а часть неба, и потому несколько странно вообще принимать во внимание соответствующую величину. Однако на чертеже (см. рис. 2) подобный интерес предстает достаточно естественным: солнечный свет падает на одну и ту же плоскость (плоскость Земли) по обе стороны от траектории Солнца. И этому превосходно соответствует определенное представление о форме Солнца, отсутствующее в “Чжоу би”, но наличествующее в свидетельствах о взглядах Анаксимена: Солнце плоское (13 A 7. 4; 15 DK; то, что оно предстает нам вертикально поставленным, особенно при восходе и закате, объяснялось, очевидно, как оптическая иллюзия).

Таким образом, мы обнаружили древнюю систему со своего рода эксцентрами и эпициклами. Даже если исходить из представления о типологическом (независимом) сходстве, материал “Чжоу би” показывает возможность принятия сообщений об эксцентрах и эпициклах в ранней астрономии без того, чтобы нарушать логику развития астрономических идей в IV–III вв. до н. э. Ведь система Анаксимена – система, основанная на принципе оптической иллюзии восходов и заходов Солнца, – *необходимым образом* требует постулировать некий предел распространения солнечного света. Иллюстрация этой идеи посредством чертежа столь же необходимым образом приведет к эпициклу в указанном смысле. Иллюстрации, связанные с эксцентрами, не выглядят столь же необходимыми, но зато здесь мы имеем прямое свидетельство о наличии древнего чертежа. При теснейшей связи с самого начала греческой астрономии с греческой геометрией вероятность очень раннего использования такого рода чертежей в высшей степени высока. Возможно, именно соответствующую практику отражают причудливо звучащие сообщения доксографов о взглядах Анаксимандра: светила “движимы кругами и сферами, на которых каждое из них закрепилось” (12 A 18 DK).

III

В 479 г. до н. э. какое-то значительное число милетян, принадлежащих к жреческой общине Бранхидов или связанных с ней, было поселено Ксерксом на правом берегу Амударьи, в Согдиане, близ будущего Великого шелкового пути. Скорее всего, именно с этим событием связано присутствие греческих астрономических идей

в Китае.¹⁴ В “Чжоу би” нет ничего, чего не могло бы быть в греческой астрономии до 479 г. Напротив, в ней отсутствует все то, что стало характерным для греческой астрономии начиная с середины V в. до н. э. Последнее обстоятельство, впрочем, имеет мало значения в контексте данной работы. Для наших целей важнее другое. В “Чжоу би” имеются элементы, которые в целом принадлежат к Анаксименовой парадигме (небесные тела движутся лишь над поверхностью Земли, их восходы и закаты – оптическая иллюзия), но при этом едва ли могут быть связаны с самим Анаксименом, которые, судя по всему, являются дальнейшим развитием в рамках общей системы.

Так, в “Чжоу би” наличествует примечательное положение: “От границы дня и ночи в весеннее равноденствие до границы дня и ночи в осеннее равноденствие на месте под полюсом всегда солнечный свет. От границы дня и ночи в осеннее равноденствие до границы дня и ночи в весеннее равноденствие на месте под полюсом ни в какое время нет солнечного света. Соответственно в момент разграничения дня и ночи в весеннее и осеннее равноденствия пространство, освещаемое Солнцем, достигает точно до полюса” (#В 22). Между тем, согласно традиции, не Анаксимен, а Бион из Абдеры “первым заявил, что есть такие места, где ночь и день длятся по шесть месяцев” (D. L. 4, 58). Диоген Лаэртский называет Биона демокритовцем, но Демокриту как уроженцу Абдер записали в ученики и абдерита Протагора (D. L. 9, 50; Clem. Strom. 1, 64; Eus. Praep. Ev. 14, 17, 10), который, по-видимому, был старше его. До нас дошло два списка представителей демокритовской школы (Clem. Strom. 1, 64; Eus. Praep. Ev. 14, 17, 10): Биона нет ни в одном из них. Логично думать, что Бион из Абдер, лишь робко и на время включенный в список демокритовцев, жил не позже, а раньше Демокрита. Вопреки убеждению ученых, незнакомых с “Чжоу би”, тезис, прославивший Биона, вовсе не обязательно связан с представлением о шарообразности Земли. С этим убеждением, более того, плохо согласуются слова Диогена: в них говорится не о “месте”, а о “местах”, скорее даже – “населенных местах” (οἰκήσεις), где ночь и день попеременно длятся по шесть месяцев. Речь идет не о пятне на полюсе, как это следует из теории шарообразности Земли и движения Солнца (в геоцентрической системе) вдоль зодиака, но о каком-то более или менее значительном пространстве.

Материал “Чжоу би” превосходно подтверждает вывод о наличии по крайней мере двух этапов в разработке системы, ибо мы находим там два разных представления о небесном полюсе – как о точке (в раз-

¹⁴ См. выше, прим. 9.

деле #B) и как о пространстве внутри круга, описываемого некоей околополярной звездой (в разделе #F).¹⁵ При симметрии неба и Земли в системе “Чжоу би” второй вариант подразумевает наличие, как и у Биона, пространной околополярной области, где чередуются шестимесячные день и ночь.¹⁶

Можно показать, что модификация концепции полюса выглядит вполне логичной. В основе всей системы лежит представление о восходах и заходах Солнца как об оптической иллюзии. Оно подразумевает идею определенной ограниченной дальности распространения солнечного света, но система сама по себе не требует приведенного выше положения (#B22), согласно которому эта величина соответствует радиусу равноденственного круга – расстоянию от полюса до солнечной орбиты в дни равноденствий. Задача определить, как именно далеко распространяется солнечный свет, конечно же, была большим соблазном для пытливых умов. Бион, предполагаем мы, опирался на сообщения мореплавателей (таких, как Скилак и Ганнон), побывавших в заключительной четверти VI в. до н. э. на широтах, близких к экватору. Они утверждали, что посетили места, где “незаходящие” околополярные звезды Медведицы заходят и где в пору равноденствий предметы практически не отбрасывают тени. Так, в глазах сторонника астрономии Анаксимена, была выяснена протяженность, на которую распространяется свет – от места, где в равноденствие нет полуденных теней, до центра неба, иными словами – от экватора до полюса. Факты, правда, относились лишь к свету звезд, но если считать, что свет звезд и Солнца одной (а именно – огненной) природы, то распространение сделанного вывода на Солнце могло казаться вполне приемлемым.¹⁷ Однако при ближайшем рассмотрении оказывалось, что это блестящее открытие делало невозможной саму систему. Это легко усмотреть из рис. 4.

По логике системы, основанной на идее оптической иллюзии, в моменты восходов и заходов Солнца расстояние между светилом и наблюдателем в точности равняется дальности распространения солнечного света. Особенность ситуации в дни равноденствий в том, что точки полюса (P), наблюдателя (H), восхода (E) и захода (O) образуют два равных прямоугольного треугольника. При этом HE и HO равны дальности солнечного освещения по указанной логике, а PE

¹⁵ Cullen (прим. 8) 190: “This is apparently the first section of the *Zhou bi* to show signs of critical reconsideration of material occurring earlier in the present text”.

¹⁶ См. #F6. Так понимал соответствующее место уже Чжао, и с ним солидарен новейший комментатор: Cullen (прим. 8) 125 f.

¹⁷ Подробнее см. D. Panchenko. Bion von Abdera // *FGrHist V* (в печати).

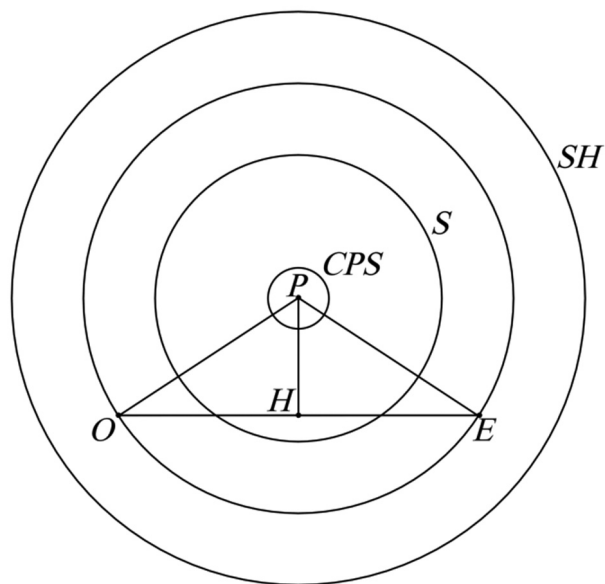

Рис. 4. К проблеме дальности распространения солнечного света

- P – полюс
 CPS – круг, описываемый околополярной звездой
 H – наблюдатель
 E – точка равноденственного восхода
 O – точка равноденственного захода
 S – орбита солнца в летнее солнцестояние
 SH – орбита солнца в зимнее солнцестояние

и PO – по определению в #B22. В результате в каждом из этих треугольников катет равен гипотенузе, что невозможно. Вот это противоречие и решает введение в систему круга, описываемого околополярной звездой. Расстояние от точек E и O до границы этого круга меньше гипотенузы и может быть помыслено как равное HE и HO.

Модифицированный вариант системы Анаксимена естественно связать с поколением, действовавшим после Анаксимена, но до 479 г. (когда, по нашей гипотезе, носители традиции, легшей в основу “Чжоу би”, были переселены из Милета на правый берег Амударьи). Хронологически это хорошо подходит ранним пифагорейцам. Но как разработки, сложившиеся на основе идей, выдвинутых в Милете, предстали в источниках “пифагорейскими”?

В “Чжоу би” – китайской версии постанаксименовской греческой астрономии – мы находим измерения, чертежи, инструменты. Но там нет рассуждений о том, из чего первого возникло все на свете, какова

природа небесных тел, что заставляет Солнце описывать в течение года то увеличивающиеся, то уменьшающиеся круги и почему видимый размер Солнца при этом не меняется. Тип экспертов, которым свойственен такой набор знаний и интересов, получил в греческом мире наименование “математики”. Блон из Абдера и назван Диогеном “математиком”. Я предполагаю, что эпициклы и эксцентры были найдены в сочинениях людей (представленных, возможно, в конкретном случае каким-то конкретным автором), за которыми закрепилось прозвище “математики”, а поскольку существовала традиция, согласно которой те пифагорейцы, что занимались науками, назывались именно “математиками” (в отличие от “акусматиков”), это позволило отождествить (верно или ошибочно) одних “математиков” с другими – пифагорейскими.

Само слово $\mu\alpha\theta\eta\mu\alpha\tau\iota\kappa\acute{o}\varsigma$ не засвидетельствовано ранее IV в. до н. э. Но при ничтожности научных и философских текстов, дошедших от более раннего времени, это не может доказывать, что слово не употреблялось во второй половине V в. или даже ок. 500 г. до н. э. Для наших целей достаточно даже допустить, что термин “математики” стал прилагаться к профессиональным астрономам и математикам досократовской эпохи на ранней стадии формирования доксографической традиции. Этот весьма умеренный вывод до сих пор, правда, не был сделан, но, в том или ином виде, он кажется неизбежным.

К нему ведет прежде всего следующее сообщение доксографов об Алкмеоне: “Некоторые математики полагают, что планеты движутся с запада на восток в направлении, противоположном движению неподвижных звезд. С этим согласен и Алкмеон” (24 A 4 DK). Построение фразы недвусмысленно предполагает, что математики, о которых идет речь, были либо старше Алкмеона, либо его современниками.

Жмудь, однако, категорически заявляет, что у Феофраста “Алкмеон упоминался без всяких математиков” и что их появление в обсуждаемом пассаже – “позднее добавление”.¹⁸ Жмудь исходит из того, что сочинение Феофраста называлось “Мнения философов” (а не “Философские мнения”, как полагают некоторые другие). В этом он, вероятно, прав, однако интерес Феофраста был все-таки доксографический, а не биографический. Поэтому нет ничего невозможного в том, что Феофраст спорадически упоминал воззрения “математиков”. Но даже если последние появились лишь в поздней доксографии, это еще не значит, что приведенное свидетельство следует попросту отбросить. Буркерт полагает, что, напротив, сообщение

¹⁸ Жмудь (прим. 7) 284 и прим. 69.

об Алкмеоне было добавлено к сообщению о математиках.¹⁹ Версия Буркерта, на первый взгляд, лучше согласуется с текстом, но на деле является либо ненужной (почему бы Алкмеону не следовать мнению специалистов?), либо неправдоподобной – коль скоро, по убеждению Буркерта, “*mathematikoi* доксографической традиции – профессиональные математики и астрономы эллинистической эпохи”.²⁰ Дело в том, что формулировка сообщения отсылает нас к весьма ранней фазе в истории греческой астрономии, отнюдь не к эллинистической эпохе. Ведь здесь лишь в общем виде говорится о движении планет “с запада на восток в направлении, противоположном движению неподвижных звезд”, и не уточняется, что это движение происходит вдоль зодиака, – как это регулярно отмечается во множестве соответствующих текстов. Разница огромна: представим один корабль, движущийся “в направлении восхода солнца”, и другой, следующий точно намеченному курсу.²¹ Отчетливое, разработанное знание о движении Солнца вдоль зодиака пришло с Энопидом, около сер. V в. до н. э.²² Таким образом, как построение сообщения о математиках и Алкмеоне, так и его содержание равным образом ведут нас в раннюю эпоху.

Вместе с тем убеждение, приписываемое математикам и Алкмеону, само по себе не является тривиальным – ведь понятие “планеты” в такого рода контекстах может включать в себя и Луну с Солнцем или даже ими ограничиваться. Поскольку Солнце не светит, когда на небе появляются звезды, то проследить путь Солнца относительно звезд – задача весьма трудная. В Месопотамии она была решена до разрушения Ниневии в 612 г. до н. э., и заключение общего характера – Солнце “ходит той же дорожкой, что и планеты”,²³ весьма возможно, было известно уже Фалесу, основателю греческой астрономической традиции. Однако одно дело – услышать, что существует такое-то представление, и другое – быть уверенным в его справедливости. Группа людей, владеющих техникой соотнесения наблюдений за движением Солнца и звезд и при этом согласных между собой, как раз и могла выступить источником подобной уверенности. Мы видим, что следование представлениям скорее некоей группы, нежели отдельного авторитета здесь совершенно на месте. Можно, конечно,

¹⁹ Burkert (прим. 3) 322 n. 45.

²⁰ Burkert (прим. 3) 42 f. n. 76.

²¹ Л. Я. Жмудь ([прим. 5] 253; [прим. 7] 284) этой разницы не учитывает.

²² D. Panchenko. Who found the Zodiac? // *Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption* 9 (1999) 33–44.

²³ H. Hunger, D. Pingree. *Mul. Apin: An Astronomical Compendium in Cuneiform*, Archiv für Orientforschung. Beiheft 24 (Horn 1989) 70.

спорить, именовались ли такие эксперты уже во времена Алкмеона, ок. 500 г. до н. э., “математиками”, но это представляется вполне естественным заключением.²⁴

По-видимому, “математики” фигурируют в доксографической традиции в разных значениях. Во всяком случае, совершенно не в духе эллинистических профессиональных астрономов обращаться к туманным “физическим” вопросам и объяснять облик лунного диска тем, что он “неровный по составу” – как в Aët. 2, 31, 7, причем Парменид и Анаксагор фигурируют в этой же главке как выразители очень близкого взгляда.

Согласно свидетельствам, не только Алкмеон, но и родившийся раньше его Ксенофан следовал “математиком”.

Лактанций саркастически излагает воззрения языческого философа былых времен: “Ксенофан глупейшим образом поверил математикам, утверждавшим, что круг Луны в восемнадцать раз больше, чем Земля (*Xenophanes dicentibus mathematicis orbem lunae duodeviginti partibus maiorem esse quam terram stultissime credidit*). В духе подобной глупости он заявляет, что в полости Луны (*intra concavum lunae sinum*) имеется другая Земля, где другой род людей живет жизнью, сходной

²⁴ Буркерт считает бесспорным, что Aët. 2, 31, 2 передает точку зрения Аристарха Самосского, на основании чего он и заключает, что “математики” доксографической традиции – персонажи эллинистической эпохи. Однако на единичном примере не следует строить обобщающие выводы. К тому же в Aët. 2, 31, 2 говорится, что, согласно математикам, расстояние от Солнца до Луны в 18 раз больше, чем расстояние от Луны до Земли, тогда как оригинальная формулировка Аристарха имеет существенное отличие: “расстояние от Земли до Солнца больше в 18 раз, но меньше, чем в 20 раз расстояние от Земли до Луны” (Neath [прим. 1] 352). И почему индивидуальное мнение Аристарха приводится не под его собственным именем (как это буквально в следующей строке с Эратосфеном)? Заметим, что метод Аристарха в основе своей очень прост и его мог использовать до него любой “математик”, признававший, что Луна светит отраженным светом Солнца, а этого взгляда держался уже Парменид, а может быть – даже Фалес: D. Panchenko. Eudemus Fr. 145 Wehrli and the Ancient Theories of Lunar Light // I. Bodnár, W. W. Fortenbaugh (eds.), *Eudemus of Rhodes*, Rutgers University Studies in Classical Humanities 11 (New Brunswick 2002) 323–336. Поэтому возможно и то, что доксографы огрубели формулировку Аристарха, и то, что они приводят цифры кого-то из предшественников Аристарха, чьи результаты тот впоследствии уточнил и расширил. Л. Я. Жмудь (прим. 5) 113 и прим. 33, опираясь на диссертацию А. Аммана, посвященную словам с суффиксом -ικός, заключает, что слово μαθηματικός было введено либо Платоном, либо незадолго до него. Но было бы желательным указать, в каких текстах V в. мы ожидали бы встретить слово μαθηματικός, но не находим его. Отметим, что близкое по характеру образования слово τεχνικός встречается уже у Эпихарма (23 В 3, 11 DK), которого традиция датирует 73-й олимпиадой (488–485 гг. до н. э.: 23 A 1; 5 DK).

с нашей на нашей Земле; и у этих лунатиков имеется другая Луна, чтобы светить им ночью, как наша у нас; и, возможно, наша Земля служит Луной другой Земле, которая под нами” (*Div. Inst.* 3, 23). Германи Дильтс не включил это свидетельство в “Досократиков”, полагая, что сообщение Лактанция ни что иное как контаминация двух замечаний Цицерона – *Acad.* 123 и 82.²⁵ Однако сообщение Цицерона о Ксенофане ограничивается словами: “Ксенофан утверждает, что на Луне имеется Земля со многими городами и горами” (123), тогда как у Лактанция появляются яркие подробности, Цицероном вовсе не упоминаемые. Другое дело, что комплекс идей, выраженных в сообщениях Цицерона и особенно Лактанция, трудно совместить с прочими взглядами Ксенофана – например, с представлением о бесконечно глубокой Земле. Но Ксенофан прожил долгую творческую жизнь, и нет ничего невозможного в том, что доксграфия отразила разные этапы в его воззрениях. Между тем о горах и городах Луны говорится в отрывке из орфической поэмы (fr. 91 Kern), которая, возможно, была создана еще в конце VI в. до н. э. Со временем классиком этой идеи стал восприниматься Анаксагор. Демокрит, однако же, утверждал, что “представления Анаксагора о Солнце и Луне не его собственные, а древние” (*D. L.* 9, 34; *Democr. fr.* 159 Luria; 59 A 5 DK). Как бы в согласии с этим и сам Демокрит заявлял, что на Луне есть горы, равнины и ущелья.²⁶ Еще одна деталь в изложении Лактанция ведет нас в эпоху ок. 500 г. до н. э.: загадочное выражение *sinus lunae* заставляет вспомнить о лунных “чашах” Алкмеона (24 A 4 DK) и Гераклита (fr. 61 Marcovich).²⁷

А теперь обратимся к измерениям – “круг Луны в восемнадцать раз больше, чем Земля”. Не странно ли, что с размером Земли соотносится не величина Луны как таковой, а величина лунной орбиты – будь то ее диаметр или окружность (радиус у древних обычно характеризует

²⁵ H. Diels. *Doxographi Graeci* (Berlin 1879) 121 n. 1.

²⁶ Ср. Панченко (прим. 5) 60–61 прим. 17.

²⁷ Анри Мартэн предложил изменить чтение “Xenophanes” на “Xenocrates”: Т.-Н. Martin, *Mémoire sur les hypothèses astronomique* (New York 1976) 149. В одной из своих публикаций, где выбор между Ксенофаном и Ксенократом не имел особого значения, я охарактеризовал такое решение как не лишенное правдоподобия – ведь Ксенократ был автором и обширного сочинения “Об астрономии”, и особой книги “О расстояниях” (*D. L.* 4, 13), тогда как ошибку, общую для Цицерона и Лактанция, можно было бы возвести к Варрону: D. Panchenko, *Aristarchus of Samos on the Apparent Sizes of the Sun and Moon // Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption* 11 (2001) 27. Однако следовало подумать о том, сколь маловероятна готовность платоника Ксенократа выдать за свою собственную идею, представленную в “Апологии Сократа” (26 d) в качестве общеизвестного взгляда Анаксагора.

расстояние от центра до периферии круга, а не величину круга)? Но точно такую же странность мы находим у Анаксимандра (опубликовавшего свою книгу в то время, когда Ксенофан был молодым человеком): согласно Анаксимандру, Луна – “это круг, в девятнадцать раз больший Земли” (12 A 22 DK).

Мы с разных сторон убеждаемся в том, что Лактанций реферирует очень ранние воззрения. Но почему при этом не предположить, что ассоциация взглядов Ксенофана с “математиками” поздняя и ни к чему не обязывающая; что какой-то доксограф заметил одни и те же цифровые параметры у Ксенофана и у кого-то из профессиональных астрономов и сделал соответствующие выводы? С подобным предположением вступают в противоречие сами цифровые параметры. Если орбита Луны в 18 раз больше Земли, то при стандартном соотношении $720 : 1$ между орбитой Луны и ее величиной (видимым диаметром) Луна оказывается в 40 раз меньше Земли; или же – в 13 раз, если за “кругом Луны” стоит не окружность (орбита), а диаметр. Представление о столь миниатюрной Луне было чуждо профессиональным астрономам эллинистической эпохи. К тому же, если наш доксограф не отличался патологической беззаботностью, он должен был сопоставлять взгляды Ксенофана с выкладками тех, кто был современником Ксенофана или жил раньше, но не позже него. Допустим, не сам Ксенофан, а все-таки доксограф назвал “математиками” людей, определивших, во сколько раз круг Луны больше Земли. Но почему он не назвал конкретное имя, а указал на некую анонимную группу? Очевидно – потому, что сам Ксенофан ссылаясь на консенсус некоей группы экспертов. И наиболее естественной интерпретацией сообщения Лактанция оказывается предположение, что сам Ксенофан называл этих людей “математиками”.

А теперь обратимся к небезызвестным пифагорейским “математикам”.

“Существует две разновидности италийской философии, именуемой пифагорейской. Ведь ее адепты были двух родов – акусматик и математики. При этом математики признавали акусматиков пифагорейцами, те же их за пифагорейцев не считали, утверждая, что они – последователи не Пифагора, а Гиппаса (его одни считают кротонцем, другие – метапонтцем). Но те пифагорейцы, что занимаются науками (μαθηματά), признавая, что акусматик – пифагорейец, говорят, что сами они являются пифагорейцами в еще большей степени” (Iambl. *Comm. math. sc.* pp. 76, 16 – 77, 2 Festa).²⁸

²⁸ См. также Burkert (прим. 3) 193 f.; Жмудь (прим. 5) 113–115.

Гиппас фигурирует в традиции, с одной стороны, как пифагореец первого поколения; с другой – его называют учителем Гераклита. Гиппас, родоначальник пифагорейских “математиков”, вполне может быть старшим современником Алкмеона, время жизни которого, по словам Аристотеля, пришлось на старость Пифагора (*Metaph.* 986 a 27; 24 A 3 DK).²⁹ Само свидетельство поразительно. Учитывая громкую славу Пифагора-ученого на протяжении многих веков, кажется невероятным, чтобы Гиппас вытеснил его с места родоначальника “математиков” в позднюю эпоху.³⁰

Впрочем, мы не будем вдаваться здесь в запутанные вопросы, связанные с Пифагором, Гиппасом и пифагорейцами. Для нас важно, что была доксографическая традиция о “математиках” рубежа VI–V вв., а также традиция об особых пифагорейских “математиках”. Не трудно представить, что у ревностных почитателей Пифагора и его наследия первые с их достижениями могли быть подменены вторыми. Отметим в этой связи одно любопытное обстоятельство, относящееся к трем крупнейшим математикам V в. Гиппократ с Хиоса однажды назван пифагорейцем.³¹ Феодор из Кирены попал в каталог пифагорейцев (43 A 1 DK; ср. A 3). Возникающая из разных сообщений картина общего для “так называемых пифагорейцев” и Энопида представления, согласно которому по Млечному пути некогда двигалось Солнце (41 A 10 DK), возможно, также связана с тем, что Энопид как “математик” кем-то причислялся к пифагорейцам. Показательно, что Пифагору приписываются оба достижения, прославившие Энопида, – описание пути Солнца вдоль наклонного круга зодиака и 59-летний цикл (41 A 7; 9 DK).

Однако сказанное не следует воспринимать как решительное исключение возможности того, что эпициклы и эксцентры были обнаружены у математиков, находившихся в русле влияний, шедших от

²⁹ Л. Я. Жмудь (прим. 5) 77 обоснованно относит время жизни Гиппаса к концу VI – началу V вв. до н. э.

³⁰ Ни Буркерт, ни Жмудь этот вопрос не рассматривают. Гатри точно так же хранит молчание. Фон Фриц довольствуется допущением, что это “акусматики” объявили “математиков” последователями Гиппаса: K. von Fritz. *Mathematiker und Akusmatiker bei den alten Pythagoreern* // *SBAW* 11 (1960). Скофилд касается вопроса, но при этом приписывает традиции не совсем то, что в ней содержится: “the claim that Pythagorean *speculation about music and number* originated with Hippasus is intrinsically implausible” (курсив мой); причем сам дальше замечает: “it could not have been made if Pythagoras’ own name had been as firmly connected with (for example) the discovery of the harmonic ratios as with (for example) belief in reincarnation” – G. S. Kirk, J. E. Raven, M. Schofield. *The Presocratic Philosophers* (Cambridge 1983) 235.

³¹ Он назван “пифагорейцем” в схолиях к Арату (p. 510 Martin).

Пифагора или Гиппаса. Картина может быть более сложной. Мы помним, что сообщение Лактанция о взглядах Ксенофана предполагает связь “математиков” с милетской школой, с Анаксимандром, и мы видели, что “математик” Бион из Абдеры разрабатывал систему Анаксимена. Свидетельство Авла Гелия о пифагорейских “математиках” в какой-то мере может служить мостом. Он объясняет это прозвище тем, что “в древности греки называли геометрию, гномонику, музыку и другие высшие дисциплины $\mu\alpha\theta\eta\mu\alpha\tau\alpha$ ” (1, 9, 6). Присутствие музыки отчетливо указывает на традицию, вошедшую в историю под именем пифагорейской. Вместе с тем именно Анаксимандр единодушно считался человеком, который ввел в оборот гномон (12 A 1; 2; 4 DK), а основателем гномоники как особой дисциплины Плиний называет Анаксимена (NH 2, 187; 13 A 14 a DK; возможно, в источнике Плиния имя “Анаксимен” появилось по ошибке вместо имени “Анаксимандр”).

Таким образом, становится более или менее ясно, к кому мы должны примерять сообщения об изобретении эксцентров и эпициклов. В общем и целом речь идет о ранних профессиональных астрономах – наследниках науки Анаксимандра и Анаксимена. Не исключено и требует особого углубленного рассмотрения, что в более частном плане речь может идти о тех ее наследниках, которые испытали влияние людей, проявивших особый исследовательский интерес к числовым соотношениям, проявляющимся, в частности, в небесной архитектонике, – последователям Гиппаса и/или Пифагора. Сообщения Ямвлиха, Прокла и Симпликия о раннепифагорейских эпициклах и эксцентах не являются сфабрированными в строгом смысле слова. Первые двое, а возможно – и третий, дезориентированы сами и дезориентируют нас: они представляют дело так, будто речь идет об эпициклах и эксцентах в классическом смысле. Однако Никомах, на которого ссылается Симпликий, вполне возможно, имел в виду идею эксцента в общем виде, безотносительно к тому конкретному ее применению, которое стало общепринятым в поздней астрономии.

Д. В. Панченко

*Факультет свободных искусств и наук СПбГУ;
Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге*

panchenko.dmitri@gmail.com

Late authors, Iamlichus, Proclus and Simplicius, attribute to the Pythagoreans the invention of epicycles and eccentric circles. The evidence was accepted by B. L. Van der Waerden, but repeatedly denied by the majority of scholars. The parallels found in Chinese treatise *The Zhou bi suan jing* help to see that the ideas

of epicycles and eccentric circles were indeed familiar to early Greek astronomy of Anaximenian type, though they were designed and used in a way different from that of the late Greek astronomy. They could have been found in a work by one of early *mathematikoi*. Since there was a tradition according to which Pythagoreans scientists were collectively also named *mathematikoi*, the ideas of the former group could have been attributed to the latter, and possibly not without a reason.

Поздние авторы, Ямвлих, Прокл и Симпликий, приписывают пифагорейцам изобретение эксцентров и эпициклов. Б. Л. Ван-дер-Варден считал эти сообщения заслуживающими доверия, но большинство ученых их решительно отвергло. Привлечение китайских параллелей позволяет заключить, что эксцентры и эпициклы были действительно известны ранней греческой астрономии Анаксименова типа, но использовались они иначе, чем эксцентры и эпициклы поздней астрономии. Они могли фигурировать в каком-нибудь сочинении одного из ранних профессиональных астрономов, к которым прилагалось собирательное имя “математики”. А поскольку то же имя “математики” прилагалось и к части пифагорейцев, то мог произойти перенос идей и достижений одних “математиков” на других. При этом в данном случае для соответствующего переноса могли быть и некоторые реальные основания.

A PERSONAL LETTER FOUND IN HERMONASSA*

In Summer 2011 a lead object was found by chance under the waters of Bay Taman near the ancient townsite of Hermonassa. It was a tablet coiled into a tube. The find was made by a private individual who took it for a fishing weight. The tube was uncoiled and text discovered on the surface, which revealed the object to be a lead tablet displaying a Greek letter (Fig. 1).¹

Currently the $\mu\omicron\lambda\upsilon\beta\delta\iota\alpha$ constitute a section of the Greek epigraphy which although scarce are extremely interesting for classical scholars as they present us with important information on the private lives and

* This find was preliminarily reported at the international scientific conference of the Bosporan Phenomenon (see: С. В. Кашаев, Н. А. Павличенко, “Письмо из Гермонассы (предварительное сообщение)” [S. V. Kashaev, N. A. Pavlichenko, “A Letter from Hermonassa (Preliminary Report)”], in: *Боспорский феномен. Население, языки, контакты* [St Petersburg 2012] 343–344) and at the Department of Classical Philology of the St Petersburg State University. The letter was also discussed at a sitting of the Department of the History of Greek and Roman Culture of the Institute for the History of Material Culture (ИМК) RAS. The present authors are grateful to all the participants of the discussion of this newly found lead letter and especially to A. K. Gavrilov, D. V. Keyer, S. R. Tokhtas’ev and A. L. Verlinsky.

¹ The private individuals who found it applied in Autumn 2011 to scholars in Moscow and Saint Petersburg allowing it to be photographed and requesting that they decipher it. In these circumstances, a unique situation arose where two groups of scholars – Yu. S. Saprykin and A. V. Belousov in Moscow and independently the authors of the present paper in Saint Petersburg – studied the document and simultaneously published it: Н. А. Павличенко, С. В. Кашаев, “Новая эпиграфическая находка из Гермонассы” [N. A. Pavlichenko, S. V. Kashaev, “A New Epigraphic Find from Hermonassa”], *Древности Боспора* 16 (2012) 288–298; Ю. С. Сапрыкин, А. В. Белоусов, “Письмо Кледика из Гермонассы” [A. V. Belousov, S. Yu. Saprykin, “A Letter of Kledikos from Hermonassa”], *ibid.*, 348–349. A variant of Saprykin’s and Belousov’s article appeared in 2013 in English: A. V. Belousov, S. Yu. Saprykin, “A Letter of Kledikos from Hermonassa”, *ZPE* 185 (2013) 153–160.

The authors of the present paper had an occasion to study the letter in Autumn 2011, Summer 2012 and Summer 2013 when after a more careful cleaning of the external surface of the object it proved possible to read two additional lines containing the address of the letter. Now the letter still is possessed by the persons who found it. About the circumstances accompanying its publication see also: Belousov, Saprykin, “A letter ...”, 153 n. 2.

daily problems of representatives from diverse social strata. Compared to lapidary inscriptions – of which there are thousands – letters on lead tablets are to be considered extremely rare finds.² Over a dozen similar documents are now known in the northern Black Sea littoral.³

In the uncoiled form, the letter under consideration is a tablet measuring $3.1\text{--}3.2 \times 20.2\text{--}20.4$ cm and about 1.5 mm thick. On the inner side the tablet bears a text consisting of two parts divided by a vertical line. The left side contains six lines, on the right there are two lines. On the external surface lies the address, written at a right angle to the main text. The letters are scratched with a sharp tool; the height of the letters is 3–5 mm, and that of the address, 3–4 mm. Within the content of the message, the letters are drawn following fairly straight lines and are of approximately equal height. In contrast, the letters in the address are rather unsteady with differing heights and widths. The state of preservation of the document is generally fairly good. Most of the letters are clear and easy to read. The left half of the tablet is the most eroded, due to the effects of seawater and hasty uncoiling. Its edges have been badly corroded. On the surface, traces of brown deposit and white patina are discernible and some letters are difficult to read (especially in the last line). Slight darkening of the metal is also observable along the upper edge of the tablet, however this does not hamper deciphering.

² In Yu. G. Vinogradov's opinion their rarity is due to the fact that we discover only those letters that never reached the addressees. The letters delivered were remelted after they were read and the metal was used for domestic purposes: Ю. Г. Виноградов, "Древнейшее греческое письмо с острова Березань" [Yu. G. Vinogradov, "The Earliest Greek Letter from the Island of Berezan"], *VDI* 1971: 4, 95–96. Benedetto Bravo ("Une lettre sur plomb de Berezan: colonisation et modes de contact dans le Pont", in: *Dialogues d'histoire ancienne* I [Paris 1974] 116) held another view: after the 4th century BC lead tablets started to be ousted by papyrus which had become available by that period and was therefore usable, in particular, for private correspondence.

³ M. Dana, "Lettres grecques dialectales nord-pontiques (sauf IGDOP 23–26)", *REA* 106 (2007) 69; E. Eidinow, Cl. Taylor, "Lead-letter Days: Writing, Communication and Crisis in the Ancient Greek World", *CQ* 60 (2010) 50; С. Ю. Сапрыкин, Н. Ф. Федосеев, "Фрагмент хозяйственного письма на свинце из Пантикапея" [S. Yu. Saprykin, N. F. Fedoseev, "A Fragment of a Household Letter on Lead from Pantikapaion"], *VDI* 2010: 1, 50; В. В. Назарчук, "Новый фрагмент надписи на свинцовой пластине из Ольвии" [V. V. Nazarchuk, "A New Fragment of an Inscription on Lead Tablet from Olbia"], in: *Боспорский феномен. Население, языки, контакты* (St Petersburg 2011) 471. During recent years, several other personal letters have been found on the Taman Peninsula: some on lead tablet and some on a number of ostraka. These are presently under preparation for a publication by the present authors.

Due to the lack of archaeological context, the dating of the letter is possible only through its palaeographic features. L. Jeffery supposes that in Miletus, the interpunction in form of two dots is dated to the period between the second half of the 6th and early 5th century BC.⁴ However it is also found in later inscriptions, including the Attic ones, e. g. in the letter by Mnesiergos (early 4th century BC).⁵ Olbian examples are also known, such as those in dedications to Apollo and the Mother of the Gods found in excavations of the Western Temenos (5th century BC),⁶ in Artikon's letter (mid-4th century BC),⁷ and in the copy of a *lex sacra* drawn on a fragment of a louterion from the 4th century BC.⁸ Among the published Bosphoran graffiti and letters on lead, the two-dot interpunction is recorded, notably, on the *prochous* (oinochoe) of Myniis from Pantikapaion from the second quarter (middle of the 6th century BC);⁹ in a graffito on a black-glossed kylix from the second half of the 6th to the beginning of the 5th century BC from Pantikapaion;¹⁰ in a Phanagorian letter about the slave Phaulles dated to 530–510 BC;¹¹ as well as in the dedication to Aphrodite on the bottom of a kylix from Kepoi in the late 6th century BC.¹² So far as one is able to judge from a photo, the same type of interpunction was used in

⁴ L. H. Jeffery, *Local Scripts of Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet* (Oxford 1961) 326.

⁵ *SIG*³ 1259.

⁶ А. С. Русяева, *Граффити Ольвии Понтийской* [A. S. Rusyaeva, *Graffiti from Pontic Olbia*] (Simferopol 2010) 52, no. 18, Pl. 11. 3, 16. 4; 62, no. 78, Pl. 19. 16, 20. 26.

⁷ L. Dubois, *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont* (Genève 1996) 63, no. 25.

⁸ Ю. Г. Виноградов, А. С. Русяева, “Кульτ Аполлона и календарь Ольвии” [Yu. G. Vinogradov, A. S. Rusyaeva, “Cult of Apollo and the Calendar of Olbia”], in: *Исследования по античной археологии Северного Причерноморья* (Kiev 1980) 47, Fig. 11, 80, Pl. 10 (= *SEG* XXX 980) – Yu. G. Vinogradov supposed that here we are dealing with a 4th century copy of a law dating from the early 5th century BC. L. Dubois ([n. 7] 167, no. 99) dates it to ca. 450 BC.

⁹ Ю. Г. Виноградов, “Прохус Минииды из Пантикапея” [Yu. G. Vinogradov, “The Prochous of Myniis from Pantikapaion”], *VDI* 1974: 4, 57, Fig. 1.

¹⁰ В. П. Толстиков, Д. В. Журавлев, Г. А. Ломтадзе, “Новые материалы к хронологии раннего Пантикапея” [V. P. Tolstikov, D. V. Zhuravlev, G. A. Lomtadze, “New Evidence on the Chronology of the Early Pantikapaion”], *Древности Боспора* 7 (2004) 348 ff., 365 Fig. 11. 1.

¹¹ Yu. G. Vinogradov, “The Greek Colonisation of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters”, in: G. Tsetschladze (ed.), *The Greek Colonisation of the Black Sea Area* (Stuttgart 1998) 160 (= *SEG* XLVIII 1024).

¹² Н. И. Сокольский, “Кульτ Афродиты в Кехах в VI–V вв. до н. э.” [N. I. Sokol'skiy, “Cult of Aphrodite in Kepoi in the 6th – 5th century BC”], *VDI* 1973: 4, 88–89, Figs. 1, 2.

a still unpublished lead letter (found in 2001) from Hermonassa dated to the 5th century BC.¹³

The letter under consideration combines forms of letters typical of the late 5th century BC with some elements deriving from an earlier period – the first half or middle of the same century. *Alpha*, *lambda* and *mu* have slanting hastae broadly set apart, *theta* is with a dot, *omicron* and *theta* are inscribed into the dimensions of the line, *kappa* has closely arranged slanting hastae, *sigma* has widely opened hastae; simultaneously either *nu* with a slight pitch to the right and slightly raised right hasta or *nu* with hastae set at the same level are used; *omega* has rounded legs. The combination of *upsilon* in the archaic form of the Latin letter “V” (exactly this type of *upsilon* is found in the inscription of Myniis, in the letter about the slave Phaulles and in the dedication to Aphrodite from Kepoi) and a three-part *upsilon* with slightly bent hastae possibly enables us to narrow the date proposed earlier,¹⁴ so that the letter would be originated from ca. 450–440 BC.¹⁵

¹³ С. И. Финогенова, “Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет” [S. I. Finogenova, “Essay on the History of Hermonassa Based on Materials from Excavations of Recent Years”], *Древности Боспора* 8 (2005) 438–439, Figs. 3. 4; ead., “Hermonassa”, in: D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos (eds.), *Ancient Greek Colonies in the Black Sea II* (Thessaloniki 2003) 1019, 1044, Fig. 9.

¹⁴ Павличенко, Кашаев, “Новая эпиграфическая...” (n. 1) 294 – second half of the 5th century BC; cf. Belousov, Saprykin, “A Letter...” (n. 1) 155 – second half of the 5th century or the turn of the 5th to the 4th century BC.

¹⁵ During discussion of our report in the Department of Greek and Roman Culture at IIMK RAS (May 11, 2012), Sergey R. Tokhtas’ev noted that in the letter found in 2001 in Hermonassa, which he was then preparing for publication and had dated to a more ancient period than the one found in 2011, *upsilon* everywhere is shaped as Latin “V”. Some time earlier, he dated this letter to a broad time span of the first half of the 5th century BC: С. Р. Тохтасев, “Контакты Борисфена и Ольвии с Боспором в архаический период в свете археологических источников” [S. R. Tokhtas’ev, “Contacts of Borisphenes and Olbia with Bosporos in the View of Archaeological Sources”], *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 38 (St Petersburg 2010) 55 n. 15.

It is noteworthy that in the graffito on a handle of a Lesbian redware amphora of the first half of the 5th century BC from Phanagoria, *upsilon* consists of three parts: see Ю. Г. Виноградов, “Новые материалы по раннегреческой экономике” [Yu. G. Vinogradov, “New Evidence on the Early Greek Economy”], *VDI* 1971: 1, 68, Fig. 2. Sergey Yu. Monakhov believes that manufacture of redware amphorae on Lesbos ended about the mid-5th century BC: С. Ю. Монахов, *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре* [Greek Amphorae in the Black Sea Region. Typology of Amphorae from the Leading Centres Exporting Products in Ceramic Containers] (Moscow – Saratov 2003) 49. So the date proposed by Yu. G. Vinogradov can possibly be slightly lowered.

The letter was found in the Cossack village of Taman. This fact suggests with a certain degree of confidence that either the author or the addressee of the letter were staying in Hermonassa – a Greek polis founded, according to Dionysios (Dionys. *Per.* 552; Eustath. *ad Dionys. Per.* 549), by the Ionians or, as Arrianus wrote (*Byth.*, fr. 55 Roos), by the Aeolians headed by a certain Semandros of Mytilene on Lesbos. Based on the earliest materials from household pits found by Iraida B. Zeest in the Northern Excavation area, the foundation of Hermonassa is dated presumably to the second – third quarter of the 6th century BC. Furthermore, in other excavation areas a number of fragments from the period specified were also found, although not in assemblages, but in re-deposited cultural strata.¹⁶ The total amount of the early material revealed suggests that the city was founded in the first half of the 6th century BC, and by the mid-6th century BC Hermonassa was already densely settled.¹⁷

Since the lapidary inscriptions, graffiti and the lead letter of 2001 from Hermonassa dated from the 5th and 4th centuries BC are written in the Ionian dialect, most of the scholars justly suppose that the majority of the colonists were Ionians although the Aeolians seem to have been at the head of the oikists.¹⁸ It is also true that the Ionian dialect dominated in other Greek poleis, both in the European and Asiatic Bosporos.¹⁹

¹⁶ И. Б. Зеест, “Архаические слои Гермонассы” [I. B. Zeest, “Archaic Layers of Hermonassa”], *Краткие сообщения Института археологии* 83 (1961) 53–54; ead., “Возникновение и первый расцвет Гермонассы” [“The Origin and First Flourishing of Hermonassa”], *Советская археология* 1974: 4, 85, Figs. 3 and 4; Ю. Г. Виноградов, “Полис в Северном Причерноморье” [Yu. G. Vinogradov, “Polis in the Northern Black Sea Region”], *Античная Греция I* (Moscow 1983) 369, 370; А. К. Коровина, *Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове* [A. K. Korovina, *Hermonassa: Ancient Town on the Taman Peninsula*] (Moscow 2002) 31; Финогенова, “Очерк истории...” (n. 13) 422, 433; ead., “Гермонасса” [“Hermonassa”], in: Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (eds.), *Античное наследие Кубани I* (Moscow 2010) 511, 512.

¹⁷ Коровина (n. 16) 47.

¹⁸ Ю. А. Виноградов, С. Р. Тохтасьев, “Новые посвятельные граффити из Мирмекия” [Yu. A. Vinogradov, S. R. Tokhtas’ev, “New Dedicatory Graffiti from Mymekion”], *Hyperboreus* 4: 1 (1998) 39 n. 45; cf. Ф. В. Шелов-Коведяев, “О центрах миграции греков в северо-восточное Причерноморье в эпоху Великой греческой колонизации” [F. V. Shelov-Kovedyaev, “Centres of the Greek Migration to the North-Eastern Black Sea Littoral during the Great Greek Colonization”], in: *Международный симпозиум “Античная балканистика 6”. Этногенез народов юго-восточной Европы. Этно-лингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны. 18–22 октября 1988 г.* (Moscow 1988) 68–70.

¹⁹ С. Р. Тохтасьев, “Греческий язык на Боспоре: общее и особенное” [S. R. Tokhtas’ev, “The Greek Language in Bosporos: the Common and Specific”], in: *Боспорский феномен. Население, языки, контакты* (St Petersburg 2011) 675.

The following reading of the text of the letter is proposed (Fig. 2):

Side A:

- 1 Ὀριστόκρ<α>τες : ἐπιστέλλε τοι
 Κλέδικος : πυνθάνομα<ι> γάρ
 Μανδρόχαριν : τὰ ἔνθ' αὐτῷ
 ἐόντα : διαιτᾶν : κακῶν
 5 ἐλθὼν : παρὰ Σωκράτεα
 ἐς τὰ οἰκ[ία λαβέ e. g. --- καί]

Side B:

- 1 συνλέξαντες · τὰ λελιθμένα
 ἐς μίαν στέγην · κατασφρ<α><γ>ίσατε.

In tergo (Fig. 3):

Κλέδικος
 Ἀριστοκ<ρ>άτῃ

Side A: 1 ΩΡΙΣΤΟΚΡΤΕΣ plumbum; 3 Μάνδρο χάριν : τὰ ἐνθαὐτῷ Belousov-Saprykin; 4 δίαιταν Belousov-Saprykin; 6 ἐς τὰ οἰκάμητ ἀπολωλότα Belousov-Saprykin

Side B 1 λελιθ<ω>μένα Belousov-Saprykin; 2 ΚΑΤΑΣΦΡΚΙΣΑΤΕ plumbum

In tergo: ΑΡΙΣΤΟΚΑΤΕ plumbum

Only few of the lead letters known to us bear a separately written address. Irrespective of whether the letter was folded in two or three – such as the letters of Mnesiergos (*Syll.*³ 1259) or Apatourios,²⁰ – or coiled into a tube – such as those of Achillodoros²¹ and Lesis,²² – the address is in many cases drawn at a right angle to the main text on the right part of the external surface of the tablet, which was therefore rolled or folded from left to right.

The most detailed address is Φέρεν ἰς τὸν κέραμνον τὸν χυτρικόν ἀποδόναι δὲ Ναυσίαι | ἢ Θρασυκλῆι ἢ θυίῳι – which is found in the letter of Mnesiergos. The upper surface of Lesis' letter is poorly corroded so that, regrettably, the address is unreadable. In the letter to Achillodoros from Berezan, the address is less informative, being written according to another scheme: τοῦ δεινός epistula τῷ δεινί – Ἀχιλλοδώρῳ τὸ μολίβδιον παρὰ τὸμ παῖδα κ' Ἀναξαγόρην. An address analogous to that of our letter is found in the Olbian letter from Apatourios to Leonaktes (late

²⁰ M. Dana, "Lettre sur plomb d'Apatourios à Léanax. Un document archaïque d'Olbia du Pont", *ZPE* 148 (2004) 3, 4.

²¹ Виноградов (n. 2) 75.

²² D. R. Jordan, "A Personal Letter Found in the Athenian Agora", *Hesperia* 69 (2000) 93.

6th century BC), where it is presented in the same laconic variant: ὁ δειῖνα τῶι δειῖνι – Ἀπατόριος Λεάννακτι.

The omission of letter *rho* in the name of the addressee seems to be a chance grammatical mistake produced by haste or excitement during composition of the letter. In a number of places in the text, traces of correction of erroneous writing are manifest – original letters are rubbed out while new ones are scratched in their place and some letters are omitted. In one place, the omitted letter is superscribed above (line 1).

The text of the letter is introduced by an address to the reader (lines 1–2).²³ Of the variant introductions known to us from other letters, the closest parallel is found in the Berezan letter from Achillodoros to Protagores or Anaxagores which also begins with a vocative and the formula: ὁ δειῖνα τῶ δειῖνι ἐπιστέλλει – ὦ Πρωταγόρη, ὁ πατήρ τοι ἐπιστέλλει “Protagores! It is Father who writes to thee”.²⁴

The beginning of our letter is constructed according to the same scheme – Ὀριστόκρ(α)τες, ἐπιστέλλει τοι Κλέδικος – “Aristokrates! It is Kledikos who writes to thee”. In the vocative Ὀριστόκρ(α)τες²⁵ a crasis of the interjection and initial α²⁶ and a syncope are recognizable – the unaccented ᾱ is omitted and afterwards subscribed above.²⁷ Another case of a syncope, as well as an unaccented ᾱ after the liquid is presented in

²³ Very few letters lack an address and/or any more or less verbose introductive formula: see В. П. Толстиков, Д. В. Журавлев, Г. А. Ломтадзе, “Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея” [V. P. Tolstikov, D. V. Zhuravlev, G. A. Lomtadze, “New Evidence on the Chronology of the Early Pantikapaion”], *Древности Боспора* 7 (2004) 348; Тохтасьев (n. 19) 675; Vinogradov (n. 11) 160 ff. no. 3; Тохтасьев (n. 15) 50; Ю. Г. Виноградов, Н. В. Головачева, “Новый источник о походе Зопириона” [Yu. G. Vinogradov, N. V. Golovacheva, “New Evidence on the Campaign of Zopyrion”], in: *Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы* (Kishinev 1990) 15 (= *SEG* XLII 711).

²⁴ Виноградов (n. 2) 75. Derivatives from στέλλω are probably among the invariable elements of the introduction to the letters – ἐπιστέλλω is used also in the letter of Mnesiergos; in Theophr. *Char.* 24. 13 a haughty person, when addressing a letter (ἐπιστέλλον), writes: Ἀπέσταλκα πρὸς σὲ ληψόμενος.

²⁵ The personal names recorded in *CIRB* with the stems in sigma, including those with -κρατης, in the majority of cases have the vocative ending in -η (Διογένη, Φιλοκλή etc.) – all these examples are from the 2nd century BC – 2nd century AD. In one case, the vocative has the form of Καλλιγένης (*CIRB* 614, 1st–2nd centuries AD). The Olbian epitaph to Epikrates presents an earlier example dated to the first half of the 4th century BC – Ὀπικράτες (Dubois [n. 7] 89, no. 45).

²⁶ The available example of crasis ὀ + α (*CIRB* 119. 13) is unfortunately too late – 2nd–1st centuries BC, and derives from a poetic inscription.

²⁷ On the syncopes in Attic inscriptions see L. Threatte, *The Grammar of Attic Inscriptions* I–II (Berlin – New York 1980–1994) I, 395–396.

the imperative ΚΑΤΑΣΦΡΚΙΣΑΤΕ in line 2 Side B, where along with the syncope there is a replacement of *gamma* with *kappa*.²⁸ Moreover, the first phrase is notable for the use of the Ionian τοι instead of σοι and for the presence of $\bar{\epsilon} = \epsilon\iota$ (ἐπιστέλλῃ, Κλέδικος), commonly seen in such letters.²⁹

Further on, the exposition continues in the first person. In ΠΥΝΘΑΝΟΜΑ, which begins the new phrase, the final *iota* is omitted, probably through haste or carelessness of the author of the letter who committed errors more than once.³⁰ In order to understand this phrase – πυνθάνομα(ι) ... κακῶν (lines 2–4) – it is important to define the meaning of ΜΑΝΔΡΟΧΑΡΙΝ which allows a varied interpretation. Here either two words may be supposed or one, since the interpunction signs in the letter of Kledikos divide nouns together with their articles and prepositions (cf. ΠΑΡΑΣΩΚΡΑΤΕΑ, ΤΑΛΕΛΙΘΜΕΝΑ, ΕΣΤΑΟΙΚ[ΙΑ]).

A. V. Belousov and S. Yu. Saprykin consider ΜΑΝΔΡΟΧΑΡΙΝ as the genitive of the anthroponym Μάνδρο, unregistered in *LGPN*, with the preposition χάριν. This proposal leaves only one possibility for the interpretation: ΤΑΕΝΘΑΥΤΟΕΟΝΤΑ and ΔΙΑΙΤΑΝ with the related ΚΑΚΩΝ thus must be regarded as accusatives depending, as direct objects, upon πυνθάνομα(ι). Δίαιτάν, as may be derived from the translation (*Yes,*

²⁸ On unvoicing and vocalization of the obstruents, including those near *rho*, see: G. Meyer, *Griechische Grammatik* (Leipzig 1896) 271–274; С. Р. Тохтасьев, “Новые материалы по истории койне” [S. R. Tokhtas’ev, “New Evidence on the History of the Koiné”], in: *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 10 (St Petersburg 2006) 299.

²⁹ This phonetic phenomenon is well represented in Ionian inscriptions from the northern Black Sea littoral. Cf. e. g. the examples collected in Belousov, Saprykin, “A Letter...” (n. 1) 155 n. 6.

³⁰ Cf. a graffito from Gorgippia where a number of mistakes also were made – the *iota* was omitted in πα(ι)δί[ωι] (line 3, on the sherd ΠΑΔΙ), and *lambda* omitted and afterwards superscribed above in ἦλθεν (line 5): Ю. Г. Виноградов, “Письмо с горгиппийских наделов” [Yu. G. Vinogradov, “A Letter from Gorgippian Land Plots”], in: Е. М. Алексеева (ed.), *Античный город Горгиппия* (Moscow 1997) Appendix, 544. Fig. 1, 550.

Saprykin and Belousov (“A Letter...” [n. 1] 156 and n. 11) see here a monophthongization of the diphthong αι with the transition of αι into $\bar{\alpha}$ or “the elimination of the final weak -ι in the -αι”. However the monophthongization of αι, which arose earlier in the Boeotian dialect (where as early as in the 5th century BC the αι began to be spelt as $\alpha\epsilon$) leads by the mid-2nd century BC to vacillations between αι and ϵ in the Koiné: M. Lejeune, *Phonétique historique du Mycénien et Grec ancien* (Paris 1972) 230 § 242. In the quoted passage from “The Grammar of Attic Inscriptions”, Leslie Threaght states that “monophthongization to ϵ [e]” was the normal development of αι: Threaght (n. 27) I, 268–269.

*I find out for Mandros' sake [about] the circumstances taking place here – the way of life of the evil [people?]), – must serve here as an apposition to τὰ ἐνθαυτῷ ἑόντα.*³¹

Firstly, one general consideration runs contrary to the interpretation proposed by our Moscow colleagues. All the letters that survived, both on lead and on ostraka, tell us about actual events: they present names and numbers, describe the events exactly and in detail and sometimes quote the direct speech word for word. In other words, there is no place for euphemisms in them. Against this background, the passage of “the way of life of the evil [people]”, especially alongside the further particular instructions – *having arrived there do the following* – seems somewhat out of tune with the general situation.³²

This interpretation of ΜΑΝΔΡΟΧΑΡΙΝ also contradicts the fact that in Black Sea inscriptions χάριν in the quality of a preposition indicating a cause or a goal is used as a rule with nouns standing for abstract notions: εὐνοίας χάριν, μνήμης χάριν etc.³³ In addition, this preposition used in conjunction with proper names is relatively rare in prose. Thus another possibility seems more probable: to consider ΜΑΝΔΡΟΧΑΡΙΝ as an accusative of the anthroponym Μανδρόχαρις, although also unregistered in *LGPV*. Personal names with the first or second stem μανδρο- derived from the Anatolian theonym Μάνδρος³⁴ are widely represented in Miletus and Milesian colonies and are found in many Ionian poleis.³⁵ Names with the second stem of -χαρις are also well known. This fact, in turn, enables

³¹ Сапрыкин, Белоусов, “Письмо Кледика...” (n. 1) 353–354; Belousov, Saprykin, “A Letter...” (n. 1) 158.

³² In the opinion of E. Eidinow and Cl. Taylor ([n. 3] 36), all the letters on lead and on ostraka known to us were written at moments when their authors needed an immediate solution to a certain problem.

³³ A. Kozevalov, *Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum Graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini* (Leopoli 1935) 91.

³⁴ J.-A. Letronne was the first to suppose that personal names with the word stem of μανδρο- derive not from μάνδρα (“stall, enclosure”), but from the name of a certain deity Μάνδρος worshipped in western Anatolia: see in particular J.-A. Letronne, “Mémoire sur l'utilité qu'on peut retirer de l'étude des noms propres grecs, pour l'histoire et l'archéologie”, *Mémoires de l'Institut national de France. Académie des inscriptions et belles-lettres* 19/1 (1851) 55. For names with this stem see also: P. Thonemann, “Neilomandros. A Contribution to the History of Greek Personal Names”, *Chiron* 36 (2006) 11–43; F. Bechtel, A. Fick, *Die griechische Personennamen nach ihrer Bildung erklärt* (Göttingen 1894) 194–195.

³⁵ Cf., e. g.: Μανδραγόρης, Μάνδριππος, Ἀναξίμανδρος, Θεμισθόμανδρος, Πυθόμανδρος from the list of Milesian *molpoi* of 525/4–314/3 BC (G. Kawerau, A. Rehm, *Milet I. 3. Das Delfinion in Milet* [Berlin 1914] 254 ff. no. 122), and also Μανδρογένης, Μανδρόδαρος, Μανδροκλῆς, Μανδρόλυτος (*LGPV* V A s. v.).

us to suppose that the construction of the *accusativus cum infinitivo* here depends on πυνθάνομαι (‘‘it is known to me’’). Μανδρόχαριν is the logical subject in this construction, ΔΙΑΙΤΑΝ is the predicate, which may then be taken for *infinitivus praesentis activi* from διαιτάω, and τὰ ἐνθ’ αὐτῷ ἔόντα is a direct object of διαιτᾶν.

The verb διαιτάω can have either a neutral sense of ‘‘to settle the matter’’ or a special juristic meaning ‘‘to be a mediator, an arbitrator’’. Naturally, it is very tempting to conclude that in Hermonassa there was a court of *diaitetai* elected to accommodate private suits. It does appear that the letter of Kledikos gives us reason to speak, albeit very cautiously, about the existence of such an institute in the city.³⁶

³⁶ Unfortunately, we know very little about the organization of the judicial institutions in Bosphoros, so that we are able only to presume that they copied to some extent the corresponding Athenian and Milesian examples (Ю. Г. Виноградов, ‘‘Табличка дикаста из Эрмитажного собрания’’ [Yu. G. Vinogradov, ‘‘A Tablet of Dikastos from the Hermitage Collection’’], in: *Античная балканистика* [Moscow 1987] 13–16; D. A. Jordan, ‘‘Survey of Greek Defixiones Not Included in the Special Corpora’’, *GRBS* 26 (1985) 151–157, nos. 171 (?), 173, 176; С. Р. Тохтасьев, ‘‘Магическое граффито из Ольвии’’ [S. R. Tokhtas’ev, ‘‘Magic Graffito from Olbia’’], *Hyperboreus* 2: 2 [1996] 183–188; id., ‘‘Новые tabellae defixionum из Ольвии’’ [‘‘New Tabellae Defixionum from Olbia’’], *Hyperboreus* 6: 2 [2000] 296–316, nos. 1–4; id., ‘‘Новое заклятие на свинце из Северного Причерноморья’’ [‘‘New Curse Tablet on Lead from the Northern Black Sea Littoral’’], *VDI* 2007: 4, 48–49; Ju. G. Vinogradov, ‘‘New Inscriptions on Lead from Olbia’’, *ACSS* 1 [1994] 103–111).

Valeriy P. Yaylenko believes that the civil administration of justice was extremely underdeveloped in Bosphoros. In his opinion, this circumstance was due to the fact that ‘‘justice was administered by the royal administration... not so much according to the laws as by personally understood rules’’: В. П. Яйленко, ‘‘Магические надписи Боспора’’ [V. P. Yaylenko, ‘‘Magic Inscriptions of the Bosphoros’’], *Древности Боспора* 8 (2005) 480; id., ‘‘Человек в античной Ольвии’’ [‘‘Man in Ancient Olbia’’], in: *Человек и общество в античном мире* (Moscow 1998) 98, 127. Cf. also: Сапрыкин, Федосеев (п. 3) 57–58; С. Ю. Сапрыкин, А. А. Масленников, ‘‘Свинцовая пластина с греческой надписью из Фанагории’’ [S. Yu. Saprykin, A. A. Maslennikov, ‘‘Lead Tablet with a Greek Inscription from Phanagoria’’], *VDI* 2007: 4, 60; Тохтасьев, ‘‘Новые tabellae defixionum...’’ 315.

Indeed, the sources on legal system in Bosphoros are very scarce, amounting to only few lead tablets with invocations concerned with law. Moreover, one of the latter is undoubtedly related to a legal suit. This is a lead tablet from the second half of the 4th century BC. Ἱεροκλέα, Χαβρίαν, τοὺς συνδίκους (‘‘I [bind] Hierokles, Chabrios, counsels for the defence’’), purchased in Kerch in 1898 or 1899 from E. Zaporozhskiy by the resident of Kerch A. V. Novikov (ГЭ, инв. № 14392, Е. 2401), see: В. В. Шкорпил, ‘‘Три свинцовые пластинки с надписями из Ольвии’’ [V. V. Shkorpil, ‘‘Three Lead Tablets with Inscriptions from Olbia’’], *Известия императорской археологической комиссии* 27 (1908) 686 n. 2;

In TAENΘAYTOEONTA, of note is the Ionian form of the neuter plural participle from εἶναι τὰ ἐόντα, as well as two adverbs of close meaning – ἐνθα with an elision of the final vowel and αὐτοῖ (ō = ου). In Bosporan inscriptions, ἐνθα along with ἐνθάδε were repeatedly used to mean “here”, e. g., for ἐνθα – *CIRB* 133 (Pantikapaion, 1st century AD), for ἐνθάδε – *CIRB* 116 (Pantikapaion, 4th–3rd centuries BC), *CIRB* 144 (Pantikapaion, 2nd century AD); and αὐτοῖ also has a similar meaning “exactly here” / “exactly there”. These adverbs may be simultaneously used to mean “exactly here”. An example of this type of usage can be found, for instance, in Aristophanes (*Vesp.* 765–766) ἀλλ’ ἐνθάδε αὐτοῖ μένων δικάζε τοῖσιν οἰκέταις “Stay here instead, and judge the household slaves”.³⁷

Belousov and Saprykin suppose that ENΘAYTO corresponds to Attic ἐνταυθοῖ and see here a monophthongization of οἰ to ὀ.³⁸ However, οἰ is not monophthongized to ὀ.³⁹ In § 17 of *Zur Laut- und Formenlehre der Milesischen Inschriften* by Scherer, as well as in section 17.00 of *The Grammar of Attic Inscriptions*, to which Belousov and Saprykin refer, the case in question is not the monophthongization of οἰ, but the loss of the final *iota* in the diphthong when placed before a vowel inside the word.⁴⁰ As to the example of ΔΥΟΒΕΛΟ cited by them from a jocular (?) inscription (δὺ ὀβελὸ καὶ μὲ ἔθιγες / δὺ ὀβελὸ καὶ μὲ θιγῆς) on an Attic black-figured amphora of ca. 540 BC, it is not the *nom. plur.* δὺ

Е. М. Придик, “Греческие заклятия и амулеты из южной России” [Е. М. Pridik, “Greek Incantations and Amulets from Southern Russia”], *Журнал министерства народного просвещения* 1899: 11/12, 118; A. Audollent, *Defixionum tabellae* (Lutetiae Parisiorum 1904) 142 no. 90; Э. В. Диль, “Ольвийская чашка с наговором” [E. V. Dil’, “An Olbian Bowl with an Incantation”], *Известия императорской археологической комиссии* 58 (1915) 50, Fig. 7. A judicial invocation is possibly found on a recently discovered tablet from Pantikapaion: A. В. Белоусов, “Новая магическая надпись из некрополя Пантикапея” [A. V. Belousov, “A New Magic Inscription from the Necropolis of Pantikapaion”], in: *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. (= *Indo-European Linguistics and Classical Philology*) 17 (St Petersburg 2013) 59–65. In addition, there are a few tablets containing lists of names which possibly were *tabellae iudicariae* – four from Pantikapaion and one from Phanagoria (Яйленко, *op. cit.*, 480–482; Сапрыкин, Масленников, *op. cit.*, 50).

³⁷ Transl. J. Henderson: Aristophanes. *Clouds. Wasps. Peace*. Loeb Classical Library 488 (Cambr., Mass. – London 1998) 319.

³⁸ Belousov, Saprykin, “A Letter...” (n. 1) 156.

³⁹ H. Collitz, O. Hoffmann, *Sammlung der Griechischen Dialekt-Inschriften* IV. 2 (Göttingen 1914) 906; for the Attic dialect see: Threatte (n. 27) I, 323.

⁴⁰ A. Scherer, *Zur Laut- und Formenlehre der Milesischen Inschriften* (Munich 1934) 12 § 17; Threatte (n. 27) I, 324 ff.

ὀβελοί, but a *nom. dual*. δὺ' ὀβελό (= δὺ' ὀβελώ).⁴¹ Furthermore, Athenian examples suggest that locatives with -οι retain their ending unchanged.⁴²

It seems that the most complicated matter in this part of the letter is the definition of the form of the ΚΑΚΩΝ. This can be a plural genitive of the adjective κακός or the noun τὸ κακόν, but also a present participle from κακῶ. In the present case, we are evidently dealing with a hyperbaton where ΚΑΚΩΝ is to be interpreted as a genitive of a noun subordinated to τὰ ἔνθ' αὐτῶ, i. e. literally “those of the evils that are taking place exactly here”.⁴³ If we accept this interpretation of κακῶν, then the second phrase would mean: “I (i. e. Kledikos) know that Mandrocharis, as *diaitetes*, is arbitrating for those evils that are taking place right here”.

Most of the last line on side A is almost entirely corroded, only its beginning is preserved and readable as ΕΣΤΑΟΙΚ. Under strong magnification, a few indistinct dashes are discernible behind the *kappa*, but it is impossible to identify them with any letters. Repeated cleaning of the tablet in 2013 did not improve the situation. The present authors have examined this area of the lead tablet using, among other things, special optics, but except for ΕΣΤΑΟΙΚ, no traces of other letters can be discerned here. In fact, the *kappa* itself is preserved in a considerably worse condition than the precedent letters, although it is distinctly recognizable.

Therefore, it is difficult to agree with S. Yu. Saprykin⁴⁴ who reads the last line as ἐς τὰ οἰκάμητ' ἀπολωλότα, thus inducing the readers to disbelieve their own eyes when they see a quality photograph of the lead tablet with an absolutely smooth surface behind the ΕΣΤΑΟΙΚ. It is of note that in the English version of the paper by Belousov and Saprykin, these authors present no detailed drawing. Such a drawing is an indispensable part of epigraphic publications where the surface of a stone or metal tablet is smoothed or damaged and hence is poorly discernible in a photograph.

⁴¹ D. A. Amyx, W. K. Pritchett, “The Attic Stelai. Part III. Vases and Other Containers”, *Hesperia* 27 (1958) 300 ff.; B. F. Cook, *Reading the Past. Greek Inscriptions* (Los Angeles 1998) 52, 53, Fig. 47. The authors are grateful to Nina Almazova for drawing our attention to this fact.

⁴² Threatte (n. 27) II, 367, 368. Cf., e. g., ἐνθαυθοῖ from an Athenian decree of 422 BC: *IG* I³ 78 a 13.

⁴³ This interpretation of κακῶν was proposed by A. L. Verlinsky.

⁴⁴ See: Belousov, Saprykin, “A Letter...” (n. 1) 153, where it is mentioned that the authorship of the interpretation of the last line on side A belongs particularly to Sergey Yu. Saprykin. See also the reproduction of this text in majuscules in the review of epigraphic finds in the northern Black Sea littoral for 2011, where in the last line only ΕΣΤΑΟΙΚ is present: A. В. Белоусов, “Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2011 г.” [A. V. Belousov, “Greek and Roman Epigraphics of the Northern Black Sea Region. 2011”], *Aristeus* 6 (2012) 219, no. 25.

Belousov and Saprykin suppose that in οἰκάμητ' Kledikos erroneously changed the places of *eta* and *alpha*, a circumstance they explain through an “illegitimate use of Ionism – Ionic-speaking Greeks, indeed, used to replace the indigenous Greek -α by -η”.⁴⁵ As may be concluded from the references presented in note 15, the matter concerned is the replacement of the common Greek $\bar{\alpha}$ with an η which was characteristic of the Ionian dialect. However, in τὰ οἰκήματα, the suffix -ματ- includes not $\bar{\alpha}$, but $\bar{\alpha}$, so that the explanation of the presumed mistake of the author of the letter seems doubtful.

Nevertheless, the reconstruction of TAOIK as τὰ οἰκήματα by analogy of the letter of Artikon (*SIG*³ 1260) proposed by Saprykin is fairly plausible, since both τὰ οἰκήματα and τὰ οἰκία, which we proposed earlier,⁴⁶ may imply “home, dwelling, house”. Perhaps the reconstruction τὰ οἰκ[ία] is preferable, since occasionally it can imply not only a separate house, but a block constituted of several buildings.⁴⁷

Because of the poor state of preservation of the sixth line on side A, it is rather unclear whether the next phrase contains Kledikos' instructions as to what exactly Aristokrates must do in the present situation. Possibly here Kledikos merely continues to narrate the events to which he was a witness. Furthermore, we are able only to guess whether this phrase ended on side A or continued further on. If here a new part of the letter began, i. e. instructions for Aristokrates, then after ἐλθὼν παρὰ Σωκράτεια ἐς τὰ οἰκία -] (“having arrived to Sokrates' house...”), one expects the reconstruction of some personal verbal form, most probably an imperative, such as: “take something” or “do something”. Further the letter evidently explains what Aristokrates and Sokrates must do in the latter's house, and therefore the narrative is continued in plural.

The text on side B is completely preserved offering no variant reading. Along with συνλέξαντες without an assimilation of the nasal consonant before λ,⁴⁸ of note is the remarkable form of τὰ λελιθμένα. As an analogue, ἐστεθμένοι can be found in the Milesian calendar of sacrifices of the last quarter of the 6th century BC. This is the Ionian form of passive perfect participle from στέφω.⁴⁹ Kretschmer believed that this form is explainable

⁴⁵ Belousov, Saprykin, “A Letter...” (n. 1) 156.

⁴⁶ Павличенко, Кашаев, “Новая эпиграфическая...” (n. 1) 298.

⁴⁷ Cf., e. g., *SIG*³ 45. 10, 25; Hdt. 1. 35. 5; 44. 7; 98. 7; Arr. fr. 103. 5 J.

⁴⁸ Unfortunately, we have not succeeded in finding any early Black Sea parallels, but a similar phonetic phenomenon has been recorded across Athens, Miletus, and Ionia.

⁴⁹ δύο γύλλοι ἐστεθμένοι: Kawerau, Rehm (n. 35) 163, no. 31 a 2.

from στέθμα (cf. Hesych. στέθματα· τὰ στέμματα).⁵⁰ Thus, taking into account that in the colloquial practices of Bosporan cities, ει may have been represented as ι in as early as the first half of the 6th century BC,⁵¹ accordingly λελιθμένα corresponds to Attic λελειμμένα and is indeed a passive perfect participle from λείπω.

Belousov and Saprykin interpreted τὰ λελιθμένα otherwise. In their opinion, this is a passive perfect participle from λιθόω; moreover, they explain the elision of *omega* (unfortunately, without quoting any analogues) by the same phonetic processes as in the elision of ᾱ in Ὀριστόκρ<α>τες and κατασφρ<α><γ>ίσατε.⁵² They suppose that in this particular context τὰ λελιθ(ω)μένα means “some stone workpieces or remains of previously destroyed stone buildings”.⁵³ However, the possible character and dimensions of these “stone remainders” are unclear (whether any stone articles or, for instance, blocks of a foundation are implied), as are the dimensions of the “room”, in which they are gathered. Furthermore, this interpretation of τὰ λελιθμένα runs contrary to the sense of the verb λιθόω, which was employed only in the passive voice meaning “to be petrified” (LSJ s. v.).⁵⁴ Thus λελιθόμενος in no way implies “constructed of stone” or “something being stone from the

⁵⁰ P. Kretschmer, “Literaturbericht für das Jahr 1914”, *Glotta* 8 (1917) 248–250. Kretschmer, in turn, cites the opinion of Otto Hoffmann that Ionian στέθμα, γράθμα and Aeolian ὄθμα derive from *στεφθμα, *γραφθμα and *οφθμα: O. Hoffmann, *Die griechischen Dialekte in ihrem historischen Zusammenhange mit den wichtigsten ihrer Quellen* II (Göttingen 1893) 241; cf. also: Fr. Bechtel, *Die griechischen Dialekte* (Berlin 1963) Vol. I, 59, § 66, Vol. III, 124, § 101.

⁵¹ Тохтасьев (n. 19) 675, 676: Ἐπικράτης : ἀναιρῖται : στατήρας : πεντήκοντα “Epikrates takes away 50 staters” (Pantikapaion, 2nd half of the 6th or early 5th century BC, graffito on a black-glossed kylix). Belousov and Saprykin (“A Letter...” [n. 1] 159 n. 26) erroneously suppose this graffito to be a unique case of the early transition ει > ι, but there are also other examples, e. g. in Olbia (5th century BC): Dubois (n. 7) 185, 186; see also S. R. Tokhtas’ev’s review of Dubois in *Hyperboreus* 5: 1 (1999) 185 to no. 50.

⁵² Belousov, Saprykin, “A Letter...” (n. 1) 156. Mentioning that in one case the *omicron* is omitted is probably a misprint. Indeed, examples of omission of a long vowel are well known: see, e. g., ΧΟΡΦΕΛΕΣ = χορ(ω)φελής, Attica, 470–460 BC (N. Almazova, “A Lyre on the Ground”, *Hyperboreus* 18: 1 [2012] 54 ff.), as well as ἀνέθκεν, Athens, early 5th century BC, and other similar examples in Attic inscriptions (Threatte [n. 27] I, 397), but they seem to be accidental.

⁵³ Belousov, Saprykin, “A Letter...” (n. 1) 159.

⁵⁴ Cf. other denominative verbs ending in -ωω with the general meaning of “to make to look like something, to transform into something”: for instance, δουλόω (“to enslave”), ἐλευθερόω (“to set free”), ταπεινώω (“to lower, to humble”), χρυσόω (“to gild”).

beginning”, but “something petrified or transformed into stone”, which had not been stone initially, but became such due to certain actions.⁵⁵

Στέγη can imply a roof, a ceiling, some roofed room or a storey of a house (LSJ s. v.). Of all the meanings enumerated, within the context of the letter under study – “having gathered the remainders ἐς μίαν στέγην” – perhaps the meaning of a “roofed room” is the most plausible. Στέγη may designate constructions of very different scale. Herodotus, for instance, labels as such both the hut where the Egyptian Pharaoh Psammetichus placed two babies wishing to determine which language the first humans spoke (2. 2. 11) and the temple which Amasis brought to Sais from Elephantine (2. 175. 14). If we correctly reconstruct OIK as οἰκ[ία], then στέγη can be part of it. It is exactly in this meaning that this word is employed in the Athenian decree about the repairs of the sanctuary of Asclepius (*IG* II² 1046. 13, 52/51 BC), where it designates a roofed vestibule (τὴν ὀπίσω τοῦ προπύλου στέγην).

Κατασφραγίζω means “putting a seal, sealing”. This verb can have been used concerning “sealing” of various vessels,⁵⁶ but was also employed when a seal was put on the door of a house. An example is found in Pseudo-Aristotle’s *De mirabilibus auscultationibus* (842 a 29): certain bowls in Elis were miraculously replenished with wine during Dionysia. It is written that the Elideans invited any who desired to check the vessels and seal the door of the house where these vessels were kept (ἐξετάσαι τὰ ἀγγεῖα καὶ τοῦ οἴκου κατασφραγίζεσθαι τὰς θύρας).⁵⁷

Accordingly, the text on side B must be read as: “Having gathered all the remaining things in a single room, seal [the door]”. It is unlikely that a seal would be put on the door of some shabby hut. Sealing evidently must have implied some building with fairly strong, i. e. stone or adobe walls and a roof, which it would be impossible to penetrate apart from via the door.

⁵⁵ See e. g. Aristot. *De gen. anim.* 783 a 28 (about sea urchins) τὰς δὲ ἀκάνθας μεγάλας ἔχουσι καὶ σκληράς ... σκληράς δὲ καὶ λελιθωμένους διὰ τὴν ψυχρότητα καὶ τὸν πάγον; Ps.-Luc. *Asin.* 4 ἐξευρεῖν τινα τῶν μαγεύειν ἐπισταμένων γυναικῶν καὶ θεάσασθαι τι παράδοξον, ἢ πετόμενον ἄνθρωπον ἢ λιθοῦμενον; Plut. *De gen. Socr.* 577 F 2 εὐρέθη δ’ οὖν ... ψέλλιον δὲ χαλκοῦν οὐ μέγα καὶ δύ’ ἀμφορεῖς κεραμεοὶ γῆν ἔχοντες ἐντὸς ὑπὸ χρόνου λελιθωμένην ἤδη καὶ συμπεπηγυῖαν.

⁵⁶ See, e. g., the Thessalian decree about consulting the oracle of Apollo from the first half of the 2nd century BC (*SIG*³ 1157. 43) – ἐμβαλόντες εἰς ἀγγεῖον κατασφραγισάσθωσαν τῇ τε τῶν στρατηγῶν καὶ νομοφυλάκων σφραγίδι.

⁵⁷ Cp. Plut. *De cupid. div.* 525 a: κατακλείσας δὲ πάντα καὶ κατασφραγισάμενος καὶ παραριθμήσας τοκισταῖς καὶ πραγματευταῖς ἄλλα συνάγω καὶ διώκω, καὶ ζυγομαχῶ πρὸς τοὺς οἰκέτας πρὸς τοὺς γεωργοὺς πρὸς τοὺς χρεώστας.

The earliest structures built on stone foundations discovered in Hermonassa are dated from the 6th and 5th centuries BC.⁵⁸ By the 5th century BC, the use of stone in dwelling construction was already very developed, as suggested by excavated stone masonry of dwelling houses of the second half of the 6th and early 5th century BC and fairly numerous architectural remains in deposits of the 5th century BC.⁵⁹ During excavations, stone masonry with elements of polygonal construction was uncovered, as were foundations of walls built from ashlar or rubble masonry. It is of note that the layers dated to the 6th – 5th century BC are occasionally up to 2 m thick.

Masonry no. 102, 1.0 m thick, was, judging from descriptions, one of the most monumental stone walls of the 5th century.⁶⁰ Of interest is also wall no. 89 exposed for a length of 5 m. It was a stone socle constructed of different rocks, over which mudbricks were laid.⁶¹ Svetlana I. Finogenova notes that although clay, or rather mudbricks made from it, was the main building material throughout the entire 5th century BC,⁶² the excavated remains of building complexes of that period demonstrate the quality and thoroughness of their construction.⁶³

The regularity and systematic character of building in Hermonassa are confirmed by the fact that in the “Highland” excavation area, regular orientation of buildings is traced from the 6th to 3rd century BC.⁶⁴ Architectural remains excavated during recent years demonstrate accuracy of layout and carefulness of stonework evidencing high skills of the town builders.⁶⁵

All these finds suggest that in as early as the 5th century BC there were monumental buildings in Hermonassa.⁶⁶ Unfortunately, no assemblages of the period under consideration have so far been uncovered. On the one hand, this is due to the rather small areas excavated; on the other, the stone walls and foundations of earlier constructions were destroyed during the later period and used as secondary building material.

⁵⁸ Коровина (n. 16) 32, 33.

⁵⁹ А. К. Коровина, “Гермонасса” [А. К. Korovina, “Hermonassa”], in: *Античные государства Северного Причерноморья* (Moscow 1984) 81.

⁶⁰ Зеест, “Возникновение и первый расцвет Гермонассы” (n. 16) 85, 86, 89.

⁶¹ Финогенова (n. 16) 513.

⁶² Финогенова (n. 16) 516.

⁶³ С. И. Финогенова, “Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет” [S. I. Finogenova, “Essay on the History of Hermonassa Based on Materials from Excavations of Recent Years”], *Древности Боспора* 8 (2005) 424.

⁶⁴ И. Б. Зеест, “К вопросу о городской планировке Гермонассы” [I. B. Zeest, “On the Problem of the Urban Layout of Hermonassa”], in: *История и культура античного мира* (Moscow 1977) 55.

⁶⁵ Финогенова (n. 63) 425.

⁶⁶ Коровина (n. 16) 45.

Thus far, the proposed interpretation of the concluding part of Kledikos' letter does not run contrary to archaeological evidence.

Along with the anthroponym Μανδρόχαρις unregistered in *LGNP*, also personal names Ἀριστοκράτης, Σωκράτης and Κλέδικος are found in the letter under study. The first two names have been already encountered in Bosporos, inter alia in the Gorgippian agonistic catalogue (*CIRB* 1137 B 2₅₆, 1137 A 1₃₆).⁶⁷ In contrast with Σωκράτης, for which only one example is known (*Milet* I. 3. 147, 205/4 BC), Ἀριστοκράτης is repeatedly recorded in Miletus, e. g. in the list of Milesian *molpoi* of 525/4–314/3 BC and other Milesian inscriptions.⁶⁸ Both names have been found in Ionian poleis since the 5th and 4th century BC (*LGNP* V A. s. v.). The personal name Κλέδικος, as yet not found in the Black Sea littoral, is also presented in the list of Milesian *molpoi*.⁶⁹

Thus the following translation of the letter under study can be proposed:

Kledikos to Aristokrates.

Aristokrates! It is Kledikos who writes to thee. I (i. e. Kledikos) know that Mandrocharis, as *diaitetes*, is arbitrating for those evils that are taking place right here. Having arrived to the house of Sokrates [take ? ... and] having gathered the remainder in one room, seal up [the door]!

We can presume that the events described in this letter were taking place in Hermonassa or some other Bosporan town. Since the letter was found coiled, it must never have been delivered to the addressee. Unfortunately, the loss of the text in the lacuna of the last line on side A deprives us of the possibility to learn what exactly was the disagreement which Mandrocharis had to rectify, neither are we able to know what particular objects it was necessary to guard so carefully in a locked room behind a sealed door.

Natalia Pavlichenko

St. Petersburg Institute for History, RAS

nat.pavlichenko@gmail.com

Sergey Kashaev

Institute for the History of Material Culture, RAS

kashaevs@mail.ru

⁶⁷ All the other examples date from a later period – 2nd century AD: Ἀριστοκράτης – *CIRB* 263, 1171; Σωκράτης – *CIRB* 354, 519, 705.

⁶⁸ Kawerau, Rehm (n. 35) 254 ff., no. 122 I_{38, 66, 92, 93}. See also: *Milet* I. 2. 10 (289/8 BC), *Milet* I. 3. 85 (3rd–2nd BC), *Milet* I. 3. 50 (228/7 BC) etc.

⁶⁹ Kawerau, Rehm (n. 35) 254 ff., no. 122. I₂₁. See also Attic examples: list of names of the second half of the 6th century BC – *IG* I. 1146. 6 (= *SEG* XVI 23); dedicatory inscription of ca. 550 BC – A. E. Raubitschek, *Dedications from the Athenian Akropolis* (Cambridge, Mass. 1949) no. 330.

A lead tablet, found in 2011 under the waters of the Taman Bay near the ancient townsite of Hermonassa, preserves the text of a private letter that can be dated to 450–440 BC. The text of the letter runs as follows: “*Kledikos to Aristokrates. Aristokrates! It is Kledikos who writes to thee. I know that Mandrocharis, as diaitetes, is arbitrating for those evils that are taking place right here. Having arrived to the house of Sokrates [take ? ... and] having gathered the remainder in one room, seal up [the door]!*” Thus the letter allows us to assume, albeit cautiously, the existence of a court of *diaitetai* for private suits, in Hermonassa.

Летом 2011 г. в водах Таманского залива, в районе городища Гермонассы, был обнаружен свинцовый свиток, содержащий текст частного письма: “*Кледик Аристократу. Аристократ! Пишет тебе Кледик. Мне известно, что Мандрохар в качестве диэте́та улаживает причиненный здесь вред. Придя к Сократу в дом [возьми ? ... и] собрав оставленное в одно помещение, поставьте печать (на двери)*”. Шрифт письма, в частности сочетание *ипсилона* архаической формы в виде латинской буквы V с трехчастным *ипсилоном* со слегка искривленными гасами, позволяет датировать его 450–440 г. до н. э. Употребление в тексте глагола διαιτέω позволяет допустить, хотя и в крайне осторожной форме, существование института диэтетов, улаживавших частные тяжбы, в Гермонассе.

RHETORIK AUF DEM SCHLACHTFELD:
CAESAR, POMPEIUS UND LABIENUS VOR
DER ENTSCHEIDUNG BEI PHARSALUS
(*DE BELLO CIVILI* III, 85–87)*

Das *Bellum civile* des Gaius Iulius Caesar behandelt in drei Büchern die Ereignisse des Bürgerkriegs zwischen Caesar und Pompeius vom Beginn des Krieges im Januar 49 v. Chr. bis zum Anfang des sog. „Alexandrinischen Krieges“ Ende 48 v. Chr.¹ Während die Kriegseignisse von 49 die ersten beiden Bücher des *Bellum civile* ausfüllen, schildert das dritte Buch die Ereignisse des Jahres 48, nämlich Caesars Feldzug gegen Pompeius in Thessalien und Makedonien.² Nach einem ersten Zusammentreffen zwischen Caesar und Pompeius, das in einen „langwierige[n] Stellungskrieg“³ bei Dyrrachium mündet (III, 41–58),

* Ich danke dem/der anonymen Gutachter/in dieser Zeitschrift für zahlreiche wichtige Hinweise und Verbesserungsvorschläge.

¹ Die neueste und mittlerweile ausführlichste Studie zu Caesars *Bellum civile* ist die Monographie von W. W. Batstone, C. Damon, *Caesar's Civil War* (Oxford 2006); für einen Überblick vgl. auch G. Maurach, *Caesar der Geschichtsschreiber. Kommentar für Schule und Studium* (Münster 2003) 191–236, und K. Raaflaub, „*Bellum Civile*“, in: M. T. Griffin (Hg.), *A Companion to Julius Caesar* (Malden – Oxford – Chicester 2009) 175–191. Nach wie vor unverzichtbar ist ferner J. H. Collins, „Caesar as Political Propagandist“, *ANRW* I. 1 (1972) 942–963. Eine Aufstellung der genauen Datumsangaben und Chronologien, welche den im *Bellum civile* geschilderten Ereignissen zugeordnet werden können, bietet M. Chénier, „L'architecture du *Bellum Civile* de César“, *Pallas* 21 (1974) 13–31. Zum Bürgerkrieg aus historischer Sicht vgl. A. Goldsworthy, *Caesar. Life of a Colossus* (New Haven – London 2006) 358–511, und W. Will, *Caesar* (Darmstadt 2009) 137–162. Zu Caesar und Pompeius vgl. E. Baltrusch, *Caesar und Pompeius* (Darmstadt 2011). Für Caesar als Schriftsteller vgl. F. E. Adcock, *Caesar as Man of Letters* (Cambridge 1956). – Die dieser Arbeit zugrunde gelegten Ausgaben des lateinischen Caesartextes sind: *C. Iulii Caesaris Commentarii Rerum Gestarum. Vol. I. Bellum Gallicum*, ed. W. Hering (Leipzig: Teubner, 1987); *C. Iuli Caesaris Commentarii. Vol. II. Commentarii Belli Civilis*, ed. A. Klotz (Leipzig: Teubner, 1957).

² Es ist zu beachten, dass sich Caesar im *Bellum civile* nicht mehr nach dem im *Bellum Gallicum* streng befolgten Prinzip richtet, einem Kriegsjahr genau ein Buch zu widmen. Zur Struktur des *Bellum civile* vgl. ausführlich Batstone, Damon (o. Anm. 1) 33–88.

³ W. Will, „Caesar. I. Historisch“, *DNP* 2 (1997) 915.

stehen sich die gegnerischen Heere Anfang August in der Nähe der Stadt Pharsalus⁴ erneut gegenüber. Es kommt zur Schlacht, die für Caesar siegreich endet (III, 88–99); Pompeius flieht nach Ägypten und findet dort den Tod (III, 102–104). Die Überleitung zum Alexandrinischen Krieg (III, 105–112), die mitten in der Schilderung des Geschehens abbricht, weist das *Bellum civile* als unvollendetes Werk aus.⁵

Die hier näher zu betrachtenden Kapitel 82–87 des dritten Buches schildern die beidseitigen Vorbereitungen auf den historischen wie narrativen Höhepunkt des *Bellum civile*: die Entscheidungsschlacht, die Caesars endgültigen Sieg über Pompeius bedeuten sollte.⁶ Die Vereinigung von Pompeius' Heer mit demjenigen des Scipio und eine daraus resultierende, sich zur Hybris versteigernde Siegesgewissheit unter den pompeianischen Offizieren (III, 82–83) werden kontrastiert mit Caesars taktischem Vorgehen, welches darin besteht, die Soldaten kampftechnisch und mental auf den bevorstehenden 'Showdown' vorzubereiten (III, 84–85). An diesem Moment höchster Spannung, als beide Heere nur noch auf das Signal zum Angriff warten, referiert der Erzähler drei Reden – gehalten von Caesar, Pompeius sowie dem Gallienveteranen, früheren Caesarianhänger und nunmehrigen Pompeiusgetreuen Titus Labienus. Die vorliegende Arbeit untersucht Gehalt und Funktion dieser drei Reden mit Blick auf die Charakterzeichnung der beiden verfeindeten Feldherren und fragt nach deren Bedeutung hinsichtlich des unmittelbar anschließenden Handlungsverlaufs, d. h. inwiefern die Reden auf das Verhalten der beiden Feldherren in der folgenden finalen Entscheidungsschlacht vorausweisen, und inwieweit die Reden mit Blick auf die mögliche Werkintention des *Bellum civile* an sich zu verstehen sind. Besondere Beachtung kommt dabei der für die caesarianische Erzählweise charakteristischen Leserlenkung zu, die den Rezipienten mittels gezielt eingesetzter Leerstellen zu einer ganz

⁴ Der Erzähler des *Bellum civile* spricht nur von der "Schlacht in Thessalien" (vgl. z. B. III, 101, 7: *de proelio facto in Thessalia*); zum Problem der genauen Lokalisierung vgl. Maurach (o. Anm. 1) 225 (mit weiterer Literatur) sowie den Kommentar von F. Kraner, F. Hofmann, H. Meusel, *C. Iulii Caesaris commentarii de bello civili* (Berlin 121959) 269–270.

⁵ W. Richter, *Caesar als Darsteller seiner Taten. Eine Einführung* (Heidelberg 1977) 176, spricht von einem "Torso". Zweifel an der Auffassung eines unvollendeten Werks äussert K. Barwick, *Caesars Bellum Civile (Tendenz, Abfassungszeit und Stil)* (Berlin 1951) 86–106.

⁶ Vgl. D. Rasmussen, *Caesars Commentarii. Stil und Stilwandel am Beispiel der direkten Rede* (Göttingen 1963) 119: "Die Schlacht bei Pharsalus nimmt im *bellum civile* diejenige Stelle ein, die im Gallierkrieg der Entscheidungskampf bei Alesia innehatte. Es handelt sich jeweils am Ende der Darstellung um Höhepunkte des Geschehens – und um Höhepunkte in der Diktion Caesars".

bestimmten, tendenziösen Werkrezeption verleitet und damit die Figur des Caesar in ein vorteilhaftes Licht rückt, Pompeius dagegen in dezidiert negativer Weise darstellt.

Caesars Rede an seine Soldaten (III, 85, 4)

Der Inhalt von Caesars Worten bzw. seine Motivation, eine Rede zu halten, ist aufgrund der unmittelbar zuvor geschilderten Geschehnisse (III, 85, 1–3) zu verstehen: Pompeius hat es darauf angelegt, einen Angriff durch Caesar an einem für Letzteren topographisch nachteiligen Ort am Fuße des von Pompeius besetzten Hügels zu provozieren.⁷ Caesar seinerseits lässt sich nicht darauf ein, sondern fasst den Plan, mit seinem Heer ständig in Bewegung zu bleiben, um dadurch Pompeius' Soldaten zu zermürben.⁸ Alle Vorbereitungen zum Abmarsch sind bereits getroffen und die Truppen schon in Bewegung, als sich auf einmal Pompeius unerwartet weiter als gewohnt von seinem Wall entfernt und somit Caesar plötzlich eine Möglichkeit zu einem spontanen Angriff bietet.⁹ Da richtet Caesar – scheinbar ohne lange zu überlegen – das Wort an seine Soldaten und sagt, der vorgesehene Marsch müsse für den Moment aufgeschoben werden (*differendum est [...] iter in praesentia nobis*) und man müsse stattdessen an die Schlacht denken (*de proelio cogitandum*). Caesar fordert sich und seine Soldaten zur Kampfbereitschaft auf (*animo simus ad dimicandum parati*), da sich hier eine einmalige Gelegenheit biete (*non facile occasionem postea reperiemus*).

Caesars Rede, die sich generisch an die Tradition der antiken Kampfparänese anlehnt,¹⁰ ist zum einen die bei weitem kürzeste der hier aufeinander folgenden drei Reden, zum andern die einzige *oratio recta* aus Caesars Munde im ganzen *Bellum civile*. Letztgenannter Umstand ist m. E. primär dadurch zu erklären, dass sich genau an dieser Stelle das Blatt wendet und es zur alles entscheidenden Schlacht kommt, die mit Pompeius' desaströser Niederlage enden wird, dass also – aus dramaturgischer Sicht – hier die eigentliche Peripetie der Handlung

⁷ Vgl. III, 85, 1: *exspectans* [Subjekt: Pompeius], *si iniquis locis Caesar se subiceret*.

⁸ Vgl. III, 85, 2: *haec spectans* [Subjekt: Caesar], *ut [...] insolitum ad laborem Pompei exercitum cotidianis itineribus defatigaret*.

⁹ Vgl. III, 85, 3: *his constitutis rebus, signo iam profectionis dato tabernaculisque detensis animum adversum est paulo ante extra cotidianam consuetudinem longius a vallo esse aciem Pompei progressam, ut non iniquo loco posse dimicari videretur*.

¹⁰ Zur literarischen Tradition der Kampfparänese vgl. J. Latacz, *Kampfparänese, Kampfdarstellung und Kampfwirklichkeit in der Ilias, bei Kallinos und Tyrtaios* (München 1977).

vorliegt.¹¹ Dass der Erzähler an dieser hochbedeutenden Stelle Caesar zum ersten und einzigen Mal im gesamten Werk persönlich sprechen lässt, hat also Signalwirkung, lässt aufhorchen und einen entscheidenden Wandel des Geschehens erahnen.¹² Damit ist der Charakter der Rede bzw. des Redners jedoch noch nicht vollständig erfasst; folgende Aspekte spielen ebenfalls eine Rolle: Was die Rede an und für sich betrifft, so fällt auf, dass Caesar zwar faktisch einen Befehl erteilt, dabei aber nicht eine einzige Befehlsform gebraucht. Er beginnt vielmehr mit der Nennung einer Notwendigkeit: *differendum est [...] iter in praesentia nobis et de proelio cogitandum* – der Aufschub des beabsichtigten *iter* zugunsten des *proelium* wird durch die Verwendung des *gerundivum necessitatis* als absolut zwingend, als unausweichlich, ja als logische Reaktion auf Pompeius' unerwartete Handlung (s. o.) dargestellt. Caesar handelt somit nicht etwa impulsiv oder bloß nach eigenem Gutdünken, sondern er tut, was getan werden muss, und wird somit als Mann der auf *ratio* begründeten Tat dargestellt – als *imperator*, der einerseits in der Lage ist, rasch und entschieden zu handeln, sich an veränderte Umstände sofort anzupassen und daraus die richtigen bzw. 'zwingenden' Schlussfolgerungen zu ziehen, der aber andererseits auch nicht sprunghaft seine Absichten ändert, sondern das ursprünglich

¹¹ Vgl. in diesem Sinne auch Rasmussen (o. Anm. 6) 120: "Dieser Satz, in dem die direkte Rede wie selbstverständlich eingebettet ist, umfaßt die Peripetie von ihrem Beginn bis zur Vollendung. [...] An keiner Stelle der *commentarii* wäre Caesars *oratio recta* besser am Platze gewesen. Der Leser erfährt: Jetzt wird um Caesars Existenz gerungen. Keine der Schlachten in Gallien kann sich mit dieser messen, in der römische Bürger um ihren Staat kämpfen". – Zur Anwendung des Peripetiebegriffs auf die caesarianische Historiographie vgl. auch K. Stiewe, "Wahrheit und Rhetorik in Caesars *Bellum Gallicum*", *WJA* 2 (1976) 149–163, dort 158–159 mit Anm. 41–42; W. Görler, "Ein Darstellungsprinzip Caesars. Zur Technik der Peripetie und ihrer Vorbereitung im *Bellum Gallicum*", *Hermes* 105 (1977) 307–331.

¹² Diese Signalwirkung von Caesars *oratio recta* wird zusätzlich durch die Tatsache verstärkt, dass nach allgemeiner Auffassung Reden in der Gattung der *commentarii*, in deren Tradition sich Caesars *Bella* einschreiben, in *oratio obliqua* referiert werden. Vgl. Rasmussen (o. Anm. 6) 14: "Die direkte Rede wurde bisher als ein Darstellungsmittel angesehen, das vom Stile des *commentarius* ausgeschlossen sei. Dieser Grundsatz darf jedoch nicht ohne weiteres auf die *commentarii* Caesars angewendet werden". – Zu den Gattungsmerkmalen der Gattung *commentarius* und der Frage nach dem Verhältnis von Caesars Werken zu ebendieser Gattung vgl. F. Bömer, "Der *Commentarius*. Zur Vorgeschichte und literarischen Form der Schriften Caesars", *Hermes* 81 (1953) 210–250; J. Rüpke, "Wer las Caesars *bella* als *commentarii*?", *Gymnasium* 99 (1992) 201–226; M. von Albrecht, *Geschichte der römischen Literatur. Von Andronicus bis Boethius* I (Bern 1992) 332–334; J. Rüpke, "Commentarii", *DNP* 3 (1997) 99–100; B. F. Schümann, *Caesar und die Gallier. Begleitbuch zur Lektüre des Bellum Gallicum* (Stuttgart – Düsseldorf – Leipzig 1998) 56–57; Raaflaub (o. Anm. 1) 179–180.

Geplante durchaus im Auge behält, indem er es scheinbar nur zeitweilig ‘aufschiebt’. Von den beiden *gerundiva necessitatis* geht Caesar sodann zu drei Anreden in der ersten Person Plural über. Der (im Hinblick auf den reinen Informationsgehalt an und für sich redundante) parenthetische Einschub *sicut semper depoposcimus* hat einerseits die Funktion, die Soldaten zu motivieren und sie indirekt an ihre Pflichten zu erinnern; andererseits bedeutet die Wahl der ersten Person Plural aber auch und v. a. eine Solidarisierung Caesars mit seinen Untergebenen: Ohne sich anzubiedern, geriert er sich als einer von ihnen, sozusagen als *primus inter pares*, der die gleichen Ziele verfolgt wie sie. Besonders nachhaltige Wirkung zeigt m. E. der adhortative Konjunktiv *animo simus ad dimicandum parati*, da sich Caesar damit in seine eigene *exhortatio* mit einschließt und sich so eine menschliche Note verleiht.¹³ Alles in allem gelingt es also Caesar, mit ein paar wenigen rhetorischen Pinselstrichen einen Befehl zu erteilen, der als Produkt logischer Konsequenz erscheint, wobei er sich als ebenso umsichtigen, klugen und selbstsicheren wie auch mitfühlenden und menschlichen *imperator* zeigt – und gleichzeitig auch das Stilideal der zu den fünf *virtutes dicendi* gehörenden *brevitas* erfüllt, welche nach Tacitus eine spezifische Eigenschaft eines Feldherren darstellt.¹⁴

Ebenso bedeutsam wie Caesars Rede an und für sich ist sodann auch die nachstehende Erzählerbemerkung, die den Fortgang der Handlung angibt, dadurch aber auch indirekt die Reaktion der Truppen auf Caesars Rede zeigt und somit implizit die Wertigkeit einer auktorialen Bemerkung hat: *confestimque expeditas copias educit*. Kein Wort darüber, was die Soldaten zu Caesars Befehl sagten, wie sie reagierten – doch was *geschieht*, ist mindestens ebenso aussagekräftig: Die Truppen waren *expeditae* (“kampfbereit”),¹⁵ und infolgedessen konnte Caesar sie *confestim* (“sofort,

¹³ Dass Caesars gesamte Rede nur “nüchtern und geschäftsmäßig kurz gesprochen” sei, wie Maurach (o. Anm. 1) 227 sie umschreibt, greift m. E. zumindest an diesem Punkt zu kurz: Der Adhortativ *animo simus [...] parati* umfasst zweifellos auch eine emotionale Komponente. Zur identitätsstiftenden Funktion der 1. Ps. Pl. in Caesars Rede vgl. auch Batstone, Damon (o. Anm. 1) 135.

¹⁴ Tac. *Hist.* I, 18, 2: *apud frequentem militum contionem imperatoria brevitate [...] pronuntiat*. Vgl. ferner Cic. *Brut.* 262 zur *brevitas* als Stilideal in der Historiographie allgemein.

¹⁵ Zur Bedeutung von *expeditus* vgl. *OLD* s. v. 1[a]: “(of troops, etc.) Ready for action, i. e. unencumbered by baggage, etc., and with arms ready for immediate use” (d. h. *expeditus* in einem konkreten, ‘technischen’ Sinne); vgl. aber auch *ibid.* s. v. 2b: “quick, ready (in mind); (also of mental processes, etc.)” (d. h. *expeditus* in einem auf innere Vorgänge übertragenen Sinne). Beide Bedeutungen schwingen an der vorliegenden Stelle mit: die Truppen sind sowohl für den Kampf gerüstet als auch mental darauf eingestellt.

unverzüglich“) aufmarschieren lassen. Der Rezipient kommt somit nicht umhin, die entsprechende Schlussfolgerung selber zu ziehen, nämlich dass Caesars kurzer Rede ein voller Erfolg beschieden war, ja dass sich dieser Erfolg zwingend einstellte. Diese Art der Leserlenkung ist charakteristisch für Caesars Werk; sie besteht – vereinfacht ausgedrückt – darin, dass Schlussfolgerungen, die als unumgänglich, zwingend oder ‘logisch’ dargeboten werden sollen, vonseiten des auktorialen Erzählers nicht expliziert werden, sondern anhand gezielt eingesetzter Leerstellen vom Rezipienten selbständig gezogen werden und somit scheinbar objektiv sind bzw. objektivierbar erscheinen sollen.¹⁶

Pompeius’ Rede an den Kriegsrat (III, 86)

Die Rede des Pompeius an das *consilium*, den Kriegsrat,¹⁷ ist unvergleichlich länger als die vorausgegangene Caesars an dessen Soldaten: sie umfasst im Wesentlichen das ganze Kapitel 86. Der Hauptteil steht in *oratio recta*, während Anfang und Schluss indirekt referiert werden, wodurch eine Dreiteilung aus formaler Sicht implementiert wird:

¹⁶ Das wohl prominenteste Beispiel caesarianischer Leserlenkung sei hier genannt (Darstellung nach K.-W. Weeber, “Sprache im Dienste der Politik – Caesar-Lektüre heute”, in: id., *Mit dem Latein am Ende? Tradition mit Perspektiven* [Göttingen 1998] 93–100): Zu Beginn des *Bellum Gallicum* (im sog. *Bellum Helveticum*) wird von Erzählerseite sukzessive darauf hingearbeitet, vor dem inneren Auge des Rezipienten ein ‘Feindbild Helvetier’ entstehen zu lassen, indem die Helvetier infolge ihres dauernden Kontakts mit den Germanen als enorm kriegstüchtig qualifiziert werden (*B. G. I*, 1, 4), ehe mittels subtiler sprachlicher Mittel dem Leser indirekt, aber scheinbar unzweifelhaft deutlich gemacht wird, dass dieses Volk bei seiner Auswanderung nur den Weg durch die *provincia Narbonensis* nehmen könne (*B. G. I*, 2, 3–4). Caesar selber wird erst im siebten Kapitel in die Erzählung eingeführt – jedoch nicht als handelndes Subjekt, sondern als von dem ganzen Geschehen betroffenes ‘Objekt’, in dem Moment, als ihm von den Wanderbewegungen der Helvetier Meldung erstattet wird (*B. G. I*, 7, 1: *Caesari cum id nuntiatum esset [...]*). Dadurch wird insinuiert, dass Caesar nur die Konsequenzen zieht und so handelt, wie er handeln muss, und infolgedessen einen reinen Defensivkrieg zum Wohle des römischen Volkes führt. – Zur caesarianischen Leserlenkung vgl. auch H.-J. Glücklich, *Sprache und Leserlenkung in Caesars Bellum Helveticum* (Stuttgart 1985); D. Lohmann, “Leserlenkung im *Bellum Helveticum*. Eine ‘kriminologische Studie’ zu Caesar, *B. G. I* 15–18”, *AU* 33/5 (1990) 56–73.

¹⁷ Zu Begriff und Inhalt des lateinischen *consilium* vgl. W. Liebenam, “*Consilium*”, *RE* 4 (1900) 915–922; zu *consilium* i. S. v. “Kriegsrat” *ibid.*, 919: Dazu konnten “Senatoren der Begleitung [...], vor allem aber alle Kriegstribunen [...], die ersten Centurionen [...], ausnahmsweise sogar alle Centurionen [...], später auch alle Legaten [...] versammelt werden”.

1. Teil: indirekte Rede (III, 86, 1): Pompeius versteigt sich zu der Behauptung, Caesars Heer werde vertrieben werden, noch ehe die beiden Schlachtreihen überhaupt aufeinander gestoßen seien.¹⁸

2. Teil: direkte Rede (III, 86, 2–4): Da man sich ob dieser kühnen Ankündigung wundert (*id cum essent plerique admirati*), erläutert Pompeius seinen Plan (*rationem consilii mei*). Es folgt eine Beschreibung des beabsichtigten taktischen Vorgehens: Die pompeianischen Reiter sollen den rechten Flügel von Caesars Heer von seiner ungeschützten Seite her angreifen (*ut [...] dextrum Caesaris cornu ab latere aperto adgrederentur*) und so das Heer in die Flucht schlagen (*ut [...] exercitum pellerent*), und zwar ohne Einsatz von Wurfgeschossen (*prius [...] quam a nobis telum in hostem iaceretur*). So glaubt Pompeius, dem Krieg ein schnelles Ende mit nur geringfügigen Verlusten auf seiner Seite bereiten zu können (*sine periculo legionum et paene sine vulnere*).

3. Teil: indirekte Rede (III, 86, 5): Schließlich fordert Pompeius die Mitglieder des Kriegsrats¹⁹ zur Bereitschaft bezüglich des Kommenden auf (*animo parati in posterum*) und schärft ihnen ein, die in sie gesetzte Erwartung nicht zu enttäuschen (*ne suam neu reliquorum opinionem fallerent*).

Der Kerngehalt von Pompeius' Rede besteht somit weniger in einer Aufforderung zum Kampf – angesprochen ist ja nicht das Gros der Soldaten, sondern nur das *consilium* der Offiziere –, sondern Pompeius zielt vielmehr darauf ab, seine unverbrüchliche Siegesgewissheit durch Offenlegung seiner geplanten Taktik verständlich zu machen bzw. zu rechtfertigen und gleichzeitig die Führungsoffiziere an ihre Pflichten und an die gegenüber ihnen bestehenden Erwartungen zu ermahnen. In mehrfacher Hinsicht repräsentieren Pompeius' Worte das genaue Gegenteil dessen, was Caesar gesagt hat.²⁰ Der augenfälligste Unterschied dürfte wohl die unterschiedliche Länge sein – während Caesar das, was er seinen Leuten mitteilen will, in knappen Worten auszudrücken vermag, braucht Pompeius für seine (unter dem Strich inhaltlich kaum gehaltvollere) Rede ungleich mehr Raum. Pompeius' Rede steht demnach nicht im Einklang mit dem stilistischen *brevitas*-Ideal; er ist also bereits in dieser Hinsicht ein unzureichender *imperator*.²¹ Dieses Missverhältnis

¹⁸ III, 86, 1: *dixerat, priusquam concurrerent acies, fore uti exercitus Caesaris pelleretur*.

¹⁹ Diese sind als Objekt zu *denuntiavit* zu ergänzen; die Ergänzung drängt sich aufgrund der in III, 86, 1 genannten Zielgruppe der Rede (*in consilio [...] dixerat*) auf.

²⁰ So spricht bereits Rasmussen (o. Anm. 6) 121 von einem "scharfe[n] Gegensatz" zwischen den beiden Reden.

²¹ S. o. S. 227 mit Anm. 14.

wird, wie mir scheint, durch die Aufsplittung von Pompeius' Ansprache in zwei in indirekter Rede gehaltene Rahmenteile einerseits und einen in direkter Rede referierten Hauptteil noch verstärkt – diese narrative Verkomplizierung setzt Pompeius' Rede auch auf der Erzählebene gegenüber Caesars knapper, treffender und konziser Ausdrucksweise ab. Ferner ist auch das unterschiedliche Zielpublikum interpretatorisch relevant: Während sich Caesar ohne jegliche Anbiederung mit seinen Soldaten auf eine Stufe gestellt und sich mit ihnen solidarisiert hat und dabei ein mahnendes Wort auf angenehme, fast freundschaftliche Weise eingeflochten hat (III, 85, 4: *sicut semper depoposcimus*), so ist bei Pompeius nichts Dergleichen zu spüren: zu seinen Soldaten spricht er schon gar nicht persönlich, und seine Führungsoffiziere muntert er nicht auf, sondern setzt sie vielmehr unter Druck (III, 86, 5: *denuntiavit*).²²

Doch auch der Inhalt an und für sich bzw. die Formulierung des Gesagten sind bezüglich Pompeius' Charakterisierung von Relevanz: Dass der Feldherr seine Reiter zum geplanten Unternehmen hat überreden bzw. sie von dessen Richtigkeit hat überzeugen müssen (*persuasi equitibus nostris*) und dass selbige es ihm zugesichert haben (*idque mihi facturos confirmaverunt*), spricht letztlich eher für Pompeius' Führungsschwäche und für seine mangelnde Autorität – entsprechend eklatant ist der Gegensatz zu Caesar, der seine Truppen nicht mittels rhetorischer *persuasio*, sondern durch reine Darlegung logisch notwendiger Konsequenzen (s. o.) im Nu kampfbereit macht.²³ Die nachfolgende Darlegung der geplanten Taktik ist sodann bloße Beschreibung, doch legt Pompeius mit keinem Wort dar, weshalb die Taktik nach seinem Dafürhalten auch funktionieren wird – ausser dass er am Schluss sein Vertrauen auf die Stärke der Reiterei bekräftigt und somit eigentlich nur mit anderen Worten genau das wiederholt, was zu Beginn seiner Rede für Verwunderung bzw. Unglauben gesorgt hatte (III, 86, 1–2), nämlich seine unerschütterliche, überbordende Siegesgewissheit. Pompeius hat also, streng genommen, überhaupt nicht argumentiert – seine Rede ist ein argumentativer Zirkelschluss, insofern als er, vereinfacht gesagt, das

²² Das Verb *denuntiare* umfasst ein Moment des Drohens wie auch des Befehlens; vgl. OLD s. v. 2: "To declare one's intention of inflicting (injury or sim.), threaten"; ibid. s. v. 4[a]: "To order the performance of, enjoin".

²³ Hierzu gehört auch der Umstand, dass Pompeius (im Gegensatz zu Caesar) weder die Schlacht noch seine Rede aus eigenem Antrieb beginnt, sondern unter dem Druck der Menge handelt (III, 86, 1: *suorum omnium hortatu statuerat proelio decertare*; III, 86, 2: *id cum essent plerique admirati, [...] inquit [...]*); vgl. Rasmussen (o. Anm. 6) 122 und F.-H. Mutschler, *Erzählstil und Propaganda in Caesars Kommentarien* (Heidelberg 1975) 218.

zu Begründende – d. h. seine Siegesgewissheit – mit dem Vertrauen auf ebenjene rechtfertigt. Anders gesagt: Pompeius' ganze Rede besteht aus reiner *narratio*, doch fehlt ihr letztlich jegliche *argumentatio*.

Pompeius' in *oratio obliqua* wiedergegebene Schlussworte scheinen sodann mit Bedacht auf Caesars Rede abgestimmt zu sein – man vergleiche:

– Caesar (III, 85, 4):

[...] *sicut semper depoposcimus. animo simus ad dimicandum parati.*

– Pompeius (III, 86, 5):

simul denuntiavit, et essent animo parati in posterum, et quoniam fieret dimicandi potestas, ut saepe rogavissent, ne suam neu reliquorum opinionem fallerent.

Mit ähnlicher Wortwahl und vergleichbaren Inhalten gelingt es Caesar, eine Atmosphäre des Vertrauens und der Solidarität zu schaffen, während Pompeius mit seinen Imperativen (die aus den Konjunktiven der *oratio obliqua* ohne Zweifel zu verstehen sind) drohend seinen Willen durchzusetzen sucht.

Auch die Darstellung des Pompeius ist somit von der für den caesianischen Erzählstil charakteristischen Leserlenkung geprägt und durchdrungen: Dem Rezipienten drängt sich über die Wiedergabe von Pompeius' Rede das Bild eines Feldherren auf, welcher von den Wünschen und Stimmungen seiner Untergebenen abhängig ist, selber unter eklatanten Führungsschwächen leidet und ebenjene Probleme durch übertriebene Siegesgewissheit einerseits und autoritäres Gebahren andererseits zu übertünchen sucht.²⁴ In diesem Sinne formuliert bereits Rasmussen (o. Anm. 6) 122 völlig zutreffend: "Mit keinem Wort erlaubt sich der Autor Caesar ein negatives, ein abfälliges Urteil über Pompeius. Die Handlungsweise und nicht zuletzt eben die orationes rectae des Pompeius regen den Leser an, von sich aus zu diesem Urteil zu kommen, das durch die Art der Darstellung gleichsam präjudiziert worden ist".

²⁴ Pompeius' unverbrüchliche Sicherheit bezüglich des vermeintlich bevorstehenden Sieges korrespondiert mit dem in III, 82–83 ausführlich geschilderten Verhalten zahlreicher pompeianischer Offiziere, die vor lauter Übermut nicht mehr an sich halten können und sich im Pläneschmieden für ihre vermeintlich gloriose Zukunft gegenseitig überbieten. Wer an diesem Punkt noch geglaubt haben mag, wenigstens Pompeius persönlich würde sich nicht zu derlei verleiten lassen oder er würde gar seine Leute zurechtweisen, sieht sich nunmehr getäuscht.

Labienus' Rede an den Kriegsrat bzw. vor Pompeius (III, 87, 1–5)

Dass auf die beiden Feldherrenreden unmittelbar noch eine dritte Rede folgt, mag auf den ersten Blick erstaunen: Wenngleich es sich ja bei den Reden des Caesar und des Pompeius nicht um Redeagone, sondern um zwei selbständige, voneinander unabhängige Reden handelt, so verfügen sie m. E. gleichwohl – bedingt durch ihre unmittelbare Abfolge und ihren inhaltlich wie formal antithetischen Charakter – über eine inhärent agonale Disposition. Wenn mit Titus Labienus nun noch eine dritte Person eine Rede hält, so kommt dies in einem gewissen Sinne sowohl einer Klimax als auch einer Antiklimax gleich: Einerseits koinziiert die Steigerung zur Dreizahl mit der strukturellen und dramaturgischen Bedeutung der Passage als Peripetie; andererseits kommt es jedoch auch einem Abstieg gleich, wenn nach den beiden *imperatores* nun noch ein gewöhnlicher Unterfeldherr, der dazu noch ein Überläufer ist – Labienus hatte in Gallien unter Caesar als *legatus pro praetore* Dienst geleistet und war von selbigem protegiert worden, hatte jedoch bei Ausbruch des Bürgerkrieges im Januar 49 das Lager gewechselt, kämpfte darauf in der Schlacht bei Pharsalus und war anschließend auch Befehlshaber pompeianischer Truppen in Nordafrika –, die Stimme erhebt.²⁵

In ihrem Aufbau ist Labienus' Rede von ähnlicher Länge und vergleichbarer Grobstruktur wie die vorangegangene des Pompeius. In einem einleitenden Nebensatz werden die inhaltliche Stoßrichtung bzw. der Ton der Rede vorweggenommen, nämlich dass Labienus für Caesars Heer nur Verachtung übrig hat, jedoch Pompeius' Plan über alle Maßen lobt.²⁶ Im Anschluss an die *oratio recta* wird sodann in indirekter Rede von Labienus' Schwur berichtet, nur als Sieger (oder gar nicht) ins Lager zurückzukehren.²⁷ Labienus sieht sich und spricht in seiner Rolle als Gallienveteran; er versucht Pompeius dessen (allfällige, nicht offen ausgesprochene) Angst vor einem möglichen Sieg des caesarianischen

²⁵ Zur Figur des Labienus vgl. die Monographie von M.-W. Schulz, *Caesar und Labienus: Geschichte einer tödlichen Kameradschaft. Caesars Karriere als Feldherr im Spiegel der Kommentarien sowie bei Cassius Dio, Appianus und Lucanus* (Hildesheim – Zürich – New York 2010). Zu Labienus' Treuebruch gegenüber Caesar und dessen möglichen Gründen vgl. R. Syme, "The Allegiance of Labienus", *JRS* 28 (1938) 113–125, und Wm. B. Tyrrell, "Labienus' Departure from Caesar in January 49 B. C.", *Historia* 21 (1972) 424–440.

²⁶ III, 87, 1: *hunc Labienus excepit, ut, cum Caesaris copias despiceret, Pompei consilium summis laudibus efferret, [...] inquit [...]*.

²⁷ III, 87, 5: *haec cum dixisset, iuravit se nisi victorem in castra non reversurum, reliquosque ut idem facerent hortatus est*.

Heeres, welches ja immerhin auch in Gallien und Germanien erfolgreich war, zu nehmen, indem er sagt, dies sei “nicht <mehr> das Heer, welches Gallien und Germanien besiegt hat” (*noli [...] existimare [...] hunc esse exercitum, qui Galliam Germaniamque devicerit*). Vielfältige Gründe, weshalb nur noch ein kleiner Teil des Heeres von damals übrig sei, werden genannt: Tod im Krieg bzw. durch Krankheit – oder aber der Ruhestand der Veteranen; der Löwenanteil von Caesars jetzigen Soldaten bestehe nicht mehr aus Römern, sondern stamme aus *Gallia citerior* oder aus Transpadanien. Labienus’ ‘Botschaft’ an Pompeius besteht somit darin, einerseits dessen Vorgehen zu loben und zu unterstützen und andererseits seine möglicherweise noch vorhandenen Ängste vor Caesars Heer zu zerstreuen.

In ihrem gesamten Ton jedoch ist Labienus’ Rede von nachgerade widerlicher Demagogie geprägt, die vor kaum einem rhetorischen Mittel zurückschreckt:²⁸ Sich selbst und seine Leistungen im Gallischen Krieg überhöht er mit maßlosen Übertreibungen, indem er behauptet, an sämtlichen Schlachten beteiligt gewesen zu sein und “nicht einfach so” (*neque temere*) ihm “unbekannte Dinge” (*incognitam rem*) zu erzählen. Dies ist eine “absichtliche Übertreibung, um seine Behauptungen als zuverlässig erscheinen zu lassen”;²⁹ zudem kommt durch diese evidente Lüge – niemand kann während der Gallischen Kriege bei allen Schlachten dabei gewesen sein, da zeitgleich an verschiedenen Orten unter dem Kommando verschiedener Feldherren oder Unterfeldherren Gefechte geführt wurden³⁰ – sein wahrer, skrupelloser Charakter deutlich zum Vorschein. Dass nur noch “ein verschwindend kleiner Teil jenes <alten> Heeres übrig” sei (*perexigua pars illius exercitus superest*), dürfte bei weitem übertrieben sein; dass bei der Erwähnung der Männer *ex dilectibus horum annorum in citeriore Gallia* und *ex coloniis Transpadanis* ein verächtlicher Unterton mitschwingt, ist wohl kaum zu überhören.³¹

²⁸ Zur Charakterisierung des Labienus in seiner Rede vgl. auch Rasmussen (o. Anm. 6) 122–124; Mutschler (o. Anm. 23) 218–219; Batstone, Damon (o. Anm. 1) 106–109.

²⁹ Kraner, Hofmann, Meusel (o. Anm. 4) 268, Anm. ad loc.

³⁰ So teilt bspw. Caesar im dritten Kriegsjahr (56) sein Heer auf und schickt Labienus zu den Remern und Belgern, Crassus nach Aquitanien, Titus Sabinus zu den Küstenvölkern und Brutus zu den Venetern (vgl. *B. G.* III 11). Zur simultanen Kriegsführung an unterschiedlichen Lokalisationen vgl. auch J. M. Carter, *Julius Caesar: The Civil War Book III. Edited with Introduction, Translation & Commentary* (Warminster 1993) 208, und Batstone, Damon (o. Anm. 1) 108.

³¹ Vgl. auch den Kommentar von Kraner, Hofmann, Meusel (o. Anm. 4) 268 zu *in citeriore Gallia*: “Dies ist zum Teil richtig; aber auch aus Picenum, Umbrien und anderen Teilen Italiens stammten viele der Neuausgehobenen in Caesars Heer”.

Hinzu kommt, dass Labienus das Stigma des undankbaren Überläufers und Verräters anhaftet.³² Hierbei klingt auch die wenig zuvor ausführlich berichtete Episode der beiden Allobroger Roucillus und Aecus nach, die sich gegenüber Caesar in höchstem Maße undankbar erweisen und zu Pompeius desertieren (III, 59–60).

Dadurch, dass Pompeius ausgerechnet von einem moralisch derart zwielichtigen Unterfeldherrn in seiner zuvor geäußerten Siegesgewissheit bestärkt und scheinbar beglaubigt wird, werden dessen eigenen menschlichen und militärischen Schwächen noch stärker ans Licht gezerrt. Den Schwur, zu dem Labienus aufruft, leistet Pompeius ‘folgsam’ und wird somit beinahe zu einer Marionette (III, 87, 5: *haec cum dixisset, iuravit se nisi victorem in castra non reversurum, reliquosque ut idem facerent hortatus est. hoc laudans Pompeius idem iuravit*). Hinzu kommt, dass Pompeius Labienus in keiner Weise zum Sprechen aufgefordert hat – dieser ergreift von sich aus das Wort. Dies bedeutet eine zusätzliche Schwächung von Pompeius’ Position: Nachdem dieser im Brustton der Überzeugung verkündet hat, der Sieg sei ihnen sicher, fällt ihm Labienus unaufgefordert ins Wort und unterstellt ihm implizit Furcht vor dem Feind, die er ihm dann ‘großzügig’ und ‘kompetent’ zu nehmen weiss. Alles in allem hat die Labienusrede somit – narratologisch gesehen – primär die Funktion, Pompeius’ schwache Position zu betonen.³³ Bedenkt man alle diese Untertöne, so kann man den auktorialen Kommentar nach der Auflösung des Kriegsrats fast nur noch ironisch, ja sarkastisch verstehen: *haec cum facta sunt in consilio, magna spe et laetitia omnium discessum est; ac iam animo victoriam praecipiebant, quod de re tanta et a tam perito imperatore nihil frustra confirmari videbatur* (III, 87, 7).

Die drei Reden mit Blick auf den weiteren Handlungsverlauf

Wie oben ausgeführt, besteht die zentrale Funktion der von Caesar, Pompeius und Labienus gehaltenen Reden darin, die beiden verfeindeten Feldherren kurz vor der Entscheidungsschlacht charakterisierend

³² So lässt sich – aus psychologischer Sicht – wohl auch Labienus’ Abneigung gegen Caesars Heer erklären: Indem er derart harte Worte gegen die Feinde äußert, hofft er auf eine bessere Eingliederung in die eigene Gruppe, in welcher er als Überläufer einen schweren Stand haben dürfte.

³³ Vgl. in diesem Sinne auch Rasmussen (o. Anm. 6) 123–124 und Mutschler (o. Anm. 23) 218. Dahingegen stellt M. Rambaud, *L’art de la déformation historique dans les commentaires de César* (Paris 1966) 345, das Psychogramm des Überläufers in den Vordergrund.

gegeneinander abzusetzen und dadurch mittels gezielter Leserlenkung, die den Rezipienten zur ‘richtigen’ Ergänzung der narrativen Leerstellen zwingt, Caesar in ein vorteilhaftes, Pompeius jedoch in ein dezidiert negatives Licht zu rücken. Dabei kommen sowohl “das unterschiedliche Verhältnis Caesars und Pompeius’ zu ihrer Umgebung” als auch “ihre unterschiedliche innere Haltung angesichts der bevorstehenden Schlacht”³⁴ zum Ausdruck. Mit Blick auf den weiteren Handlungsverlauf stellen sich jedoch zwei weitere, grundsätzliche Fragen:

1. Welche Erwartungshaltungen hinsichtlich des bevorstehenden Geschehens, d. h. der imminenten Entscheidungsschlacht, stellen sich beim Rezipienten aufgrund der aus den Reden gewonnenen Eindrücke über Charakter und Einstellung der beiden Feldherren ein?

2. Inwiefern werden diese Erwartungen eingelöst? Wie gestalten sich Verlauf und Ausgang der Schlacht, und inwiefern koinzidieren die kommenden Ereignisse mit dem, was Form und Inhalt der beiden Feldherrenreden erwarten lassen?

Dass Caesar durch seine überlegene *ratio* Souveränität und Selbstsicherheit ausstrahlt und somit der Möglichkeit eines Sieges der Caesarianer Nahrung gibt, dürfte ebenso auf der Hand liegen wie die Tatsache, dass Pompeius’ offen zutage tretenden Schwächen, die in einem harschen Gegensatz zu seinem penetrant zur Schau gestellten Siegesenthusiasmus stehen, einen militärischen Erfolg auf seiner Seite stark in Zweifel ziehen lassen. Es kommt jedoch noch ein weiterer Aspekt hinzu: Für den antiken Menschen gilt das Paradigma (der kulturelle Code), dass überhebliches Verhalten (ὕβρις) eines Menschen früher oder später durch einen Umschlag vom Glück ins Unglück ‘korrigiert’ wird.³⁵ Auch das *Bellum civile* bietet Beispiele für dieses Paradigma – zu denken ist etwa an die Curio-Episode (II, 23–44): Curio ist aufgrund der für sein Heer vermeintlich günstigen Situation blind für eine lauernde Gefahr und rennt somit in sein eigenes Unglück; freilich wird er, da er ja auf der Seite Caesars steht, trotz allem Versagen nicht mit Spott und Hohn begossen, sondern vielmehr als eine Art tragischer Held dargestellt.³⁶

³⁴ Mutschler (o. Anm. 23) 219.

³⁵ Zum antiken Hybris-Konzept vgl. N. R. E. Fisher, *Hybris. A Study in the Values of Honour and Shame in Ancient Greece* (Warminster 1992). Hinter der Vorstellung einer ‘Korrektur’ von übermäßigem Glück steht letztlich das herodoteische Paradigma des κύκλος τῶν ἀνθρωπίνων πρηγμάτων (Hdt. I, 207, 2) mit dem φθόνος θεῶν, der “Misgunst der Götter”, als ausgleichendem Korrektiv – wenngleich bei Caesar freilich die Götter durch eine auf Logik und Kausalität beruhende *ratio* ersetzt sind.

³⁶ Zur Tragik der Curio-Episode vgl. Mutschler (o. Anm. 23) 52–81 und Schulz (o. Anm. 25) 214–227. Zu Curios direkten Reden vgl. Rasmussen (o. Anm. 6) 106–113

Diese ‘paradigmatische’ Konnotation der Pompeiusrede weckt entsprechende Erwartungshaltungen an den Fortgang der Handlung: Demgemäß, wie der antike Mensch den ‘Lauf der Welt’ begreift, kann Pompeius spätestens nach seiner Rede in III, 86 nur noch ins Unglück stürzen.³⁷ Vor diesem Hintergrund ist schließlich auch noch ein letzter Punkt von Belang: Die Reden des Pompeius und des Labienus sind nämlich chronologisch *vor* die Rede des Caesar anzusetzen, was aus einer knappen Nebenbemerkung vonseiten des Erzählers hervorgeht (III, 86, 1: *namque etiam in consilio superioribus diebus dixerat*) – daraus lässt sich erschließen, dass der “pompeianische Kriegsrat [...] mindestens einen Tag vor der Schlacht statt[findet]”.³⁸ Mutschler interpretiert diese vom Erzähler vorgenommene chronologische Umstellung der Reden wie folgt: “Durch das Abweichen vom ‘ordo naturalis’ erreicht Caesar zweierlei: Erstens wird so die Tatsache zwar nicht unterschlagen, aber doch verschleiert, daß zumindest am Tag der Schlacht Pompeius agiert, indem er seine Truppen weit vor dem Lager zum Kampf aufstellt, während Caesar, bereits im Begriff abzumarschieren, die angebotene Schlacht – reagierend – lediglich annimmt. Zweitens bildet die Passage 85, 4 eine Folie, zu der der Leser die Szene der Kapitel 86 und 87 sofort in Beziehung setzt, mit der er sie vergleicht, um aufgrund des Vergleiches zu urteilen”.³⁹ Dieser zweitgenannte Aspekt bedarf m. E. noch schärferer Formulierung: Dadurch, dass Caesars Rede und somit die Peripetie der Kriegshandlung – die unmittelbar bevorstehende Entscheidungsschlacht – vorangestellt wird, werden die suggerierte Nichtigkeit und die ὕβρις in den Reden

sowie H.-J. Glücklich, “Rhetorik und Führungsqualität – Feldherrnreden Caesars und Curios”, *AU* 18/3 (1975) 43–54. Zur Figur des Curio vgl. ferner auch E. Doblhofer, “Curio bei Caesar”, *AU* 16/3 (1973) 42–50, und H. Offermann, “Curio – miles Caesaris? (Caesars Urteil über Curio in BC 2, 42)”, *Hermes* 105 (1977) 351–368. – Auf Curio (und *cum grano salis* auch auf Pompeius) ließe sich ggf. der von Eduard Schwartz geprägte Begriff der “tragischen Geschichtsschreibung” anwenden, der in der Regel mit dem Historiker Duris von Samos in Verbindung gebracht wird, jedoch nicht unumstritten ist; vgl. O. Lendle, *Einführung in die griechische Geschichtsschreibung. Von Hekataios bis Zosimos* (Darmstadt 1992) 181–189.

³⁷ Vgl. auch Görler (o. Anm. 11) zu Caesars Darstellungsprinzip der Vorausdeutung bzw. Vorentkräftung bevorstehender Ereignisse an strukturellen/dramaturgischen Nahtstellen im *Bellum Gallicum*.

³⁸ Mutschler (o. Anm. 23) 216. Kraner, Hofmann, Meusel (o. Anm. 4) 267 schlagen aufgrund von III, 86, 5 *in posterum* sowie wegen der Parallelüberlieferung (Plut. *Pomp.* 68, 1) in III, 86, 1 die Konjekturen *superiore* die für *superioribus diebus* vor. Dagegen ist allerdings einzuwenden, dass die genannte Stelle bei Plutarch keine exakten Angaben zum genauen Zeitpunkt des Kriegsrates enthält.

³⁹ O. Anm. 23, 216.

des Pompeius und des Labienus umso stärker herausgestellt, da dem Rezipienten suggeriert wird, die beiden hielten ihre siegestrunkenen und arroganten Reden zu einem Zeitpunkt, als die Würfel schon gefallen seien und Caesar zum Angriff übergegangen sei.

In der Tat werden Charakter und Verhalten der beiden verfeindeten Feldherren, wie sie in deren Reden insinuiert werden, in der nun folgenden finalen Schlachtenschilderung auf der Handlungsebene bestätigt: Caesars umsichtige, überlegte Strategie macht sich bezahlt; Pompeius fällt 'vom hohen Ross' und büßt durch seine überstürzte und feige Flucht (III, 96) den letzten Rest an Würde ein. Im Folgenden seien die m. E. zentralen Stellen in III, 88–99 diskutiert, welche die in den Reden III, 85, 4–87 festgestellten Personencharakteristika und die daraus deduzierten Erwartungshaltungen an den Handlungsverlauf bestätigen:

Caesars Vermögen, reiche militärische Erfahrung mit flexibler Anpassungsfähigkeit zu verknüpfen und im entscheidenden Augenblick sich einer neuen Gegebenheit anzupassen, zeigt sich in III, 89: Zuerst stellt er die Legionen nach altbewährter Manier auf (*superius institutum servans*), doch als er das Ganze überblickt (*simul iis rebus animadversis*), erkennt er sofort einen potentiellen Schwachpunkt (*timens ne [...]*), nimmt rasch (*celeriter*) die nötigen Anpassungen vor und erteilt entsprechende Anweisungen (*quid fieri vellet ostendit; exercitui imperavit*). Ähnliches gilt für Caesars Soldaten, die (dank ihrer Erfahrung) Pompeius' Taktik (III, 92) durchschauen und entsprechend darauf reagieren.⁴⁰ In III, 90 folgt sodann Caesars zweite (im Gegensatz zu III, 85, 4 nicht [scheinbar] improvisierte, sondern geplante) Feldherrenrede, seine eigentliche *exhortatio*: Er feuert die Soldaten zum Kampf an, indem er sie einerseits auf ihre eigenen Verdienste hinweist und sie andererseits zu Zeugen dafür anruft (*testibus se militibus uti posse*), wie sehr und wie oft er sich doch vergebens um Frieden mit Pompeius bemüht habe, und dies alles zum Wohle des Staates. Caesars Soldaten glühen vor Kampfesfeier (*militibus [...] studio pugnae ardentibus*). Das anschließende Kapitel fokussiert sodann im Sinne eines *close-up* die Reaktion eines einzelnen Kämpfers, eines ehemaligen *primus pilus* der zehnten Legion⁴¹ namens Crastinus, der – angespornt durch Caesars Worte – seine Kameraden noch mehr anstachelt und seinem

⁴⁰ Vgl. III 93,1: *usu periti ac superioribus pugnīs exercitū sua sponte cursum represserunt*.

⁴¹ Die zehnte Legion wird im *Bellum Gallicum* mehrfach als Elitetruppe Caesars genannt, die ihrem Anführer treu ergeben ist und in die er größtes Vertrauen setzt; vgl. bspw. B. G. I, 40, 15: *huic legioni Caesar et indulserat praecipue et propter virtutem confidebat maxime*.

imperator treue Gefolgschaft versichert.⁴² Taktisches Vorgehen beweist Caesar, indem er zum rechten Zeitpunkt erschöpfte Soldaten gegen “frische” (*recentes*) eintauscht (III, 94, 1) und den verstörten Pompeianern keine Erholung ermöglicht (III, 95, 1: *nullum spatium perterritis dari*). Caesars Solidarität und Fairness mit seinen Soldaten macht sich nun bezahlt, ja sie ist der eigentliche Schlüssel zu seinem ganzen Erfolg: Sie sind trotz Erschöpfung und Hitze vorbehaltlos zur Erstürmung des feindlichen Lagers bereit,⁴³ lassen daselbst auf Caesars Geheiß die Finger von der Beute⁴⁴ und errichten sogar bei Einbruch der Nacht einen Damm, um die Pompeianer vom Fluss abzuschneiden.⁴⁵ Ein weiteres Mal dient sodann der überaus tapfere Crastinus zur Exemplifizierung der *virtus* aller Caesarianer: von einem Schwerthieb mitten ins Gesicht getroffen, stirbt er den Heldentod.⁴⁶ Von höchster Bedeutung ist schließlich am Ende der Schlacht Caesars sprichwörtliche *clementia*,⁴⁷ mit der er die sich ergebenden Feinde schont bzw. begnadigt.⁴⁸

Ganz anders Pompeius – Caesars Kontrahent erweist sich nicht nur im Reden, sondern auch im Handeln als dessen pures Gegenteil: Ähnlich, wie er bei der Schlachtvorbereitung seine Reiter von der von ihm vorgesehenen

⁴² Crastinus’ kurze Rede bildet einen lichten Gegenpol zu Labienus’ Hasstirade; beide sind letztlich ein Spiegel ihrer Feldherren. Während es Pompeius nur schafft, einen Heuchler und Maulhelden wie Labienus auf den Plan zu rufen, spornt Caesar seine Leute mit seinem Charisma und seiner Eloquenz zu Höchstleistungen an.

⁴³ III, 95, 2: *qui [die Soldaten] etsi magno aestu fatigati – nam ad meridiem res erat perducta – tamen ad omnem laborem animo parati imperio paruerunt*. (Die Wiederholung des Ausdrucks *animo paratum*, den Caesar in III, 85, 4 gegenüber den Soldaten gewählt hat [*animo simus ad dimicandum parati*], dürfte wohl kein Zufall sein.)

⁴⁴ III, 97, 1–2: *Caesar castris potitus a militibus contendit, ne in praeda occupati reliqui negotii gerendi facultatem dimitterent. qua re impetrata montem opere circummunire instituit*.

⁴⁵ III, 97, 4: *Caesar milites cohortatus [est], etsi totius diei continenti labore erant confecti noxque iam suberat, tamen munitione flumen a monte seclusit, ne noctu aquari Pompeiani possent*.

⁴⁶ III, 99, 2: *interfectus est etiam fortissime pugnans Crastinus [...] gladio in os adversum coniecto*.

⁴⁷ Zu Caesars (scheinbarer?) *clementia* im Allgemeinen und ihrer propagandistischen Absicht vgl. überblicksartig Schumann (o. Anm. 12) 19–20; ferner M. Treu, “Zur *clementia* Caesars”, *Mus. Helv.* 5 (1948) 197–217; Rambaud (o. Anm. 33) 283–293; Collins (o. Anm. 1) 959–962; M. T. Griffin, “*Clementia* after Caesar: from Politics to Philosophy”, in: F. Cairns, E. Fantham (Hg.), *Caesar Against Liberty? Perspectives on his Autocracy* (Cambridge 2003) 159–163.

⁴⁸ III, 98, 2–3: *quod ubi [...] ab eo salutem petiverunt, consolatus consurgere iussit et pauca apud eos de lenitate sua locutus, quo minore essent timore, omnes conservavit militibusque suis commendavit, nequi eorum violaretur, nequid sui desiderarent*.

Taktik überreden musste (III, 86,3: *persuasi equitibus nostris*), und ähnlich, wie er Labienus' Aufforderung zu einem Eid 'folgsam' nachgekommen war (III, 87, 5; s. o.), so verhält er sich auch jetzt in der Schlacht: Nicht aus eigener Entscheidung, sondern auf Anraten eines 'Nobody' – des ansonsten nicht weiter bekannten Schiffskommandanten Gaius Triarius (*admonitu C. Triari fecisse dicebatur*)⁴⁹ – verlegt er sich auf die Strategie, sich beim Angriff von Caesars Truppen nicht zu bewegen, so dass diese durch den Ansturm ermüdeten und sich die feindliche Schlachtlinie von selbst auflöse (III, 92). Die Strategie erweist sich jedoch als nutzlos; Caesars Truppen durchschauen die Taktik und nähern sich nur langsam. Das folgende Kapitel (III, 93) schildert sodann eindringlich die Flucht des gesamten pompeianischen Heeres (*universi terga verterunt*) und des Feldherrn Pompeius persönlich (*se in castra equo contulit; se in praetorium contulit*), nachdem Caesars vierte Schlachtreihe die pompeianische Reiterei in die Flucht geschlagen hat. Caesar setzt den hinter den Wall getriebenen Pompeianern hart zu und verfolgt sie; diese werfen vor lauter Schrecken und Müdigkeit ihre Waffen und Feldzeichen weg (*missis [...] armis signisque militaribus*) – es klingt der literarische Topos der $\rho\iota\psi\alpha\sigma\pi\acute{\iota}\alpha$ an – und nehmen die Beine unter die Arme (III, 95). Während Caesar über tapfere Soldaten verfügt, die ihm treu ergeben sind und im Extremfall auch über die Grenzen der zumutbaren Belastbarkeit hinaus Einsatz zeigen, ergreifen Pompeius' Reiter die wilde Flucht⁵⁰ und lassen dabei ihre unberittenen Kameraden im Stich.⁵¹ Feigheit und mangelnde Solidarität herrschen jedoch nicht nur unter den Soldaten, sondern sind auch – schlimmer! – Charaktermerkmale des Pompeius: Als er sieht, wie derjenige Teil seiner Reiterei, in die er am meisten Vertrauen gesetzt hatte, einen Rückzieher macht, räumt auch er das Feld⁵² und verkriecht sich unter falschen Versprechungen in sein Feldherrenzelt, bevor er sich schließlich ganz aus dem Staub macht (III, 96, 3–4). Die Darstellung von Pompeius' Flucht nach Larisa stellt sodann die absolute Klimax in der

⁴⁹ Es handelt sich um Gaius (Valerius) Triarius, dessen Bruder Decimus Laelius Triarius im Jahre 54 Volkstribun war. Gaius Triarius wird in *Civ.* III, 5, 3 als Schiffskommandant des Pompeius genannt; vgl. Carter (o. Anm. 30) 147.

⁵⁰ Vgl. III, 93, 6: *illae [die Schlachtreihen (aciei) Caesars] celeriter procurrerunt infestisque signis tanta vi in Pompei equites impetum fecerunt, ut eorum nemo consisteret, omnesque conversi non solum loco excederent, sed protinus incitati fuga montes altissimos peterent.*

⁵¹ Vgl. III, 93, 7: *quibus submotis omnes sagittarii funditoresque destituti inermes sine praesidio interfecti sunt.*

⁵² III, 94, 5: *sed Pompeius ut equitatum suum pulsum vidit atque eam partem, cui maxime confidebat, perterritam animadvertit, <sibi> aliisque diffisus acie excessit protinusque se in castra equo contulit.*

Schilderung von Pompeius' niederträchtigem Charakter dar: Indem er seine Soldaten im Stich lässt, erweist er sich als moralisch verwerflich und verantwortungslos gegenüber seinen Untergebenen; indem er jedoch auch die Feldherrenzeichen ablegt (*detractis insignibus imperatoriis*), begeht er faktisch Verrat am ganzen römischen Volk. Gesteigert wird dieser negative Eindruck noch durch Pompeius' Gejammer, er sei in seinen Erwartungen getäuscht worden; die Leute, von denen er sich den Sieg erhofft hätte, seien geflohen.⁵³ Hatte also Pompeius in seiner Rede noch unzweifelhaft an seiner Siegesgewissheit festgehalten, so sieht er sich nunmehr schwer ent- bzw. getäuscht, sucht die Schuld jedoch keinen Augenblick bei sich selbst, sondern nur bei seinen Untergebenen, obwohl er selber genauso handelt wie sie, die – psychologisch gesehen – letztlich nur ein Spiegel ihres Anführers sind.

Die drei Reden mit Blick auf die Werkintention des *Bellum civile*

Im *Bellum Gallicum* versucht Caesar seinen Eroberungsfeldzug als Defensivkrieg gegen die (potentielle) Bedrohung durch die Helvetier zu rechtfertigen, d. h. ihn als *bellum iustum* zu legitimieren.⁵⁴ Wenngleich Caesar die historischen Fakten im Großen und Ganzen nicht 'verdreht' haben dürfte, so scheint es mir in der Summe gleichwohl angemessen, von einem tendenziösen Werk zu sprechen.⁵⁵ Die Frage ist nun, inwiefern das *Bellum civile* diesbezüglich zu werten ist: Das Bemühen, die Gallischen Kriege zu rechtfertigen, ist ohne Weiteres einsichtig, da ein Defensivkrieg gegen eine Bedrohung von außen im Interesse des gesamtrömischen Staates ist. Anders liegt der Fall beim Bürgerkrieg, insofern als nunmehr ja nicht Römer gegen *barbari*, sondern Römer gegen Römer kämpfen.

⁵³ III, 96, 4: [...] *saepe, ut dicebatur, querens tantum se opinionem fefellisse, ut a quo genere hominum victoriam sperasset, ab eo initio fugae facto paene proditus videretur.* – Die dem Pompeius in den Mund gelegten Worte scheinen mit Bedacht gewählt: Zu beachten ist zum einen die Antithese *victoria* – *fuga*. Zum anderen hat Pompeius den Ausdruck *opinionem fallere* bereits am Ende seiner Rede (III, 86, 5) verwendet. Bezeichnend ist sodann auch der Begriff des Hoffens (*sperasset*): Ein Feldherr, der so schwach ist, dass er seine Reiter zu der von ihm vorgesehenen Taktik überreden muss (III, 86, 3; s. o.), kann letztlich nur *hoffen*, nicht jedoch darauf *zählen*, dass seine Leute sich nach seinem Willen richten werden.

⁵⁴ Dies gilt besonders für das erste Buch des *Bellum Gallicum*, das *Bellum Helveticum*; s. o. Anm. 16. – Zum caesarianischen Konzept des *bellum iustum* vgl. insb. auch A. M. Riggsby, *Caesar in Gaul and Rome. War in Words* (Austin 2006) 157–190.

⁵⁵ Die Tendenziosität des Werkes im Sinne der Tatsachenverdrehung betont bspw. Barwick (o. Anm. 5); Kritik an dieser Auffassung z. B. bei Maurach (o. Anm. 1) *passim*.

Doch auch hier hat Caesar guten Grund, sein Vorgehen in einer für seine Zwecke günstigen Art und Weise zurechtzurücken; vgl. Richter:⁵⁶ „Gleich sind sich beide Werke nicht nur in ihrem literarischen und sprachlichen Charakter, sondern auch in ihrer Bestimmung als Instrumente der Beeinflussung der öffentlichen Meinung [...]. Caesar war sich von Anfang an bewusst, daß sein militärisches Vorgehen in Italien im Jahr 49 juristisch gesehen Hochverrat war,⁵⁷ und nicht ohne Grund gibt er sich im ersten Großabschnitt des ersten Buches alle Mühe aufzuzeigen, dass es nicht an ihm, sondern an seinen Gegenspielern in Rom lag, wenn es zu keinem den Bürgerkrieg abwehrenden Kompromiß kam“.⁵⁸ Vor diesem Hintergrund ist auch zu verstehen, weshalb Caesar das *Bellum civile* nach einem ähnlichen Ordnungs- und Gestaltungsprinzip wie das *Bellum Gallicum* aufbaut: Sein Krieg gegen die Pompeianer soll als Analogon zum Krieg gegen die Gallier bzw. recht eigentlich als dessen Fortsetzung gesehen werden; die gleiche Bedrohung, welche in den 50er-Jahren die gallischen Stämme darstellten, geht nunmehr von den Pompeianern, sozusagen von den ‘Römern auf der falschen Seite’, aus. In diesem Zusammenhang ist auch die Beobachtung von Richter⁵⁹ von Belang, dass Pompeius und die Pompeianer im *Bellum civile* ausschließlich negativ charakterisiert werden,⁶⁰ während der Erzähler des *Bellum Gallicum* einzelnen gallischen Anführern trotz aller Feindschaft gewisse positive Eigenschaften nicht abspricht.⁶¹ So besehen, wird Pompeius freilich in ein noch düsteres Licht gerückt. Sodann ist auch die Tatsache von

⁵⁶ O. Anm. 5, 168.

⁵⁷ Gemeint ist Caesars sprichwörtlich gewordene bewaffnete Überschreitung des Grenzflüsschens Rubico in der Nacht vom 10. auf den 11. Januar 49, was einer Kriegserklärung gleichkam und auch als solche aufgefasst wurde (meine Anmerkung).

⁵⁸ Der Erzähler betont im Laufe des *Bellum civile* immer wieder, wie sehr und wie oft Caesar mit allen Mitteln versucht habe, den Krieg zu verhindern bzw. Frieden zu schließen – z. B. in seiner unmittelbar vor der Entscheidungsschlacht gehaltenen Feldherrenrede (III, 90): *commemoravit [...] quanto studio pacem petisset; neque se umquam abuti militum sanguine neque rem publicam alterutro exercitu privare voluisse*. – Zur umstrittenen Frage nach Ausmaß und Bedeutung der Tendenziosität und der propagandistischen Wirkungsabsicht des *Bellum civile* vgl. bspw. auch Collins (o. Anm. 1) 942–963; Batstone, Damon (o. Anm. 1) *passim*; Raaflaub (o. Anm. 1) 184–187. Zu ebendieser Frage im Hinblick auf das *Bellum Gallicum* vgl. insb. den Sammelband von K. Welch, A. Powell (Hg.), *Julius Caesar as Artful Reporter. The War Commentaries as Political Instruments* (London 1998).

⁵⁹ O. Anm. 5, 168–170.

⁶⁰ Zur dezidierten Negativzeichnung der Pompeianer im *Bellum civile* vgl. Collins (o. Anm. 1) 949–955.

⁶¹ Dies gilt insbesondere für Vercingetorix; vgl. Richter (o. Anm. 5) 169 Anm. 10 mit Stellenangaben.

Bedeutung, dass Caesar den Begriff *bellum civile* in seinem Werk nie verwendet⁶² – der Leser muss sich somit immer wieder bewusst machen, dass es sich hier in der Tat um einen Bürgerkrieg handelt, bzw. er soll offenbar vielmehr daran gehindert werden, sich diese Tatsache vor Augen zu halten, und die Pompeianer nicht als Mitbürger und ‘Mitrömer’, sondern als mindestens ebenso feindselige, bedrohliche und ‘barbarische’ Gegner betrachten wie ehemals die Gallier.⁶³ Vor diesem Hintergrund erklärt sich letztlich auch die Funktion der drei untersuchten Reden im Zusammenhang mit der Werkintention der gesamten Schrift: Caesar soll als umsichtiger, kluger, in seinem Denken flexibler und menschenfreundlicher Feldherr, welcher selbst gegenüber seinen ärgsten Feinden *clementia* walten lässt (so sie sich ihm ergeben), dem engstirnigen, führungsschwachen, feigen und ‘falschen’ Demagogen Pompeius, welcher seine eigenen Soldaten im Stich lässt und sich im selben Atemzug über deren mangelndes Verantwortungsbewusstsein beklagt, diametral gegenübergestellt werden. Die Negativzeichnung des Pompeius, die über das Gesamtwerk hinweg aufgebaut und iteriert wird,⁶⁴ im Verbund mit der durch die strukturelle Analogie zwischen *Bellum Gallicum* und *Bellum civile* implementierten Gleichsetzung zwischen den ‘barbarischen’ Galliern und den ‘barbarischen’ Pompeianern, gipfelt in der quasi-agonalen Gegenüberstellung der beiden Protagonisten in ihren beiden Reden kurz vor der alles entscheidenden Schlacht bei Pharsalus. Die Rhetorik auf dem Schlachtfeld stellt somit einen Gipfelpunkt caesarianischer Leserlenkung dar, die den Ausgang der Entscheidungsschlacht auf der Ebene der Figuren und ihrer Art zu reden implizit schon vorausdeutet. Caesars Sieg ist somit – so lässt sich

⁶² Aus diesem Grund kann auch der Titel *Bellum civile* schwerlich caesarianisch sein; vgl. Rüpke (o. Anm. 12) 202.

⁶³ Zu diesem Eindruck trägt m. E. auch der Umstand bei, dass Italien nur am Anfang Kriegsschauplatz ist; der Rest des Krieges findet in Spanien, Nordafrika und Thessalien/Makedonien statt. Der Bürgerkrieg hat nach damaligen Maßstäben somit beinahe den Charakter eines Weltkriegs.

⁶⁴ Zur Negativzeichnung des Pompeius im Gesamtwerk vgl. den Abriss bei Raaflaub (o. Anm. 1) 188; ausserdem auch Batstone, Damon (o. Anm. 1) *passim*, insb. 101–106, sowie G. Mader, “Myth-Making and Myth-Breaking: Cicero, Caesar and the Deconstruction of Pompey in *Bellum Civile* 3”, in: V. Coroleu Oberparleiter, I. Hohenwallner, R. Kritzer (Hg.), *Bezugsfelder. Festschrift für Gerhard Petersmann zum 65. Geburtstag* (Salzburg – Horn 2007) 70–81, dort 70: “Caesar in BC systematically demolishes the public image of Pompey, exposing his adversary as a failure both morally and intellectually, puncturing his mystique as general and leader, using him as a splendid foil to the shining Caesarian self-projection. In the work’s propagandistic design, Pompey’s loss is in every way Caesar’s gain”.

ex post erschließen – weder dem Zufall noch einer etwaigen Laune der Götter geschuldet, sondern letztlich nur die Konsequenz dessen, was dieser in seiner Rede kundgetan hat; dasselbe gilt *mutatis mutandis* auch für Pompeius' Scheitern.

Silvio Bär
Universität Zürich
silvio.f.baer@klphs.uzh.ch

Chapters 82–87 of Book III of Caesar's *Bellum civile* depict the preparations before the Pharsalus battle. The narrator of the *Bellum civile* reproduces three speeches: by Caesar, by Pompey and by Titus Labienus. This paper analyses the content, structure and function of these three speeches with regard to the general characterisation of the two commanders-in-chief within the *Bellum civile*, and with a specific view to the subsequent course of events. Inter alia, the question is asked how the speeches foreshadow the following actions of Caesar and Pompey, and how they may be understood in the wider context of the possible intentions of the *Bellum civile* as such. It can be demonstrated that the narrator of the *Bellum civile* 'navigates' his reader through the text in a manipulative manner, so that Caesar appears in a decidedly positive way, whereas Pompey's portrait is equally negative.

В главах 82–87 III книги *Записок о гражданской войне*, посвященных подготовке к битве при Фарсале рассказчик приводит три речи: Цезаря, Помпея и Тита Лабиена. В статье анализируются содержание, структура и назначение этих речей с учетом общей характеристики обоих полководцев и последующих событий. Среди прочего рассматривается вопрос, каким образом речи предвещают дальнейшие действия Цезаря и Помпея и как их можно понимать в более широком контексте замысла *Записок*. Автор показывает, каким образом рассказчик создает у читателя положительный образ Цезаря и негативный образ Помпея.

TRIMALCHIO'S ASTROLOGY:
NAIVE SUPERSTITIONS OR INTENTIONAL JOKES?
(PETR. *SAT.* 35. 1–5; 39. 5–12)*

Manibus patris

1. Introduction

Encolpius – ironic, but at the same time apparently intrigued by the abundant *lautitiae* of Trimalchio's feast – willingly records every single detail of this extraordinary happening. His narration is a remarkably faithful representation of manners of speech, clothes, customs, interiors, etc. This 'realism' marks the *Cena Trimalchionis* out of Petronius' extant fragments and of the whole ancient literature. Apart from interest in everyday life of the host's exotic milieu, the narrator's good eye for detail also serves literary purposes: it lends some traits to Trimalchio's portrait, stressing his vanity, ignorance, bad manners and bad taste – but at the same time his gaiety, good nature, generosity and a strong, indeed headstrong, desire to amuse and amaze his guests.

The scene unfolding around the Zodiac dish (Petr. 35. 1–5; 39. 5–13) puzzles interpreters both in general and in particular. As often is the case, we are running a risk of hermeneutical *circulus vitiosus*: proper understanding of the whole scene depends upon interpreting individual astrological forecasts made by Trimalchio, which in turn are often explained on the ground of understanding his monologue as a whole. In this case, induction is to be preferred to deduction: to get the point of Trimalchio's chattering on the Zodiac, one should clarify the associations between zodiacal signs and dishes offered in ch. 35, and interpret Trimalchio's astrological forecasts for each sign in ch. 39.

The text in question is in many respects dubious and obscure, despite numerous emendations and interpretations.¹ Still, in my opinion, scholars

* My recent article "*In Virgine mulieres, fugitivi et compediti* (Petr. *Sat.* 39. 9)", *Hyperboreus* 16/17 (2010–2011) 121–130 anticipates some of the arguments and conclusions presented here. NB! To avoid confusing W. Gundel with his son, on p. 122 n. 22 read "H. G. Gundel" instead of "idem"; the correct reference for the title passage should be 39. 10. I am heartily thankful to Dr. Natalie Tchernetska for correcting the English of both articles.

¹ See G. L. Schmeling, J. H. Stuckey, *A Bibliography on Petronius* (Leiden 1977) 234 (index s. v. *Astrology*); M. S. Smith, "A Bibliography of Petronius (1945–1982)",

have achieved enough success in interpreting separate passages to enable us to understand the whole scene.

Of the two main studies devoted to astrological passages in the *Cena* I find the one by S. Eriksson² helpful, sound and astute. On the contrary, the thesis published by J. de Vreese,³ though based upon extensive research in astrological writings, in most cases seems to miss the mark. It has been pointed out that most of the parallels cited by him refer not to the whole sign, but to particular days (which amount to 30 in each sign), and that Trimalchio is not likely to be concerned with scientific astrology.⁴ Unfortunately, almost all extensive commentaries on the *Cena* after L. Friedlaender,⁵ including those of M. S. Smith⁶ and G. Schmeling,⁷ are strongly influenced by de Vreese and ignore Eriksson's critique of him.⁸

In the present article I intend (1) to summarize and estimate opinions on single astrological passages of the *Cena*; and (2) to give some considerations to Trimalchio's astrological monologue as a whole. The latter should be considered from the following standpoint. Hitherto it has been interpreted (a) as reflecting 'professional' astrology (de Vreese);⁹ (b) as popular or, mostly, individual superstitions mocked at by Petronius (Eriksson); and (c) as intentional jokes prepared by Trimalchio to amuse his guests.¹⁰ Commentaries characterize the whole monologue rather vaguely and interpret some forecasts as jokes, some as 'professional' or popular astrology. The title question of this article has not yet been put point-blank.

ANRW II. 32. 3 (1985) 1656; G. Vannini, "Petronius 1975–2004: bilancio critico e nuove proposte", *Lustrum* 49 (2007) 142–145.

² S. Eriksson, *Wochentagsgötter, Mond und Tierkreis: Laienastrologie in der römischen Kaiserzeit*, *Studia Graeca et Latina Gothoburgensia* 3 (Stockholm 1956) 38–88 (Kap. II: "Die Astrologie bei Petron").

³ J. G. W. M. de Vreese, *Petron 39 und die Astrologie* (Amsterdam 1927).

⁴ M. Korenjak, "In piscibus obsonatores et rhetores: Petr. 39. 13", *PCPhS* 52 (2006) 134; cf. similar objections of Eriksson (n. 2) 80 and n. 127 below.

⁵ L. Friedlaender (ed., tr., comm.), *Petronii Cena Trimalchionis* (Leipzig² 1906).

⁶ M. S. Smith (ed., comm.), *Petronius, Cena Trimalchionis* (Oxford 1975).

⁷ G. Schmeling, *A Commentary on the Satyricon of Petronius* (Oxford 2011).

⁸ Cf. Keyer (n. *) 127 n. 21; 130 and n. 128 below.

⁹ E. g., Smith (n. 6) 89 stresses that Trimalchio's "pedantic accuracy in astrology" is "contrasted with his striking ignorance of literature, history, etc."

¹⁰ This seems to be the view of F. A. Todd, "Some *cucurbitaceae* in Latin Literature", *CQ* 37 (1943) 101: "The whole exposition, of course, is a travesty of popular astrology, with a joke in every item". I assume that, unlike Eriksson, he attributes the jokes to Trimalchio and considers them to be intentional. W. T. Avery, "More Petroniana", *Hermes* 107 (1979) 118 likens the difficulties of astrological passages to those of the *apophoreta* in ch. 56, which suggests similar interpretation of Trimalchio's monologue.

It is especially important to draw the line between (b) and (c): they both admit humour in Trimalchio's forecasts, but for Eriksson it is the humour of Petronius, who is satirizing astrology; Trimalchio in this case being an unsuspecting adherent and imitator of astrology, who does not even realize that his horoscopes are puns. If, on the contrary, we assume that these puns are consciously made by Trimalchio, this would exclude naivety and superstition. A combination of superstitious rubbish and elaborate puns is psychologically unconvincing and unrealistic: if one is making puns at casting horoscopes, he cannot take his own words seriously.

If, therefore, some of Trimalchio's forecasts seem to be real astrological beliefs or sincere attempts to imitate astrology and some, on the contrary, look like intricate and intentional puns, only one choice is given: either at one side or at the other similarities must be regarded as coincidental and deceptive.

In view of numerous hermeneutical difficulties, it is important for the general analysis of the scene to rely on the passages with apparently plausible interpretation and to take into account the context of the *Cena*.

2. Astronomy and Gastronomy: Food for Reflection¹¹

Characters and readers of *Cena Trimalchionis* encounter zodiacal signs twice: first when during the dinner an original Zodiac dish with surprisingly meager snacks is brought in (35. 1: *laudationem ferculum est insecutum plane non pro expectatione magnum; novitas tamen omnium convertit oculos...*);¹² secondly when Trimalchio uses the opportunity of mentioning the dish to specify all signs of Zodiac in a rather extended speech (39. 3 sqq.).

On each sign of Zodiac depicted on the round dish its anonymous arranger disposed food appropriate for the subject (35. 2: *...proprium convenientemque materiae structor imposuerat cibum*).¹³ As we shall see, sometimes, though not always, the food is paralleled with Trimalchio's horoscopes for the sign in ch. 39.

¹¹ References to the text follow Fr. Buecheler's *editio minor* augmented by W. Heraeus: *Petronii Saturae et liber Priapeorum* (Berlin 1922). I cannot agree with E. Dobroiu ("Pour une édition du Satiricon, 2-me série", *Studii clasice* 11 [1969] 115–118), who defends the vulgarisms transmitted in *codex Traguriensis* (H) in 35, 2–5 (*bubulae frustrum, ficum Africanum, sciribil(l)ita, cicer aretinum*) as exclamations of Encolpius' illiterate table companions tacitly cited by him in his list of snacks.

¹² For a reconstruction of repository see E. S. P. Ricotti, "Il ferculum dello Zodiaco", *Rendic. della Pont. Accad. rom. di arch.* 55–56 (1982–1984) 245–264.

¹³ E. Marmorale (ed., comm.), *Petronii Arbitri Cena Trimalchionis* (Firenze 1961) 25 rightly insists that *materiae* depends on *convenientem*, not on *structor*; thus also Friedlaender's translation (n. 5) 99.

[35. 3] *super arietem cicer arietinum* – according to Pliny *NH* 18. 12, it was called so because its peas resemble a ram's head. Whether this etymology is in fact correct, is irrelevant for the present discussion.

super taurum bubulae frustum – here, as is the case with Pisces, a simple identity is used.

super geminos testiculos ac rienes – kids and testicles are coupled with Gemini as *pair* organs; besides, Latin *gemini* and Greek δίδυμοι could be substantivized in the sense of 'testicles'.¹⁴

super cancrum coronam – this choice is explained by Trimalchio himself in 39. 8. De Vreese's idea that it hints at the constellation *Corona (borealis)*, which sets with the rising of Cancer, being its paranatellon,¹⁵ is highly implausible, as this allusion would hardly be grasped and appreciated even by the most erudite of his guests.

super leonem ficum Africanam – self-evident geographical unity suffices to couple figs with Leo,¹⁶ so it is hardly necessary to lay stress on the fact that figs ripen just in the middle of summer.¹⁷

¹⁴ See, e. g., Th. Birt, "Zu Catull und Petron", *RhM* 51 (1896) 468–470 (examples of this usage are collected to defend *gemelli* = 'testicles' in Catull. 57. 6: *morbosi pariter gemelli utrique*, with comma deleted and *utrique* taken as dative); D. Sedley, "Pythagoras the Grammar Teacher and Didymon the Adulterer", *Hyperboreus* 4 (1998) 132–135.

¹⁵ De Vreese (n. 3) 158–164; 238, justly objected to by Eriksson (n. 2) 82–83. The same idea had been advanced by J. Weitz in P. Burmann (Sen.) (ed.), *T. Petronii Arbitri Satyricon quae supersunt...* (Amsterdam 1743) I, 199 and J. A. G. de Salas, *ibid.* II, 149. Surprisingly, it was approved in a rather cold review of de Vreese by W. Kroll, *BPhW* 47 (1927) 905.

¹⁶ Eriksson (n. 2) 47 observes that *africanae* could be used as a substantive in the sense of 'lions' (he refers to *ThLL* I, col. 1261–1262). Since for designating different kinds of figs such absolute adjectives are very typical (e. g., *carica*, *caunea*), the association would then be based on homonymy, as is the case with Gemini. The idea is not new: G. Erhard (Melchior Goldast) apud Burmann (n. 15) I, 200 has even concluded from this passage that *africanae* used absolutely refer exclusively to lions. However, already Burmann rightly objected to him that *africanae* has as well been applied to panthers and tigers. In fact, it is difficult to say, what species of cats were implied by (*ferae* or *bestiae*) *africanae* and Λιβυκὰ θηρία; probably, it was a general term for large cats, including lions (cf., e. g., Cic. *Fam.* 8. 9. 3: *pantheras ... et alias africanas*; Plin. *NH* 36. 40 *accidit ei, cum in navalibus ubi ferae Africanae erant per caveam intuens leonem caelaret, ut ex alia cavea panthera erumperet*). Eriksson's assumption is thus questionable, but not disproved. For survey of historical evidence on the subject see G. Jennison, *Animals for Show and Pleasure in Ancient Rome* (Manchester 1937) 42–82; J. M. C. Toynbee, *Animals in Roman Life and Art* (London 1973) 17; 21; 82.

¹⁷ As does Friedlaender (n. 5) 238 and many others.

super virginem steriliculam – Scaliger’s *codex Leidensis* (L) and some early editions read *stericulam*, which has been explained as derived from ὕστέρᾱ or ὕστερικᾱ (μέρη) by aphaeresis of the first vowel (a sow’s womb).¹⁸ *Steriliculam*, the reading of *codex Traguriensis* (H), was plausibly defended by Scheffer as diminutive from (*vulva*) *sterilis*, a womb of a sow that has not yet farrowed (cf. Mart. 13. 56. 1: *vulva de virgine porca*).¹⁹ This perfectly suits for Virgo and was justly supported by Buecheler, Heraeus²⁰ and most of the commentaries.²¹

[35. 4] *super libram stateram, in cuius altera parte scriblita erat, in altera placenta* – this solution is often blamed as too flat, but what could be a truly elegant choice?²²

super scorpionem pisciculum marinum – it is very natural to suggest that fish of the same name was placed on Scorpio: hence Scheffer’s <*scorpionem*> and Studer’s <σκορπίον> or <scorpium>. The ‘scorpion-fish’ (edible according to Athen. 7. 320 d–e, cf. Plin. *NH* 32. 151) could have easily disappeared by haplography.²³ Some editors bracket the words

¹⁸ Starting with Reinesius in Burmann’s edition (n. 15) I, 200–201.

¹⁹ *Ibid.* It is important that sometimes *sterilis* is used as a substantive, e. g., *AL* I. 199 Riese 90: *Me sterilem Niobe, linguam Philomela roga(n)t me*; Cels. 2. 24. 2: ...*vovae sterilesque*; Apic. 7. 258: *vovae et steriles*. Therefore Reinesius, arguing against Scheffer, wrongly objected to the ellipsis of *vulva*.

²⁰ W. Heraeus, *Kleine Schriften* (Heidelberg 1937) 102–103; cf. 26 n. 3.

²¹ Exceptions are G. Alessio, *Hapax legomena ed altre cruces in Petronio* (Napoli 1960–1961) 336–337, who hesitates between the two readings, and C. Pellegrino (ed., comm.), *Petronii Arbitri Satyricon* (Roma 1975) 71, who, following Alessio, marks *steriliculam* with a crux.

²² Eriksson (n. 2) 69 sees here a blatant astrological naivety: “Die Wage mit den Kuchen könnte vortrefflich als ein Symbol für Trimalchios Astrologie dienen. Er stellt die zwei Kuchen in astrologischen Zusammenheit mit der himmlischen Wage nur aus dem Grunde, dass sie die runde Form der Wagschalen haben!” I am not sure that the form of the cakes is relevant here, but above all I strongly doubt that the choice of snacks displays any astrological conceptions: it can simply be a matter of culinary design!

²³ Smith (n. 6) 75–76 acknowledges *pisciculum marinum* as a gloss and postulates a lacuna after *scorpionem* (followed by K. Müller, *Petronii Arbitri Satyricon reliquia*, [Munich–Leipzig 42003] 28), but in his opinion “*super scorpionem scorpionem* would be too inane even for this context”; Smith also finds difficulty in diminutive *pisciculum* applied to a scorpion-fish and thinks of “some smaller scorpion-like fish”. The latter is hardly correct, since (1) diminutive does not necessarily denote something of a smaller size; besides, *pisculus* is used by Petronius in 3. 4, as was noticed by J. Öberg (ed.), *Petronius, a new critical edition* (Stockholm 1999) 9, who suggests *super Scorpionem pisciculum <illum> marinum*; (2) a *rascasse*, which is usually

pisciculum marinum (or at least one of them) as a gloss, which is plausible: the clarification is trivial and the following repetition (*locustam*) *marinam* would lack stylistic elegance.²⁴

*super sagittarium oclopetam*²⁵ – I do not know if any other hapax in ancient literature has given rise to so many explanations as *oclopetam*: a synopsis of all emendations and interpretations given, often ingenious, would be bulky enough for a small monograph,²⁶ yet a reliable decision has not been attained.²⁷ The root *oclo-* might indeed suit for Sagittarius in view of the following 39. 11.

*super capricornum locustam marinam*²⁸ – the words *in quo cornua erant* added after *capricornum* in H are an obvious gloss. Spiny lobster's

identified with σκορπίος, is indeed small: see D'Arcy W. Thompson, *A Glossary of Greek Fishes* (London 1947) 245–246; E. de Saint-Denis, *Le vocabulaire des animaux marins en latin classique* (Paris 1947) 103–104.

²⁴ St. Gaselee (*A Collotype Reproduction of that portion of Codex Paris. 7989...* [Cambridge 1915] 17–18; idem, “Petroniana”, *CQ* 38 [1944] 77), deleting *pisciculum marinum* as a gloss, substitutes it not with scorpion-fish, but with *locustam*, which should hint at *Locusta* (*Lucusta*), the famous poisoner of Nero's reign. This transposition of *locusta* from Capricorn to Scorpio, which compels to further changes in the text for Capricorn (Gaselee himself proposed inedible *capri cornua*, the reading of L for *capricornum*), found some support among other scholars, see n. 28.

²⁵ *oclopetam* H, *odopetam* L; “*odopetam* H” in Pellegrino's apparatus ([n. 21] 71) must be a misprint.

²⁶ For bibliography see Buecheler, *Kl. Schr.* (n. 27) III, 303, n.*; H. Stubbe, *Die Verseinslagen im Petron* (Leipzig 1933) 160; Heraeus [n. 20] 98–100 n. 3; Schmeling, Stuckey (n. 1) 237 (index s. v.); Smith (n. 1) 1656, Vannini (n. 1) 142–143.

²⁷ Unless it is an odd coincidence, important for the hapax is the racehorse's name *Oclopecta* (A. Audollent, *Defixionum Tabellae* [Paris 1904] 384; 546 [index s. v.]), which has been derived from ὄπλοπαίκτης (‘armiluser’) by J. Vendryès (“*Oclopecta*”, *MSL* 13 [1904] 231) and from *oculum* πῆξι by Buecheler (“Eine Verbesserung Petrons”, *RhM* 58 [1903] 624–626 = *Kleine Schriften* [Berlin 1915–30] III, 303–306), who took it to designate an unknown fish or shell-fish, like *op(h)thalmias* or *oculata*. Buecheler argued for a hybrid, because in Latin compounds connecting vowel should normally be *-i-*, not *-o-*, but *oclo-* has also been explained as ablative (A. Nehring, “*Parerga zur lateinischen Wortforschung*”, *Glotta* 17 [1929] 127–134, who refers to *cornupeta*).

²⁸ Gaselee's transposition of *locusta* to Scorpio (n. 24) is therefore unnecessary, however witty it might seem to have *Locusta*'s ‘namesake’ on the sign of *venenarii et percussores* (39. 11). Still, it was supported by K. F. C. Rose and J. P. Sullivan (“*Trimalchio's Zodiac Dish* (Petronius, *Sat.* 35. 1–5)”, *CQ* 18 [1968] 180–184; they put forward resemblance between scorpions and lobsters without mentioning the allusion to *Locusta*) and B. Baldwin (“*A Note on Trimalchio's Zodiac Dish*”, *CQ* 20 [1970] 364, laying stress on *Locusta*; that the analogy with *Locusta* had already been proposed by Gaselee escaped him, as T. W. Richardson notes: “*A Further Note on Trimalchio's Zodiac Dish*”, *CQ* 22 [1972] 149). S. J. Bastomsky (“*Petronius,*

long antennae were called *cornua*, which provided an uncommon analogy with Capricorn (cf. Plin. *NH* 9. 95: *cornibus inter se dimicant*; Arist. *HA* 590 b 28–31; Ael. *HA* 9. 25).²⁹

super aquarium anserem – Two explanations have been offered: (a) epithet *aquaticus* (*aquatilis*) applied to geese, ducks and other waterfowl (Plin. *NH* 8. 101; 10. 29; cf. *Priap.* 61. 11: *aquosus anser*); (b) geese's gagging as portending bad weather and storms (Theophr. *De sign.* 39, Arat. 1021; cf. Plin. *NH* 18. 363). The first one, flat as it might seem, is safer, while the connection between geese and water based on weather saying about storm, in particular rain, is far-fetched; besides, word associations are more typical for Trimalchio's allusions to Zodiac.³⁰

super pisces duos mullos – as is the case with Taurus, this choice is straightforward: two fishes represent the common depiction of the sign.

So, the main principles of the Zodiac dish are play on words, metonymy and metaphorical associations of different complexity.

Gaselee and de Vreese³¹ believed the choice of 'Zodiac snacks' to be strongly connected with the following astrological forecasts, which seems disputable. Notable are parallels between *testiculi* and *colei* (39. 7); spiny lobster's *cornua* and *quibus cornua nascuntur* (39. 12); and, possibly, also between *cicer arietinum* and the obscure *arietilli* (39. 5, if this emendation is correct) as well as between the obscure *oclopeta* and *strabones* (39. 11).

Satyricon 35, 4: Some Possible Emendations", *Emerita* 37 [1969] 367–370) and Carmela Picheca ("Petronio, *Sat.* 35, 4", *Atene e Roma* 22 [1977] 53) rightly dismissed the transposition and consequential emendations as unnecessary. Smith (n. 6) 76 is right that Rose and Sullivan have little ground to assume that both roots of Capricorn must have been played upon (they suggest *super Capricornum caprum* [= κάπρον, 'boar-fish'] *et cornutam*).

²⁹ This escaped Rose and Sullivan, the lack of connection between lobster and Capricorn being for them an argument for the transposition of *locusta*. The correct explanation with reference to Pliny, given by Eriksson (n. 2) 48 and Bastomsky (n. 28), had already been that of older scholars: see Burmann's edition (n. 15) I, 203–204. Smith (n. 6) 76 wrongly identified *cornua* with claws: a langouste (spiny lobster), as opposed to a usual 'lobster', has long spiny antennae and no claws at all (*cornua* is naturally applied to long objects *on the head*, not to the claws).

³⁰ A Russian reader would recall the popular saying *как с гуся вода* (lit. 'like water off a goose'), which corresponds to Eng. *like water off a duck's (goose's) back* and similar expressions in other languages. An expression like this, had it been attested in antiquity, would provide a more subtle allusion than the simple fact that geese like water; cf. ὄνος ὕεται (Cephisodor. fr. 1; Cratin. fr. 56 K.–A. [Phot. *Lex.* 337. 19 Porson = *Suid.* ο 394]).

³¹ Gaselee, *A Coll. Repr.* (n. 24) 35; de Vreese (n. 3) *passim*.

These parallels could be regarded as hints designed to clarify the analogy of forecasts with Gemini, Capricorn, Aries and Sagittarius respectively, but none the worse as coincidences, which could be attributed to mere chance or to the limitedness of human imagination. The description of Aquarius and Lion has nothing in common with the food chosen; other correspondences are confined to the name of the sign itself. In any way, as parallels between food and forecasts are not systematically drawn, I would not push them forward too far.

Does the zodiacal dish display Trimalchio's superstition and belief in astrology? For Eriksson it shows Trimalchio's astronomic ignorance: having seen the parts of human body attributed to different signs of Zodiac (the so-called μελοθεσία), he "was struck by the brilliant idea: the foodstuffs, the most important thing in life, must also be related to stars".³² According to Eriksson, this invention of Trimalchio was designed by Petronius as satirizing the astrologers' tendency to link all natural phenomena (land, plants and minerals) with stars.³³

Eriksson came to this idea in sharp controversy with de Vreese, who tried to interpret Trimalchio's zodiacal forecasts as echoes of real astrological conceptions and pored over numerous astrological writings in search for parallels;³⁴ rightly criticizing him for obvious lack of humour and overestimating Trimalchio's intellectual abilities, Eriksson draws a distinction between popular ('Laienastrologie') and 'professional' astrology. This distinction is legitimate, and it is very probable that Petronius was ironical about astrology, but there are no reasons to explain the Zodiac dish by postulating of such a peculiar, indeed unparalleled, way of Trimalchio's thought.

A much simpler explanation is that the Zodiac dish itself, like other dishes in the *Cena*, was no more than a game, a kind of exquisite culinary design aimed at laying the table in the most manifold, resourceful and

³² Eriksson (n. 2) 70; cf. 77–78. Commenting on Manilius' melothetic passages and depictions of human body parts linked with zodiacal signs, W. Gundel referred to Trimalchio's dish as ascribing signs of Zodiac to different "animals and plants" ("Textkritische und exegetische Bemerkungen zu Manilius", *Philologus* 81 [1925] 309 n. 1; F. Boll, C. Bezold, W. Gundel, *Sternglaube und Sterndeutung: Die Geschichte und das Wesen der Astrologie* [Leipzig – Berlin ⁴1931] 137). Eriksson (n. 2.) 77 rightly specifies that these are not animals and plants, but dishes. For Eriksson this difference illustrates the absurdity of Trimalchio's dish (which, in his opinion, was indeed inspired by melothetic depictions). Still, I cannot see why the distribution of foods on zodiacal signs is to be derived from any astrological belief rather than from mere fun; cf. n. 22 above.

³³ Eriksson (n. 2) 77.

³⁴ Cf. n. 8 above and n. 127–128 below.

artistic manner. Astrology being in fashion, it was a good way to show off the party planner's high class. Of course, Trimalchio's further illiterate comments, pretending to show his being an expert in astronomy, are in comic contrast with any idea of refinement, just like his phrase-mongering on history and mythology (48. 7; 50. 5 – 52. 3; 59. 3–6), but it gives no ground for blaming the design of the dishes, whether it was developed by Trimalchio himself or by his anonymous chief cook.

Already Pithoeus³⁵ noticed that the astronomical dish is paralleled in Alexis apud Athen. 2. 60 a–b (fr. 263 K.–A. 5–10):

...ἀλλὰ παρετέθη
 ὑπερηφάνως ὄζουσα τῶν Ὠρῶν λοπάς,
 τὸ τοῦ πόλου τοῦ παντὸς ἡμισφαίριον·
 ἅπαντ' ἐνῆν τὰ κεῖ γὰρ ἐν ταύτῃ καλὰ,
 ἰχθῦς, ἔριφοι, διέτρεχε τούτων σκορπίος,
 ὑπέφαινεν ὧν ἡμίτομα τοὺς ἀστέρας.

Unlike most commentaries, Eriksson does not consider this parallel relevant on the ground that “in Alexis it is not talked of astrology and the dish has no astrological depictions of constellations.”³⁶ Still, the dish described in Alexis is also a model of the stellar sky (even though of the northern hemisphere only), on which some constellations are represented – there could well have been others apart from Pisces, the ‘Kids’³⁷ and Scorpio³⁸

³⁵ Apud Burmann (n. 15) I, 198.

³⁶ Eriksson (n. 2) 78. It is not clear, whether the figures of these constellations were molded of food or depicted on it or symbolized by comestibles, as W. G. Arnott believes (*Alexis. The Fragments: A Commentary* [Cambridge 1996] 732). One would naturally think of two fishes for Pisces and a ‘scorpion-fish’ for Scorpio, but ἔριφοι is problematic in this context. Maybe, constellations of the dish were partly symbolized and partly depicted.

³⁷ Note, that the Kids is not a zodiacal constellation, so that Arnott (n. 36) even admits the possibility of confusion with Capricorn, falsely ascribing this view to H. G. Gundel (“Zodiakos”, *RE* 10A [1972] 602–603); quite the contrary, Gundel defends ἔριφοι = ‘Haedi’ against K. Kerényi, who had suggested confusion with Aries (“Die religionsgeschichtliche Einordnung des Diskos von Brindisi”, *Röm. Mitt.* 70 [1963] 95; Gundel referred to vol. 69 by mistake). Schmeling (n. 7) 127 translates ἔριφοι as “Capricorn” without comment.

³⁸ διέτρεχε can also give historians of astronomy cause for discussions unless they get more indulgent to cooks and admit that the disposition of culinary ‘constellations’ on the dish did not necessarily have to be matched with celestial map. In any way, P. Wouilleumier’s assumption (“Les disques de Tarente”, *RA* 35 [1932] 60 n. 6) that “the importance given (here) to Scorpio seems to imply the absence of Libra” (i. e., with Scorpion’s claws instead) is unfounded.

mentioned in the text. It is this symbolism in gastronomy that the passages of Petronius and Alexis have in common.³⁹

That in the extant fragment of Alexis astrology is not being talked of only proves that culinary symbolism of this kind could be purely ornamental. Likewise, the arrangement of snacks on the Zodiac signs in the *Cena* resulted neither from superstitious belief in astrology nor from any common or singular astrological conceptions, but from the host's pursuit of refinement and his love for punning riddles⁴⁰ and culinary stunts, as well as other dishes in the *Cena*. Suffice it to mention the dish playfully concealed beneath the Zodiac one, which included a winged Pegasus-hare and the four Marsyases with wine-skins pouring *garum* on the 'swimming' fishes – and was also accompanied by puns (35. 7: *hoc est ius cenae*⁴¹ and 36. 5, 7: *Carpe! Carpe!*); the 'emancipated' boar (*aper pilleatus*) in 40. 3; a rollicking play on words at the handout of presents in 56. 8–9; and a helmeted boiled calf hacked up by the 'furious Ajax' in 59. 6–7.

"*Nihil sine ratione facio*" Trimalchio proudly remarks on the Zodiac dish explained as a model of the universe in 39. 14. This pragmatic interpretation of a philosophical motto (cf., e. g., Sen. *De benef.* 4. 10. 2), can be applied to the whole of his feast, a carefully planned and well-rehearsed performance.⁴²

³⁹ Smith's conclusion (n. 6) 74–75 that since an astrological dish had already been attested in Alexis, Trimalchio's dish lacks originality, which is meant "to emphasize the pretentiousness of Trimalchio's dish even more than Encolpius' naivety", is too rash. This accords well with his conception of Encolpius as an incompetent narrator (cf. *ibid.* xx with n. 2), but after all, Encolpius' remark on the novelty of the dish (35. 1) does not necessarily imply that Trimalchio was its *πρῶτος εὐρετής*.

⁴⁰ This is the view of Rose and Sullivan (n. 28 above). E. T. Sage in his favourable review of de Vreese (*CPh* 22 [1927] 311–313) admits: "Even after reading de Vreese I still believe that the choice of dishes is determined in part, though only in part, by Trimalchio's tendency to make puns (e. g., *super arietem cicer arietinum* in xxxv. 3)."

⁴¹ *ius* L, in H. See W. T. Avery, "*Cena Trimalchionis* 35. 7: *hoc est ius cenae*", *CPh* 55 (1960) 115–118. Friedlaender (n. 5) is one of the few who, following Reiske, prefer *in* = *in<itium>* and delete *hoc est in<itium> cenae* as a gloss.

⁴² Trimalchio's 'stage-managing' of the feast has been pinpointed by many scholars. See, e. g., É. Thomas, *Pétrone* (Paris 1912) 143–150 (p. 150: "Pendant tout le festin comme dans les préparatifs, les occupations du tous, les entrées, les sorties, tous les mouvements sont réglés comme ceux d'acteurs au théâtre"); G. N. Sandy, "Scenica Petroniana", *TAPhA* 104 (1974) 329–337.

4. "Who is who?"

In ch. 39 Trimalchio reveals the real destination of the Zodiac dish. Of course, his dinner could not be confined to *cibi viles* (35. 7): "*Sic notus Ulixes?*" he playfully wonders (39. 3),⁴³ by that moment the cosmic dish has already been disclosed to be just an intellectual 'condiment' to the meal. Now Trimalchio uses the opportunity to deliver a speech on the constitution of the universe (39. 5–15).

As often happens in the *Cena*, Trimalchio's monologue betrays the abyss of his ignorance. His speech is lavishly larded with vulgarisms (*caelus, dii, cornum; prae* with acc.; hapax *expudoratus*) and colloquialisms (*taurulus, copo* etc.). Which is worse, his idea of astronomy turns out to be grotesquely vague (*caelus hic, in quo duodecim dii habitant, in totidem se figuras convertit... totus caelus taurulus fit*). Nonetheless, Trimalchio's cosmological lecture is rooted in some commonly widespread religious or astronomical notions of the time, even though oversimplified or distorted in his discourse.

Thus, syncretic beliefs in the twelve Olympian gods patronizing the twelve zodiacal signs (*tutela*) did really exist.⁴⁴ The heaven's rotation compared to a millstone (*sic orbis vertitur tamquam mola*) is attested in Theodoretus of Cyrrhus⁴⁵ and must have been a popular cosmological metaphor. Its comparison with an egg (*terra mater ... quasi ovum corrotundata*), originating in Orphic doctrines of the World Egg and ancient cosmogonies, was also not uncommon to philosophical writings.⁴⁶

Before we take a closer look at Trimalchio's astrological forecasts we may assume that (1) since the majority of them are clearly motivated by plays on words or common metaphorical associations, all forecasts should have a similar explanation; and (2) since almost all these describe people, it is unlikely that some of them would imply animals or plants (cf. n. 133 below).

⁴³ In my opinion, the remark "*quid ergo est? oportet etiam inter cenandum philologiam nosse*" refers to the preceding quotation from Virgil, though many scholars take *philologia* to be more than 'literary studies' and refer it to the following speech on astronomy.

⁴⁴ See, e. g., H. G. Gundel (n. 37) 569; O. Weinreich, "Zwölfgötter", in Roscher's *Lexikon* (1924–37) VI, 820–827. Weinreich (*ibid.* 827) has no good reasons to assume that the twelve gods were depicted on the dish along with the signs.

⁴⁵ H. Diels, *Doxographi Graeci* (Berlin 1879) 329 b. This and the following observation I owe to Dmitri Panchenko, whom I thank for the discussion of my report on this question in 1999.

⁴⁶ See J. Haussleiter, "Ei", *RLAC* 4 (1959) 734.

[39. 5] ‘...et modo fit aries. itaque quisquis nascitur illo signo, multa pecora habet, multum lanae, caput praeterea durum, frontem expudorata, cornum acutum. plurimi hoc signo scholastici nascuntur et arietilli.’ laudamus urbanitatem mathematici – Cattle and wool were indeed associated with Aries in astrology (cf. Manil. 4. 124 ff. and de Vreese [n. 2] 219 ff.), but the following words seem to be a sort of *παρὰ προσδοκίαν*, which undermines the prestige of Aries children and, to my mind, even suggests that they have a lot of wool *on*, along with a ‘thick head’ (stupidity or pushiness), a ‘shameless forehead’ and a ‘sharp horn’.

Specifying of this category as rhetoricians, which is usually thought of as a hit at Encolpius and his friends, has been scarcely commented upon. The point is probably in comparing rhetoricians to rams.⁴⁷

Cornum acutum is sometimes explained as hinting at the famous sophistic syllogism on having horns⁴⁸ that became a standing joke (cf. Luc. *Dial. mort.* 1. 2, Mart. Cap. 4. 327).⁴⁹ Still, I find it unlikely: (1) *acutum* would then be pointless; (2) this particular allusion of *cornu* would diverge from *caput* and *frons*; (3) the joke is unlikely to be relevant for Trimalchio and his uneducated audience. A simple metaphor is more probable: a ‘sharp horn’ suggests ‘butting’ in rhetoric duels.

As for a ‘shameless forehead’, rams seem to have been regarded as impudent, probably because of lust (cf. Manil. 4. 508 ...*solvethque pudorem* and de Vreese [n. 2] 225–26⁵⁰), but why and in what sense shamelessness

⁴⁷ E. T. Sage, “Notes on Apuleius”, *CPh* 22 (1927) 311–312 cites an important parallel from Apuleius (*Met.* 1. 9), where a witch is said to have turned a lawyer into a ram. The other two transformations mentioned in Apuleius were that of the witch’s unfaithful lover into a beaver (thought of as prone to self-castration) and of her rival inn-keeper into a frog. A. Borghini, “Gli avvocati, gli eruditi, e l’ariete: alcune convergenze (a proposito di Apul. *Met.* I 9, 4 e di Petronio *Sat.* XXXIX 5)”, *Annali della fac. di lettere e filos. di Bari* 29 (1986) 57–62 remained unavailable to me.

⁴⁸ D. L. 7. 82; 187; Com. adesp. 149 K.–A.; Luc. *Symp.* 23; Sen. *Ep.* 49. 8; Quint. *Inst.* 1. 10. 5; Gell. 16. 2. 10; 18. 2. 9.

⁴⁹ V. Ciafffi, *Struttura del Satyricon* (Torino 1955) 49 with n. 48, supported by Chr. Stöcker, *Humor bei Petron* (Erlangen–Nuremberg 1969) 71–72. Cf. n. 63 below.

⁵⁰ Eriksson (n. 2) 80–81 keenly observed that Firm. Mat. 8. 6. 4 *sunt enim austera facie, prolixa barba, obstinata fronte*, cited by de Vreese ([n. 3] 226) and repeated in many commentaries, is related not to Aries, but to Haedi, its paranatellon. No less reasonable is his heavy irony ([n. 2] 82) against de Vreese’s astrological excursus ([n. 3] 221–224) on why and how Aries was connected with the head (e. g., Aries being the “head” of the Zodiac, i. e. the first of Zodiac signs, which is irrelevant here): of course, ram’s hard forehead is and was commonplace, as *aries* = ‘battering ram’ shows; however, *petro*, adduced by Eriksson thereby, is not a case in point, since its precise meaning and etymology are obscure and paretymological connection with *petra* (Fest. 207 M) could refer to the ram’s tough meat rather than forehead.

is assigned to rhetoricians? In antiquity the forehead, due to its ability to blush, was indeed regarded as the place of shame,⁵¹ which resulted in a number of idioms corresponding to Eng. ‘brazen face’,⁵² such as *frons attrita* and *frontem (faciem) perfricuisse*⁵³ and, less often, *frons dura (os durum)*.⁵⁴ This quality could be particularly appropriate for rhetoricians, be it due to impudent behaviour in litigations (cf. Cassiod. *Var. ep.* 3. 52. 9: *impudenti fronte litigare*) or to a combativity required in public debates. Thus Quintilian (*Inst.* 6. 4. 11) condemns impudence in controversies: *sunt enim quidam praeduri in hoc oris, ut obstrepant ingenti clamore et medios sermones intercipiant et omnia tumultu confundant...* and prescribes to repel it firmly, but keeping a civil tongue, which is not a *res animi iacentis et mollis supra modum frontis*. It was *mollitia frontis* that prevented Isocrates from speaking in public (Plin. *Epist.* 6. 9. 26).

Multa pecora and *multum lanae*, in my opinion, still requires explanation, as *praeterea* suggests these to be attributes of both *scholastici* and *arietilli*, along with *caput durum*, *frons expudorata* and *cornum acutum*.⁵⁵ If I am wrong and there lies no unnoticed pun in *multa pecora* and *multum lanae*, Trimalchio’s description of Aries still shows signs of intentional humour, which lies in the unexpected transition from cattle-handlers (naturally associated with the sign) to uncomplimentary comparison between rams and rhetoricians.⁵⁶

⁵¹ Noteworthy is Pers. 5. 103–104: *exclamet ... perisse frontem de rebus* (imitation of Hor. *Ep.* 2. 1. 80: *clament periisse pudorem*) and schol. ad loc.: *templum enim pudoris est frons*.

⁵² For examples see *ThLL* VI. 1357. 33 ff. (s. v. *frons*).

⁵³ A. Otto, *Die Sprichwörter und sprichwörtlichen Redensarten der Römer* (Leipzig 1890) 130 (§ 631); M. T. Sutphen, “A Further Collection of Latin Proverbs. II”, *AJPh* 22 (1901) 129 (= R. Häußler. *Nachträge zu A. Otto...* [Darmstadt 1968] 160); E. B. Mayor (ed., comm.), *Thirteen Satires of Juvenal* II (London 1900) 286 (ad 13. 242).

⁵⁴ O. Jahn, *A. Persii Flacci satirarum liber* (Leipzig 1843) 197; Fr. Marx, *C. Lucilii carminum reliquiae* II (Leipzig 1905) 156 (ad 417); Mayor II (n. 53) 41 (ad 8. 189). Contrary to Otto (n. 53) 59 n. *, Smith (n. 6) 103 and Schmeling (n. 7) 168, I would take Petr. 43. 3 *durae buccae* in the same sense, not as ‘a rough tongue’; cf. Eng. *to have the cheek (the face) to do smth.*

⁵⁵ If *scholastici* were taken as ‘rhetoric teachers’, *pecora* could be the crowds of stupid students. As for *lana*, can it hint at income (proposed by A. Verlinsky)? Or at the habit of wearing a woolen scarf for sore throat (*focale*) in declamations? Cf., e. g., Mart. 4. 41. 1: *quid recitaturus circumdas vellera collo?*; 6. 41. 1: *qui recitat lana fauces et colla revinctus...* Quintilian was strongly against such practice (*Inst.* 11. 3. 144: *...focalia ... sola excusare potest valetudo*); Gell. 11. 9. 1 and Plut. *Dem.* 25 of Demosthenes simulating angina.

⁵⁶ Eriksson (n. 2) 56–57; 74 regards *scholastici* as a “secondary forecast”, which has no connection with the sign itself, being just linked to the “primary” one; my objections against this approach: Keyer (n. *) 127–128.

Arietilli, the emendation of Reinesius and N. Heinsius (*arieti illi* H)⁵⁷ has not yet been satisfactorily explained. One possibility would be to take it literally; it would mean that Trimalchio, modeling a universe *en miniature*, was weird enough to cast horoscopes for animals as well. Nevertheless, the passage in question gives no more ground for this assumption than *bigae et boves* of Gemini and *cucurbitae* of Aquarius (horoscopes for plants would be perhaps too bizarre). It is easier to suggest that each of them designates some kind of people. The 'studs' (i. e. 'lechers')⁵⁸ has several advantages over the rest of interpretations:⁵⁹ (1) the rams' connection with lust can be traced in antiquity; (2) modern languages offer parallels for that; (3) *caput durum* and *cornum acutum*⁶⁰ can be applied to lechers in the obscene sense, impudence being also to the point;⁶¹ (4) the obscene sense of *cornum acutum* would explain the

⁵⁷ The only examples are *cicer arietillum* in Col. 2. 10. 20 and *a(r)retillum* ἀμπελόπρασσον (wild leeks) in CGL II. 24. 33; III. 88. 54 et saepius. Reiske suggested *aretalogi* (supported by A. Kiefer, *Aretalogische Studien* [Freiburg i. Br. 1920] 12). More probable paleographically is W. S. Watt's *arioli* ("Notes on Petronius", C&M 37 [1986] 174) and Alessio's (n. 21) 20–22 *aretuli illi* (the meaning of *aretuli* would still be obscure). Alessio's idea of homophony between *aretuli* and *rhetoires* (as well as in the case of *in piscibus... rhetoires*, see n. 121 below) is to be rejected: the phonetic resemblance is too weak, very few would be quick-witted enough to discern this pun in the synonym *scholastici*, and, last not least, rhetoricians seem to be linked with Aries because of *caput durum*, *frons expudorata* and *cornum acutum*: intricate play on words in addition would overcomplicate the matter.

⁵⁸ A. Bartalucci ("Gli *arietilli* in Petronio, *Sat.* 39, 5", SCO 16 [1967] 281–285), citing Ov. *Fast.* 4. 771 *sitque salax aries*, Lucil. 534 M. *aries ... quantis testibus!* and Ribbeck³ II, 365 *arietem... testitrahum* along with AP 11. 318 (see p. 291 with n. 130 below); on the same lines are Smith (n. 6) 89: "possibly some obscene sense lies hidden" and B. Baldwin, "Editing Petronius: Methods and Examples", *ActClass* 31 (1988) 42 referring to Eng. *ram* ('lecher').

⁵⁹ The most popular explanation 'Schafköpfe', i. e. 'students of rhetoric', *scholastici* being their teachers (de Vreese [n. 3] 228–234 and many others) is invented ad locum. Friedlaender (n. 5) 244 cites, with a query, the proverb Κριὸς τροφεῖ ἀπέτισεν (Zenob. 4. 63, of ingratitude). M. L. Wagner ("*Arietillus* bei Petronius", *Humanitas* 3 [1950/51] 375–378) suggests 'cuckolds', but the words that he is referring to (It. *becco*, *pecoro*; Fr. *bouc*, *bélier*; Sp. *cabrón*) have possibly developed this meaning from the metaphor of cuckolds having horns, which did not exist in antiquity (see p. 285 with n. 100 below).

⁶⁰ A 'sharp horn' might seem strange in this sense, but sharp instruments and weapons abound in Latin and Greek metaphors for *mentula*: see J. N. Adams, *Latin Sexual Vocabulary* (London 1982) 14–24 (e. g., Pompon. 69: *coleatam cuspidem*; 126–127: *compingam terminum in tutum locum*; [Lucian.] *Asin.* 10 ὀξεῖαν [scil. λόγχην]); κέρας = 'penis' in Archil. 247 West and AP 12. 95. 6 (cf. *ibid.* 22); *caput* was usual for 'glans penis' (*ibid.* 72).

⁶¹ Eriksson (n. 2) 16 supports the obscene sense of *frontem expudoratam*, *cornum acutum*, referring it to Encolpius and Ascyllus.

singular. However, such word usage being unattested in Greek or Latin, the hapax remains obscure.

Of greater significance for the whole scene is the remark “*laudamus urbanitatem mathematici*.” Usually it is interpreted as a sarcastic hint at Trimalchio’s ignorance or bad taste.⁶² Yet, it is important that *urbanitas* in the *Cena* always refers to Trimalchio’s witticisms,⁶³ and in other extant fragments of Petronius (7. 1; 24. 2; 109. 8) it also implies humour, merriness or wit (admittedly, *urbanus* in 16. 4 and 116. 5 implies a wider sense than ‘witty’), which suits the context. Even though the precise meaning of the joke might have escaped us, the abrupt transition from “much cattle, much wool” to “thick head” etc., as well as the rhetoricians’ comparison to rams, obviously has humorous connotations, and, considering Trimalchio’s love for puns, this humour is likely to be intentional. The irony of Encolpius’ remark is thereby not cancelled: only that it lies in the epithet *mathematicus* and not in *urbanitas*.

[39. 6] ‘*deinde totus caelus taurulus fit. itaque tunc calcitrosi nascuntur et bubulci et qui se ipsi pascunt* – Eriksson is certainly right that ‘kicking’ is an obvious play on *calcitrare*, which is a typical habit of oxen (he cites Col. 2. 2. 26), and in a figural sense could be applied to a man, being strongly associated with the idiom *calcitrare contra stimulum* et sim.⁶⁴

De Vreese goes further and suggests a hint at the fact that in astrological tradition Taurus (as well as Gemini and Cancer) rises and sets hindforemost.⁶⁵ In his opinion, “das astrologische Publikum, das diesen

⁶² Thus B. Halvonik, “The Ethos of *Urbanitas* in the *Satyricon*”, in: C. Deroux (ed.), *Studies in Latin Literature and Roman History XII* (Brussels 2005) 323: “sophistication”; cf. P. Habermehl, *Petronius, Satyrice 79–141: Ein philologisch-litterarischer Kommentar*. Bd. 1: *Sat. 79–110* (Berlin – New York 2006) 470 (ad 109. 8): “... ‘Stil, Raffinesse’ (39, 6), öfter jedoch die ‘Schlagfertigkeit’, den ‘Witz’ des Städtlers (24, 2; 52, 7), und, wie hier, dessen Frucht, den ‘Scherz’ (cf. 7, 1; 36, 7).”

⁶³ 36. 7 (of *Carpe! Carpe!*): *ego suspicatus ad aliquam urbanitatem totiens iteratam vocem pertinere...* 52. 7: *excipimus urbanitatem iocantis...* Cf. 48. 5: ‘*quid est pauper?*’ – ‘*urbane*’; W. Heinse’s translation of 1773: “Wir bewunderten seine witzige Mathematik”. P. Siewert, *Textkritische Bemerkungen zu Petronius* (Frankfurt an der Oder 1911) 14–15 and Chr. Stöcker (n. 49) 72, n. 1 rightly insist that *urbanitas* here refers to a witticism. However, Siewert’s emendation of *arieti illi* into *Arieti<ni> illi* (i. e., a vulgar form for *Arretini*, the inhabitants of Arretium) and V. Ciaffi’s reference to the syllogism on horns supported by Stöcker (see n. 49 above) are not convincing.

⁶⁴ See Otto (n. 53) 331–332 (§ 1693).

⁶⁵ De Vreese (n. 3) 86–90, citing ‘*aversum ... Taurum*’ in Manil. (1. 264 et saepius) and referring to Atlas Farnese and ‘*planæ sphaerae*’ listed by Io. Moeller, *Studia Maniliana* (Marburg 1901) 29.

astrologischen Exkurs las" would grasp the allusion: "sie hatten es von klein auf in der Schule auf den Globen gesehen" (p. 90). It is true that Taurus was often called *aversus* in Manilius and other Latin astrological texts,⁶⁶ but Trimalchio is extremely unlikely to possess that knowledge. Rams butt, bulls kick – it need not be more complicated than that.

F. A. Todd insists on metaphorical connotations of *bubulci*, citing Iuv. 7. 115 ff. *surgis tu pallidus Ajax / dicturus dubia pro libertate bubulco / iudice*; but he is hardly right that there "*bubulco* is pointless unless it denotes stupidity":⁶⁷ the reference is made to low social origin and, consequently, poor education of the judge rather than to his mental abilities. The passage does not prove that *bubulci* could be used to designate 'yokels' on the whole, though its offensive connotations of dirty labour are self-evident (cf., e. g., Sen. *Ep.* 47. 15 *quasi sordidioris operae ... ut puta illum mulionem et illum bubulcum*).

Qui se ipsi pascunt is most often taken as 'self-supporting', which could be a playful hint at the guests of the party.⁶⁸ Since, however, many of Trimalchio's forecasts are pointedly negative, indeed insulting (see p. 293 below), one may wonder if the obscene sense of *pascere* was implied.⁶⁹

[39. 7] '*in geminis autem nascuntur bigae et boves et colei et qui utrosque parietes linunt*' – *boves* presents two difficulties: (1) the word refers to animals, not to men; (2) it would seem natural to associate them with Taurus, like *bubulae frustum* in 35. 3. The usual explanation is that oxen are yoked in pairs; then both *bigae* et *boves* would be based on the same analogy. I find it suspicious,⁷⁰ but, having no better solution, I only insist that if this

⁶⁶ See Housman, *Manilii Astronomicon liber secundus* (London 1912) vii; Hübner (n. 78) 102. Scaliger considered the relevance of Taurus' rising hindforemost for poetry high enough to emend Ov. *Met.* II, 80 *adversi cornua Tauri* in *aversi...*, which was supported by A. Bouché-Leclercq, *L'astrologie grecque* (Paris 1899) 134–135 n. 3, but rightly objected to by Housman (ad Manil. 1. 264) and R. G. Getty, "Some Astronomical Cruces in the Georgics", *TAPhA* 79 (1948) 28.

⁶⁷ Todd (n. 10) 102.

⁶⁸ Sometimes it is interpreted *in malam partem*, the stress being laid not on *ipsi*, but on *se*, which I find less plausible (as if it were *se ipsos*); thus, e. g., W. D. Lowe (transl., comm.), *Petronii Cena Trimalchionis* (Cambridge 1905) 42, citing 38. 9 *non vult sibi male*. Similarity of this idiom with *Ezech.* 34:2 *Vae pastoribus Israel, qui pascebant semetipsos*, noted by Burmann (n. 15) I, 235 and Eriksson (n. 2) 57, must be a coincidence. Eriksson (*ibid.* 57; 74) denies any connection between *qui se ipsi pascunt* and Taurus: for him it is a "secondary forecast" (see n. 56 above).

⁶⁹ See Adams (n. 60) 138–141 ('eat'); 141: "There was obviously a long-standing popular association between oral sexual acts and feeding."

⁷⁰ So did Th. Sinko, "Petroniana", *Eos* 15 (1909) 12–13, who concluded that in this case either *bigae* or *boves* had to be a gloss; instead of that he suggested *biga<mi>*.

reading is correct, *boves* have to imply human beings (strongmen? dullards?), not real bulls or oxen. If Trimalchio would reckon with animals and plants, their representation among his forecasts would have to be more substantial than the three possible *arietilli*, *boves* and *cucurbitae* (cf. n. 133 below).

Bigae is usually taken metaphorically, as ‘yoke-fellows’, which is possible, as well as ‘workhorses’, but not certain.

Colei is clearly motivated by the word-play on *gemini* (see above on 35. 3 *testiculos*; cf. a similar astrological pun in *AP* 5. 105. 4 καὶ κύνα καὶ διδύμους). It can be interpreted either as ‘real men’ (‘ballsy’; cf. 44. 14 *si nos coleos haberemus* and Pers. 1. 103) or as ‘lecherous’. The latter is preferred by Adams, who cites Mart. 12. 83. 2 *omnes quem modo colei timebant* (of a *derisor hirnearum*), which would then hint at the risk of rupture owing to lechery.⁷¹

It has been also noticed that in modern Italian ‘coglioni’ designates fools;⁷² this deserves attention, but, having no parallels in ancient languages, its relevance for the passage in question seems improbable.

Qui utrosque parietes linunt, on the contrary, has good parallels in ancient Greek and Latin in the sense of ‘to be on both sides of the fence’.⁷³ Sometimes it is interpreted here in obscene sense,⁷⁴ which is possible, but far from certain.

[39. 8] *in cancro ego natus sum. ideo multis pedibus sto, et in mari et in terra multa possideo; nam cancer et hoc et illoc quadrat. et ideo iam dudum nihil supra [super Buecheler] illum posui, ne genesim meam premerem* – As has been said above (p. 267 with n. 15), the wreath is laid on the Cancer owing to Trimalchio’s self-conceit, which accords with his flattering description of this sign, somewhat egocentrically reduced to him alone. To explain it by the constellation of Corona would be misleading.

As is the case with other forecasts, the connection between Cancer and Trimalchio’s wealth is motivated by idiomatic word play (*multis pedibus*

⁷¹ Adams (n. 60) 66. Todd (n. 10) 101–102 n. 6 prefers simply ‘*hirneosi*’. H. Blümner’s emendation *consules* < *cōses* (“Kritisch-exegetische Bemerkungen zu Petrons Cena Trimalchionis”, *Philologus* 76 [1920] 337) is justly objected to by de Vreese (n. 3) 106 n. 4, as overlooking the possibility of a metaphorical interpretation.

⁷² Wagner (n. 59) 378; A. Stefenelli, *Die Volkssprache im Werk des Petron im Hinblick auf die romanischen Sprachen* (Wien – Stuttgart 1962) 63.

⁷³ *App. prov.* 2. 2 = *Apostol.* 6. 37: Δύο τοίχους ἀλείφειν ἐπὶ τῶν ἐπαμφοτερίζοντων καὶ διὰ μέσου χωρῶντων ἐν μάχαις ἢ φιλίας. *Cic. Fam.* 7. 29. 2: *duo parietes de eadem fidelia dealbare*. This idiom Eriksson (n. 2) 58 also regards as a “secondary” forecast: see n. 56 above.

⁷⁴ Wagner (n. 59) 378; de Vreese (n. 2) 109; Smith (n. 6) 90, comparing 43. 8 *omnis Minervae homo*.

stare, 'to be on one's feet')⁷⁵ and popular imagery (the Cancer's dwelling both on land and sea).

The absence of food⁷⁶ on Trimalchio's own sign is explained by the double meaning of the word *premere*: (1) 'to weigh upon, lie heavy on' (literally); (2) apparently, 'to hang over, threaten'.⁷⁷ Surely, this remark flaunts the host's command of an astrological term, *genesis*. It is not easy to decide, whether this use of *premere* implies a playful coquetry being a pretext for placing a wreath, or a true superstition. Though in other cases I am prone to interpret Trimalchio's play on words as intentional puns, this one does look very much like a superstition based on a metaphorical reconsideration of everyday life.

It is noteworthy, that Trimalchio's own wealth, which he associates with Cancer, finds a striking parallel in Manil. 4. 166 ff., where Cancer is explicitly linked with profiting merchants and money-lenders (*attribuit varios quaestus artemque lucrorum* etc.).⁷⁸ Most of the other parallels between Trimalchio's forecasts and astrological tradition, cited by de

⁷⁵ For similar expressions implying a 'sure footing' cf. Quint. 12. 9. 18: *...in iis actionibus omni, ut agricolae dicunt, pede standum est* (which is usually taken to imply investment in many branches of farming) and Ap. Rhod. 4. 1165–1166: οὐποτε ... τερπωλῆς ἐπέβημεν ὄλω ποδί. That *Suid.* ο 190 explains ὄλω ποδί as ὄλη δυνάμει and Apostol. 12. 63 (= Arsen. 39. 12) as ἐπὶ τῶν ταχέως ποιοούντων, ὁμοία τῇ Ὀλω ῥυτῇ only shows that these expressions acquired a different meaning when used with the verbs of motion and expressing the idea of energetic movement, like ἀμφοῖν τοῖν ποδοῖν (Ar. Av. 35) etc.

⁷⁶ *Nihil supra (super) illum posui* is universally taken to refer to the food. Schmeling (n. 7) 154 suggests that "the garland ... presumably runs round the edge of the compartment without touching the sign itself". Th. Studer, "Observationes criticae in Petronii Coenam Trimalchionis", in: idem, *Gymnasii Bernensis Lectiones...* (Bern 1839) 8–9 pointed out a difficulty that usually goes unnoticed: *iam dudum* can hardly refer to this particular case, but rather implies that Trimalchio has long been doing so (cf. Forcellini, s. v. *dudum*: "*iam dudum* ... significat rem inceptam ac nondum desitam"). Trimalchio probably means that he got used not to lay anything (edible) on Cancer. Studer, however, insists that *nihil supra illum posui* cannot refer to food at all; therefore he emends *coronam* to *carcinum* and interprets the words metaphorically ("*nihil umquam se maioris fecisse cancri signo*"), though admitting that *ne genesim meam premerem* alludes to literal meaning. Studer's interpretation of *ne genesim meam premerem* escapes me: it seems to contradict his own emendation; but his idea to interpret *nihil supra illum posui* metaphorically as well as literally deserves deliberation.

⁷⁷ Cf. Manil. 4. 464–465: *tu ... Nemeae ... quarta sub parte premis*. Eriksson (n. 2) 71 with addenda cites Lucan. 1. 655–656 and Sen. *NQ* 7. 4. A good parallel for that is an obsolete Russian verb *довлеть*, which properly means 'to suffice', but owing to paronymological associations with *давить на ч.-л.* ('to weigh upon smth.') came to be used in the sense of 'to hang over, threaten' (*довлеть над ч.-л.*).

⁷⁸ For some additional parallels from astrological writings see, apart from de Vreese, the indispensable study of W. Hübner, *Die Eigenschaften der Tierkreiszeichen*

Vreese, either refer not to the whole of the sign or appeal to some very common analogies, which might be used for jokes and astrological theories independently. This case is less trivial.

Manilius' motivation for linking Cancer with merchants seems to be manifold: first and foremost, Cancer's *tutela* was Mercury; of significance might also be that Cancer was an aquatic and a tropical sign, and even that days in summer are longer than nights.⁷⁹ Eriksson regards this passage as the only possible evidence of Trimalchio's astrological knowledge,⁸⁰ but stresses that the merchants' relation to Cancer would then be based on simple calendar notion, Mercury being the sign's *tutela*.⁸¹

We have little evidence for popular astrological notions of the time, and it is hard to disprove the supposition that some of them linked Cancer with merchants,⁸² whether it is due to the sign's *tutela* or to its metaphorical connotations pointed to by Trimalchio. Still, this particular resemblance between Trimalchio and Manilius, remarkable as it might seem, can be explained as pure coincidence. After all, Manilius equally links merchants with Aries (4. 124 ff.) and seafarers with Pisces (4. 273 ff.). Besides, linking Cancer with merchants is far from universal: e. g., a general horoscope for Cancer in Firm. Mat. 5. 1. 10 stresses the sign's slowness and deliberation instead of wealth.

in der Antike: Ihre Darstellung und Verwendung unter besonderer Berücksichtigung des Manilius (Wiesbaden 1982) 550.

⁷⁹ Hübner, *ibid.*

⁸⁰ Eriksson (n. 2) 73. He goes as far as to suppose that Petronius deliberately let Trimalchio reduce the forecast for Cancer to his own person, in order to avoid the forecast "*mercatores nascuntur*", as it would make similarity with Manilius too evident. I agree with A. Collignon, *Étude sur Pétrone: la critique littéraire, l'imitation et la parodie dans le Satiricon* (Paris 1892) 269–273 that in general Petronius had no need to consult with Manilius and was hardly inspired by him: some incidental similarities – Gemini, Cancer, Leo and Scorpio (by some mistake he adds Sagittarius) – can be imputed to common analogies used independently.

⁸¹ Eriksson (n. 2) 73. W. Hübner, "Manilius als Astrologe und Dichter", *ANRW* II. 32. 1 (1984) 264 n. 432, cites 39. 8 ("born under Mercury's sign") among other passages that presumably attest Trimalchio's individual worship of Mercury; but some of them are very controversial, like "fond of green, the colour of Mercury" (27. 2; 28. 8; 64. 6; cf. 70. 10, 13) or "has the biggest ring on his little finger" (the one dominated by Mercury, 32. 3). Of course, Trimalchio regarded Mercury as his patron (the picture in 29. 3, 5 is eloquent enough), but whether he treated him as his zodiacal *tutela* is uncertain. I am not convinced that Trimalchio and his illiterate guests were supposed to know Olympic patrons of each zodiacal sign.

⁸² Thus Friedlaender (n. 5) 244; idem, "Zur Cena Trimalchionis", in: *Beiträge zur alten Geschichte und gr.-röm. Alterthumskunde: Festschrift zu O. Hirschfelds 60. Geburtstag* (Berlin 1903) 9.

[39. 9] *in leone cataphagae nascuntur et imperiosi* – These allusions are self-explanatory, as is the case with Scorpio. Astrological parallels are abundant, but it is significant that Trimalchio (obviously, on purpose) casts this horoscope in a scornful manner, in order to make it uncomplimentary: a common, less biased, ‘astrologer’ would probably say “vigorous and powerful”.⁸³

[39. 10] *in virgine mulieres et fugitivi et compediti* – I have supported Eriksson's explanation of *fugitivi* as ‘*quae amatores fugiunt*’ and suggested that *compediti* is a pun on *compedes* = ‘anklets’ (Plin. *NH* 33. 152, cf. Petr. 67. 7), which hints at women's love for excessive ornaments.⁸⁴ De Vreese's idea that the Virgin is connected with *nodus anni*, repeated in most commentaries, is to be rejected.

Mulieres (if not adopting Jac. Gronovius' *mulierosi*), be it interpreted as ‘effeminate men’ or otherwise, could hardly refer to all women literally.

in libra laniones et unguentarii et quicumque aliquid expendunt (coni. Burmann, *expediunt* H. Buecheler) – Burmann's emendation seems to hit the mark and is justly accepted by most of the editors.⁸⁵ Unlike other four expressions with *qui* in Trimalchio's speech (for Taurus, Gemini, Sagittarius and Capricorn), this one does not seem to have any proverbial sense, which, as Eriksson justly observes, makes this horoscope somewhat flat in comparison to the others.⁸⁶ Note, though, a humorous contrast, also pointed out by Eriksson: butchers and perfumers are referred to in the same breath.

[39. 11] *in scorpiione venenarii et percussores* – Formidable view of Scorpio is amply paralleled in astrological writings, which is hardly surprising. That such associations were common beyond ‘professional’ astrology is clear from Hor. *Carm.* 2. 19. 17–18: *Scorpius ... formidolosus, pars violentior natalis horae*.

in sagittario strabones, qui holera spectant, lardum tollunt – The most plausible connection between Sagittarius and squint is the one defended

⁸³ It is hardly surprising that these common analogies were relevant for astrologers, but de Vreese (n. 2) 110–126, as usually, overcomplicates the matter, pointing out that Leo was the house of sun at summer solstice and that α -*Leonis* was called Βασίλεισκος or *Regulus*. It is this pedantry that is justly criticized by Eriksson.

⁸⁴ See n. *.

⁸⁵ Ov. *Ars am.* 1. 421–422 *institor ... expedit merces*, cited as early as by Burmann (n. 15) I, 237, is hardly relevant, as it provides no satisfactory analogy with *Libra*.

⁸⁶ Eriksson (n. 2) 62. This flatness can be accepted, though it might as well be tempting to suspect a gloss or to suggest idiomatic sense of *expendere* (e. g., ‘those who pay for their mistakes’).

by Eriksson: archers close one eye and aim not directly at the target.⁸⁷ Eriksson justly objects to de Vreese that this obvious feature makes irrelevant the half-faced depictions of Sagittarius, referred to by him, to say nothing of Babylonian and Egyptian double-headed ones.⁸⁸

It is to be admitted that de Vreese indicated curious parallels for Sagittarius being associated with eye troubles in astrological tradition, above all in Manilius.⁸⁹ Most scholars tend to explain these by the half-faced images of Sagittarius,⁹⁰ but Eriksson may be right that the obvious need of closing one eye while aiming at the target might have been relevant for astrologers as well as for Trimalchio.⁹¹ Be that as it may, there is no need to make Trimalchio an expert in astrology, ‘professional’ or ‘popular’. The resemblance between him and Manilius can be a matter of coincidence: astrologers and Trimalchio either had different motivations for linking Sagittarius with eye troubles, or alluded to the same obvious association independently.

What is more important, Trimalchio’s specifying remark on the ‘squint-eyed’ alludes to an idiom, which makes this horoscope look like a joke rather than a real superstition: the poor fellows turn out to be sly dogs! This ironical reinterpretation of the ‘squint-eyed’ displays obvious humour, which can hardly be unconscious:⁹² no wonder de Vreese has not found any convincing astrological parallels for that.⁹³

⁸⁷ Eriksson (n. 2) 64–65. He cites W. Waters (ed., comm.), *Petronius, Cena Trimalchionis* (Boston 1902), but in fact this explanation was already offered in Burmann’s edition (n. 15) 237.

⁸⁸ De Vreese (n. 3) 71 ff.

⁸⁹ De Vreese (n. 3) 79 ff.; cf. Hübner (n. 78) 584; 193; 478–479 with n. 84–85. Noteworthy is Manil. 2. 259–260: ...*lumina Cancro / desunt, Centauro superest et quaeritur unum* and 4. 565–567, where the face wounds of military leaders are exemplified by Hannibal. Other instances are less striking: the examples from *CCAG*, cited by de Vreese, associate eye troubles with the arrow, and the examples from Firmicus Maternus refer to particular days.

⁹⁰ Thus commentaries on Manil. 2. 260 by Scaliger ([Heidelberg ¹1579] 84, [Leiden ²1600] 133–134, [Strasbourg ³1655] 123), Th. Breiter ([Leipzig 1908] II, 54) and Housman (*M. Manilii Astronomicon liber secundus* [London 1912] 27). Scaliger^{2–3} and Breiter admit that not all sidereal depictions of Sagittarius are half-faced.

⁹¹ Eriksson (n. 2) 64 n. 2. Hübner (n. 78) 479 considers it difficult to determine whether Scaliger’s or Eriksson’s explanation is correct.

⁹² Eriksson (n. 2) 65 with n. 1, citing Lucil. 704 Marx and Varro *Men.* 176, remarks that *strabo* often has ironic metaphorical sense, ‘the one who gives greedy sidelong glances’. Does it not speak for conscious irony rather than astrological naivety?

⁹³ Firm. Mat. 8. 14. 3 and 27. 6 on theft, cited by him ([n. 3] 82), refer to particular days; examples for Sagittarius being a σῆμα δίσωμον or διφνός ([n. 3] 75–78) have nothing to do with squint or theft – they refer to the centaur’s being a horse and a human at once.

Friedlaender took *qui holera spectant, lardum tollunt* literally,⁹⁴ but in view of the other relative clauses with *qui* in Trimalchio's monologue (possibly, with the exception of *quicumque aliquid expendunt*),⁹⁵ it is most likely an idiom. It is most natural to refer it to hypocrites,⁹⁶ though often it is taken to imply thieves⁹⁷ or envious persons.⁹⁸

in capricorno aerumnosi, quibus prae mala sua cornua nascuntur – The baffling metaphor of ‘cuckolds’,⁹⁹ pace Friedlaender, has not been attested for antiquity: the lemma ad *AP* 11. 278 εἰς γραμματικὸν κέρασφορον is most probably of Byzantine origin, and the passage alluding to κέρατα ποιεῖν in Artemid. 2. 12 is considered to be an interpolation, precisely because otherwise it would be the only surviving instance.¹⁰⁰

There are no good examples for ‘horns’ in the sense of ‘corns’ or ‘lumps’;¹⁰¹ the obscure *Campanus morbus* in Hor. *Sat.* 1. 5. 62 is also hardly relevant here.¹⁰²

Obviously, the allusion is made to a proverb otherwise unattested. Similar expressions with *cornu*/κέρας as a symbol of power or courage¹⁰³ make it tempting to interpret the saying as ‘those who have the power

⁹⁴ Friedlaender (n. 5) 245 with reference to Hor. *Sat.* 2. 6. 63: *uncta satis pingui ponuntur oluscula lardo*, which is useful as to the origin of the expression, but does not prove its literal sense.

⁹⁵ Cf. p. 283 with n. 86 above.

⁹⁶ Forcellini (s. v. *strabo*) cites Iuv. 2. 3: *qui Curios simulant et Bacchanalia vivunt*.

⁹⁷ Burmann (n. 15) 237; Schmeling (n. 7) 155 cites It. *collo torto*. In any way, this would imply theft hand in hand with deceit. Eriksson objects that he has not found examples for *tollere* = ‘steal’ ([n. 2] 65, n. 2), but cf. Cat. 12. 3: *tollis lintea negligentiorum*; his own explanation is “those, who are prone to prefer sweet to useful”.

⁹⁸ Otto (n. 53) 187 (§ 919) citing Lucil. 704 Marx.

⁹⁹ Buecheler's *editio maior* (Berlin 1862) 43; Friedlaender (n. 5) 245, with a query; Smith (n. 6) 91, hesitating; etc. Firm. Mat. 8. 28. 5 *adulterio cognitae sortientur uxores*, sometimes cited ad loc., is related to a particular day.

¹⁰⁰ See G. Antonucci, “Ποιεῖν τὰ κέρατα”, *Athenaeum* 2 (1924) 277–280 (cf. idem, “Ancora Ποιεῖν τὰ κέρατα”, *Athenaeum* 3 [1925] 37–39), supported by I. Caiazza, C. M. Lucarini, “Per l'esegesi di Petr. Satyr. 39, 12”, *Materiali i discussioni* 57 (2006) 237–238.

¹⁰¹ W. D. Lowe (n. 68) 43 cites Plin. *NH* 31. 9. 45: *cornea videmus corpora piscatorum*; but ‘having horns’ is different from ‘having a horny skin’.

¹⁰² Pace Antonucci (n. 100) 279–280 supported by de Vreese (n. 3) 177–178 and others mentioned by Caiazza, Lucarini (n. 100) 238 n. 5, who justly object that it would be incongruent with *prae mala sua*.

¹⁰³ Otto (n. 53) 94 (§ 440): Hor. *Carm.* 3. 21. 18: *viresque et addis cornua pauperi*; Ov. *Am.* 3. 11. 16: *venerunt capiti cornua sera meo*; *Ars am.* 1. 239: *tum pauper cornua sumit*; Diogen. 7. 89: πρὸ τοῦτου σε ὦμην κέρατα ἔχειν· ἐπὶ τῶν ἀνδρείας ὑπόληπιν ἔχόντων.

(persistence) to combat their troubles',¹⁰⁴ but then *prae* would have adversative sense rather than causative, which lacks parallels. Another possibility would be to interpret the 'horns' in *malam partem*, as 'aggressiveness'.¹⁰⁵ Both explanations, put forward as early as by Otto,¹⁰⁶ are possible, but not certain: the actual meaning of the proverb may turn out to be something unexpected.¹⁰⁷

in aquario copones et cucurbitae – The attribution of inn-keepers to Aquarius surely hints at their habit of diluting the wine with water, which must have been commonplace.¹⁰⁸ This forecast can in no way be taken seriously, as a real astrological belief.

The reason for linking *cucurbitae* with the sign is clear (pumpkins are watery), but the meaning of the word remains uncertain. As casting horoscopes for plants would be too singular, it must designate some kind of persons.

Some prefer to explain it with reference to *cucurbita ventosa*, an instrument for bloodletting,¹⁰⁹ but there is no evidence in favour of this metonymy, be it interpreted as 'surgeons' or 'phlebotomized'.¹¹⁰

¹⁰⁴ Caiazza, Lucarini (n. 100) 237–240; cf. n. 106.

¹⁰⁵ Otto (n. 53) 93–94 (§ 439): Hor. *Ep.* 6. 12: *parata tollo cornua* etc. (cf. n. 106); Sinko (n. 70) 13: "*homines truces*"; he cites inter alia Quint. *Inst.* 9. 3. 15: *quam magis aerumna urguet, tam magis ad male faciendum viget*, and ends up with conjecturing: *prae mala sua <bibentibus / potantibus> cornua nascuntur*.

¹⁰⁶ Otto (n. 53) 94 n. *: "die das Unglück zu böartigen Menschen macht, oder: denen ihr Unglück Mut giebt."

¹⁰⁷ Other attempts to explain the proverb are implausible. Eriksson (n. 2) 65–66 adopts Scheffer's emendation *mole* (for no reasons, as *prae* with acc. is found in 46. 1), but refers it to the mythical creature of the Capricorn; for *cornua nascuntur* he offers no distinct explanation. Burmann (n. 15) 238 takes *aerumnosi* in active sense and thinks of oppressing tyrants.

¹⁰⁸ Mart. 1. 56; 9. 98; Buecheler, *CLE* 930 (= *CIL* IV. 3948); cf. Hieron. *contra Vigil.* 1 (*PL* 23, p. 355) *iste caupo Calagurritanus ... miscet aquam vino* (alluding to Is. 1:22) and T. Kleberg, *Hôtels, restaurants et cabarets dans l'antiquité romaine* (Uppsala 1957) 111–113; 143.

¹⁰⁹ Friedlaender (n. 5) 109 n. 1 defended at length by de Vreese (n. 3) 192 ff., who cites two passages, where Aquarius is mentioned as one of the three signs especially favourable for bloodletting, and concludes (p. 197) that this was "undoubtedly" the ground for *in aquario ... cucurbitae*: the sign was easily associated with a cupping glass (!). At that de Vreese does not reject *cucurbita* = 'pumpkin-head': according to him, Petronius used the possibility of making a pun by choosing this word, which anyone would easily associate with Aquarius in astrology and which also means 'pumpkin-head'. Needless to say, these astrological parallels are too feeble, and *cucurbitae* could not be meant to imply bloodletting and 'pumpkin-heads' at the same time.

¹¹⁰ Bloodletting from the head was also associated with dementia; cf. Iuv. 14. 58: *Iam pridem caput hoc ventosa cucurbita quaerat*; Petr. 90: *sanguinem tibi a capite*

The most popular explanation is 'stupid fellows, pumpkin-heads', which can be paralleled by Apul. *Met.* 1. 15 *cucurbitae caput*¹¹¹ and the title of Seneca's Ἀποκολοκύντωσις, though the interpretation of the latter as 'turning into a fool (instead of a god)' is not universally accepted.¹¹² The problem is that *cucurbitae caput* in Apuleius, the only reliable evidence for this connotation of pumpkins in antiquity, contains the mention of a head; that the same idea could be expressed by *cucurbita* or κολοκύντη alone remains unproved, though in view of similar slang expressions in modern languages (cf. It. *zuccone*, Fr. *cornichon*) I find it probable.¹¹³

in piscibus obsonatores et rhetores – *Obsonatores*, an obvious play on ὄψον (ὀψωνέω), finds a close parallel in *AP* 11. 318 (Philodemus), where the child of Pisces happens to be an ὀσοφάγος (see p. 291 below). Smith¹¹⁴ is right that *obsonatores* implies caterers,¹¹⁵ who purchased not specifically fish, and Trimalchio therefore refers to the cognate Greek word. Due to popularity of fish-delicacies, ὄψον and ὀψώνιον, properly 'cooked on fire', came to be applied first and foremost to

mittam; Cels. 3. 18 cited by de Vreese (n. 3) 193–194. The meaning of *colocyntha* (*Colocyntha*?) in the Oxford fragment of Juvenal (line 6) remains uncertain.

¹¹¹ Todd (n. 10) 102, citing Apul. *Met.* 5. 9: *maritum ... cucurbita calviorem*, offers a bizarre interpretation for *cucurbita* here and in Apul. *Met.* 1. 15 as 'a bald person'. The janitor's remark '*cucurbitae caput non habemus, ut pro te moriamur*' in *Met.* 1. 15 implies, in his opinion, that the robbers, ready to break in from outside in the dark of the night, would not attack on his gleaming bald pate instead of Aristomenes!

¹¹² On the problem of the title and different interpretations see the indispensable review by M. Coffey, "Seneca, *Apocolocyntosis* 1922–1958", *Lustrum* 6 (1961) 245–254. For later bibliography see K. Bringmann, "Senecas 'Apocolocyntosis': Ein Forschungsübersicht 1959–1982", *ANRW* II. 32. 2 (1985) 889–992; R. Roncali, "Seneca, *Apocolocyntosis*: 1980–2000", *Lustrum* 50 (2008) 319–322.

¹¹³ So does W. Goldberger, "Kraftausdrücke im Vulgärlatein", *Glotta* 18 (1930) 27, but he takes it for granted that *cucurbitae* in Petronius refers to simpletons. Todd (n. 10) 102 objected that 'blockheads' were already mentioned under Taurus, but his interpretation of *bubulci* is not convincing (see p. 279 with n. 67 above).

¹¹⁴ Smith (n. 6) 91; for historical background of *obsonatores* see, e. g., C. G. Harcum, *Roman Cooks* (Baltimore 1914) 72–73.

¹¹⁵ Pace Schmeling (n. 7) 155, who translates "those who prepare and enjoy fish (or food in general) ... as well as those who buy them." Equally misleading is Schmeling's reference to Festus p. 221 L., on which he concludes "*obsonatores* (or similar) also means *convivae*" – the text of Festus reads: *obsonitavere: saepe opsonavere. significat autem convivari*. Both these inaccuracies go back to de Vreese (n. 3) 206–207, who cites Festus along with Ter. *Ad.* 117 and (incorrectly) Plaut. *Aul.* 295 to show that the cognate verb could imply 'feasting'; on these grounds he implausibly suggests that *obsonator* could have the sense of '*conviva*', wrongly referring to Plaut. *Mil.* 667.

fish (or seafood), and ὀψοφάγοι to frequent customers of the fish market.¹¹⁶ Latin *obsonium*, though it also often refers to fish, seems to preserve a wider sense.¹¹⁷ It is to stress that play on words is not typical for superstitions, and the close parallel with the scoptic epigram of Philodemus clearly suggests a joke.

The connection between Pisces and *rhetores* has puzzled scholars since Burmann.¹¹⁸ De Vreese put forward double explanation, drawing attention to the first surviving chapters of Petronius, where (1) rhetoric is compared to cookery; and (2) rhetoric teachers to fishermen (3. 3–4),¹¹⁹ which was supported by many scholars. However, these two metaphors could hardly be implied at the same time. The likening of rhetoric (or literature on the whole) to cookery – hardly proverbial or even widespread outside literary circles – would have nothing in common with Pisces (cf. n. 56 above on the improbability of “secondary forecasts”).

The image of rhetoric teachers ‘fishing for’ pupils, developed by Agamemnon in 3. 4, would have some connection with Pisces, but it is also unlikely to be proverbial or relevant for Trimalchio’s milieu.¹²⁰ The play on words *rete* and *rhetores* suggested by Alessio¹²¹ would be too complicated, both phonetically and semantically.

M. Korenjak convincingly explained the passage as poking fun at *rhetores*, just as is the case with *copones*. He has shown that jokes on orators or rhetoricians unable to speak (“either at the decisive moment or even in general”) were a *topos*, and, moreover, sometimes it was the fish’s muteness that was mentioned with reference to them.¹²² In support of this

¹¹⁶ Plut. *Quaest. conv.* 4. 4. 667 f–668 a, Athen. 7. 276 e–f, cf. Pollux 7. 26. See Aug. Hug, “ὄψον”, *RE* 18 (1939) 759–760; cf. J. Marquardt, *Das Privatleben der Römer* (Leipzig 1886) II, 432 with n. 11 and modern Greek ψάρι (‘fish’, < ὀψάριον).

¹¹⁷ Aug. Hug, “obsonium”, *RE* 17 (1937) 1746–1747. Marquardt (*ibid.*) puts *obsonium* in one line with ὄψον and ὀψώνιον, but cites for the Latin word only Nep. *Them.* 10. 3: *Myunta, ex qua obsonium haberet* (cf. Diod. 11. 57. 7: Μυοῦντα δὲ εἰς ὄψον, ἔχουσιν θάλατταν εὐιχθύν). However, with regard to *obsonium* Marquardt’s remark “später ausschliesslich von Fischen zu verstehen ist” as well as Forcellini’s “et praesertim pisces” is an exaggeration: e. g., in Petr. 36. 6 and 47. 13 the word refers to meat.

¹¹⁸ Burmann (n. 15) I, 239: “Causam non video ... Forte corrupta vox ... Haereo.”

¹¹⁹ De Vreese (n. 3) 207 ff.

¹²⁰ Korenjak (n. 4) 135–136 justly points out the singularity of the metaphor. Cf. Keyer (n. *) 130 n. 31. None the less, it was approved by Eriksson (n. 2) 68–69 and many others.

¹²¹ Alessio (n. 21) 200. Cf. n. 57 above.

¹²² Korenjak (n. 4) 136–137 referring to a sophist’s inauspicious dream of a big fish in Artemid. 2. 14 and *Akathistos hymn.* 17. 1: ῥήτορας πολυφθόγγους ὡς ἰχθύας ἀφώνους ὀρώμεν ἐπὶ σοί, Θεοτόκε. An occasional joke on the fish’s muteness, which

some eloquent examples of the proverb ἀφώνότερος ἰχθύων are to be added:¹²³

Sext. Emp. *Adv. Math.* 2. 18: ἀλλὰ μὴν ὡς ὁ σύμπαξ οἶδε βίος, οἱ σοφιστεύοντες ἐπ' ἄκρον μὲν τὴν ῥητορικὴν ἐξήσκησαν τεχνολογίαν, ἰχθύων δὲ ἀφώνότεροι ἐπὶ τῆς γῆς ὑπαίθρου θεωροῦνται.

Luc. *Iupp. Trag.* 14: ...ἀφώνότεροι γεγέννηταί σοι τῶν σοφιστῶν. (cf. *ibid.* 35, of philosophers in a public debate: ...τά γε ἄλλα ἰχθύον σε ἀποφανεῖ ἐπιστομίζων).

Thus, the attribution of orators to Pisces is a proverbial joke that aims at rhetors. Though a few isolated passages from technical astrological literature do associate Pisces with eloquence or garrulity¹²⁴ (according to Hübner, κατ' ἀντιπάθειαν¹²⁵), this idea is far from being an astrological *topos*. Besides, the similarity with these isolated astrological passages is easily explained as a coincidence: these horoscopes and jokes on 'garrulous' Pisces are based on the same 'antipathic' idea. The jokes cited above and Trimalchio's unquestionable affection for puns leave no doubt that his remark was intended to be satirical and has nothing to do with professional or popular astrology.

5. Naive superstitions or intentional jokes?

Now back to the title question of the article. If we leave aside obscure forecasts with unreliable interpretation, is the rest to be qualified (a) as 'professional' astrology, (b) as popular astrology or even Trimalchio's own astrological beliefs, imparted by him in earnest, but designed as a travesty of astrology by Petronius, or (c) as intentional humour of Trimalchio?

accompanies the allegorical likening of different schools of philosophers to different fishes in Luc. *Pisc.* 51, does not, in my opinion, suggest the same idea.

¹²³ For the proverb see M. Spyridonidou-Skarsouli (ed.), *Der erste Teil der fünften Athos-Sammlung griechischer Sprichwörter* (Berlin – New York 1995) 318–319.

¹²⁴ The parallels are convincingly dismissed by Korenjak (n. 4) 134: those on eloquence (Firm. Mat. 8. 30. 7; Vett. Val. 1. 3. 57) refer to particular days; the others, confined to Manil. 4. 574 ff.: *garrulitas odiosa datur...* (on the first part of Pisces), Hippol. *Ref. haer.* 4. 26. 2 λάλοι, Hephaest. 3. 9. 15: γυναῖκα μάχμιον καὶ φλύαρον; 16. 5 κακὸν καὶ λοῖδορον (scil. οἰκέτην), have contrary examples that describe children of Pisces as mute or stammering.

¹²⁵ Hübner (n. 78) 613–614, objecting to W. Gundel, "Pisces", *RE* 20 (1950) 1781, who explains Manil. 4. 574 ff. (see n. 124) as referring to the mouth of the northern fish. In support of the antipathic idea Hübner advances melothetic distribution of legs to Fishes and cites *CCAG* V. 1. 187–188: τὸ γὰρ ἐνάντιον διάλυσιν φέρει. τὰ δὲ ἄφωνα ἐχεμυθιαῖς ... σαλπικταῖς ἢ αὐληταῖς κατὰ ἀντιπάθειαν τὰ ἄφωνα. Cf. idem (n. 81) 172 with n. 164.

De Vreese accumulated a great amount of quotations from astrological writings to prove that Trimalchio's forecasts were based on real astrological beliefs and went as far as to suppose that Petronius used his monologue to show off his own expertise in astrology.¹²⁶ A semiliterate phrase-monger was reinterpreted as an ardent astrologer, who scrutinizes astrological treatises to impress his guests (and Petronius' readers). This idea of Trimalchio's personality is obviously false, but de Vreese's own erudition in astrology was impressive enough for nearly all commentators of Petronius to adopt many of his interpretations.

The arguments of de Vreese are to a great extent far-fetched. Eriksson justly stresses that most of the parallels cited by him characterize not zodiacal signs, but particular degrees of ecliptic, which amount to thirty in each sign.¹²⁷ Those forecasts, which have good parallels in astrological sources (e. g., Aries and wool, Lion and authoritarian style, Scorpion and poison or murder, Virgo and effeminacy, Taurus and herdsmen, Libra and weighing of goods), are based on common associations and do not necessarily require expertise in astrology.

Eriksson, justly criticizing de Vreese,¹²⁸ treated Trimalchio's forecasts as popular ('Laienastrologie') or, rather, individual superstitions. According to him, ch. 39 is a way to satirize astrological methods, which on the whole are almost as arbitrary and ridiculous as Trimalchio's.¹²⁹

¹²⁶ De Vreese (n. 3) 8; cf. Housman's remark in n. 128 below.

¹²⁷ Eriksson (n. 2) 80; cf. n. 4 above. Apart from this, in his desire to link Trimalchio's forecasts to astrological tradition at any rate, de Vreese is uncritical and overzealous. Thus, admitting that the attribution of inn-keepers to Aquarius implies a playful hint at their cheating in watering the wine, he adds that Aquarius was identified with Ganymedes ([n. 3] 243) – that is, in Trimalchio's mythography (59.4), the brother of Diomedes and Helena. A word play *Gemini – colei* is interpreted as hinting at *μελοθεσία*, even though testicles were under protection of Scorpio and not of Gemini ([n. 3] 237). The thick head of Aries, in his opinion, can also be explained only in the context of astrology: Aries was responsible for the head and was associated with its diseases ([n. 3] 222–223); cf. n. 50 above.

¹²⁸ Except for Eriksson, de Vreese faced critique only incidentally. Thus, Housman (*M. Manilii Astronomicon liber quintus* [London 1930] 112, n. *) pungently remarked that his book was "designed to prove that Trimalchio was an expert and Petronius a fool"; cf. Keyer (n. *) 121 n. 1. G. Bagnani, *Arbiter of Elegance* (Toronto 1954) 58 n. 52 supported Housman's words as "truthful", but was more generous to de Vreese who, in his opinion, "has greatly elucidated these passages, but has made the fundamental mistake of taking them seriously" (*ibid.* 12 n. 35; likewise Todd [n. 10] 101 n. 4). N. Horsfall, "'The Uses of Literacy' and the *Cena Trimalchionis*: II", *G&R* 36 (1989) 201; 208 n. 57 dismisses de Vreese as "idle fantasy" and regrets that commentaries ignore Eriksson.

¹²⁹ Eriksson (n. 2) 75.

Yet there are strong reasons for making one step further: Trimalchio's forecasts are to be interpreted not as comic superstitions, but as his own intentional jokes.

First of all, some of the forecasts are obvious puns, and Trimalchio – the person whose puns and practical jokes abound in the *Cena* – can hardly be supposed to make them unconsciously (for Petronius to poke fun at astrology). It is much more logical to assume that these 'astrological' jokes, like many others, were prepared by Trimalchio in advance, in order to amuse his guests.

A strikingly similar example of jocular imitation of astrology (referred to as early as by Burmann) is the epigram of Philodemus (*AP* 11. 318):

Ἀντικράτης ἦδει τὰ σφαιρικά μᾶλλον Ἀράτου
πολλῶ, τὴν ἰδίην δ' οὐκ ἐνόει γένεσιν·
διστάζειν γὰρ ἔφη, πότερ' ἐν κριῶ γεγένηται
ἢ διδύμοις ἢ τοῖς ἰχθύσιν ἀμφοτέροις.
εὕρηται δὲ σαφῶς ἐν τοῖς τρισί· καὶ γὰρ ὀχευτῆς
καὶ μωρός, μαλακός τ' (v. l. μαλακῶς) ἐστὶ καὶ ὀψοφάγος.¹³⁰

Its similarity with Trimalchio's horoscopes (puns on διδυμοι and ὄψον, description of Aries) leaves no doubt that the latter are also his intentional jokes.

In addition to this parallel, at least three passages can in no way be interpreted otherwise than as intentional puns, namely: *in Aquario copones* (39. 12); *in piscibus ... rhetores* (39. 12) and *in Virgine ... compediti* (39. 10). Nobody on earth could actually believe that inn-keepers are born under Aquarius, since they dilute wine. Nor would Trimalchio compare rhetoricians to mute fish for astrological reasons. Liking of female anklets to fetters has also nothing to do with astrology.¹³¹

¹³⁰ Most probably, ὀχευτῆς refers to Gemini (hinting at διδυμοι = 'testicles'), μωρός to Aries and μαλακός ὀψοφάγος ('effete gourmet') to Pisces. Admittedly, ὀχευτῆς could also refer to Aries, and, if διδυμοι, like *coglioni*, were used to designate fools (see n. 70 above), μωρός could vice versa refer to Gemini – but this seems unlikely. If μαλακός is a fourth category, it could be linked with Gemini in the sense of 'pathic' and with Aries in the sense of 'mollycoddle'. Burmann's attempt (n. 15) I, 234 to explain the obscure *arietilli*, *boves* and *colei* on the ground of Philodemus (as, respectively, 'venerei', 'stulti' and 'molles') is far-fetched, as is D. Sider's interpretation of μωρός and ὄψον in obscene sense (*The Epigrams of Philodemus* [NY – Oxford 1997] 172–175).

¹³¹ Two of the three interpretations that most clearly suggest deliberate puns (for *in Virgine ... compediti* and *in Piscibus ... rhetores*) have been overlooked by scholars and, obscure passages left aside, their attention was drawn to those forecasts that could be regarded as 'astrologically correct'.

Further, it would be unusual for a superstition, even an individual one, to be based on word play, as is the case with *Gemini – colei* (39. 7), *Pisces – obsonatores* (39. 12) or in the use of proverbs, like *qui utrosque parietes linunt* (39. 7) and (whatever be its meaning) *quibus prae mala sua cornua nascuntur* (39. 12). In view of Trimalchio's affection for puns, it is easier to explain these passages as deliberate jokes than as actual beliefs.

Finally, two passages that cannot be fully interpreted with certainty still bear distinct marks of intentional humour. Comparing rhetoricians to butting rams (39. 5) – praised as *urbanitas*¹³² – is a satirical attack rather than a superstition. Neither could it be said in earnest that some allegedly squint-eyed sly dogs, born under Sagittarius, 'aim at vegetables, but snap at pork' (39. 11).

It is to be admitted that some forecasts – based upon very common associations – may seem to be popular (or, partly, idiosyncratic) beliefs imparted in earnest, the more so as they are mostly paralleled in astrological writings: *multum pecora, multum lanae* for Aries (39. 5), *calcitrosi* and *bubulci* for Taurus (39. 6), large fortune for Cancer (cf. Manil. 4. 166 ff. and p. 281–282 above) and reluctance to 'burden his horoscope' (39. 8), *in leone ... cataphagae et imperiosi* (39. 9), *in libra laniones et unguentarii et quicumque aliquid expendunt* (39. 10), *in scorpiione venenarii et percussores* (39. 11).¹³³

However, it would be impossible to reconcile these seemingly sincere astrological beliefs with undeniably intentional and intricate puns listed above.¹³⁴ Had Trimalchio propagated that astrological lore in earnest, it could not have escaped him, a true punster, that in some cases he was making puns. Foolish astrological occultism is incompatible with jokes similar to Philodemus' scoptic epigram on astrology. This inconsistency of Trimalchio's character would contradict the psychological realism of the *Cena*.

I therefore insist that all these 'astrologically correct' forecasts were not meant seriously by Trimalchio, but display intentional humour. What

¹³² See p. 278 with n. 63 above.

¹³³ Literal interpretation of *arietilli* (39. 5), *boves* (39. 7), *mulieres* (39. 10) and *cucurbitae* (39. 12) as, respectively, 'real sheep, oxen, (all) women and pumpkins' is to be rejected. However stupid Trimalchio might be, it would be psychologically unconvincing to make him cast horoscopes for species of cattle and even vegetables on the one hand, and make intricate puns on ὄψον and wine-keepers on the other. Most likely, we are dealing with an otherwise unattested word-usage for some kinds of people. Therefore I leave aside *arietilli* (39. 5), *bigae et boves* (39. 7), *cucurbitae* (39. 12) as obscure and *qui se ipsi pascunt* (39. 6) and *mulieres* (39. 10) as unreliable.

¹³⁴ Eriksson sometimes speaks of Trimalchio's "Scherz" (e. g., [n. 2] 68: "zwischen *scholastici* und *arietilli* eine scherzhafte Anknüpfung"; 70: "scherzhafte Causerie"; 71: "auf eine willkürliche und scherzhafte Weise"), but does not question whether it was intentional or unconscious, and sees no problem here.

makes these jokes look like real astrological beliefs is that they are based on hackneyed associations, which were exploited by astrologers as well as by Trimalchio – that is why de Vreese succeeded in finding many parallels to ch. 39 in astrological writings.

These common associations are usually imputed to Trimalchio's stupidity and superstitious nature. Since, however, they are intermingled with intricate puns, we should not overlook their possible humorous intent. Thus, the children of Aries, having (in accordance with astrology) much cattle and wool, are suddenly reinterpreted as rhetoricians compared to rams: both satirical attack and *παρὰ προσδοκίαν* suggest a joke. *Laniones* and *unguentarii*, naturally linked with Libra, are playfully contrasted.

Other 'astrologically correct' forecasts share the humorous tendency that has been surprisingly overlooked by scholars. Trimalchio glorifies his own sign ('*ne genesim meam premerem*', be it interpreted as genuine or assumed fear, gives a pretext for crowning it with a wreath), whereas almost all forecasts for other signs are scornful or offensive. Thus *calcitrosi*, *bubulci*, *cataphagae et imperiosi*, *venenarii et percussores* – at first sight displaying naive astrological beliefs – are deliberately used by Trimalchio to disparage all zodiacal signs in contrast with Cancer. This panorama is supplemented with equally unflattering *colei*, *qui utrosque parietes linunt*, *fugitivi et com-pediti*, *strabones* and *aerumnosi* (jokingly specified as, respectively, *qui holeræ spectant*, *lardum tollunt* and *quibus prae mala sua cornua nascuntur*).

The only scholar who seems to notice this disparaging tendency is Eriksson, who believes that in this way Petronius is satirizing Trimalchio's social milieu.¹³⁵ Still, this depreciating manner of forecasts could hardly be unconscious; more probably, it was a humorous intention of Trimalchio, his *urbanitas*: everyone involved is given a whipping, while he himself is pointedly flattered.

Along with disparaging of singular zodiacal signs, Trimalchio makes satirical attacks on groups of people: inn-keepers are blamed for their notorious 'water-bearing', rhetoricians for being 'mute as fish', and women for putting 'chains' on themselves.

Thus, both zodiacal dish and astrological speech contribute to the 'stage-managing' of the feast; neither of them is meant to display Trimalchio's naivety or liability to superstitions. The zodiacal tray turns out to be a model of the universe *en miniature*; the speech on astrology is an elaborate performance designed to amuse the guests with a set of intricate puns, similar to the handing out of the *apophoreta* in ch. 56.¹³⁶

¹³⁵ Eriksson (n. 2) 72.

¹³⁶ Cf. n. 10 above.

Of course, Trimalchio does show himself a complete ignoramus in astronomy – as well as in history and mythology; but it would be wrong to watch his ‘forecasts’ for some blatant absurdities or to disclose him as an adherent of some especially ridiculous beliefs. Petronius is mocking at his funny solecisms and blunders in astronomy, but it is Trimalchio himself who is making jokes about Zodiac.¹³⁷

It would be wrong to infer that Trimalchio is satirizing astrology – rather he is using it as material for jokes and exquisite culinary design. Whether he in fact believed in astrology or not,¹³⁸ his zodiacal forecasts are to be understood as intentional humour and cannot be used as a source for popular astrological superstitions of the time.

Denis Keyer

St. Petersburg Institute for History, RAS

Bibliotheca classica Petropolitana

keyer@mail.ru

Trimalchio’s zodiacal forecasts in ch. 39 do not indicate his liability to astrological superstitions, being a set of intentional jokes similar to the handing out of the *apophoreta* in ch. 56. Likewise, the foodstuffs assigned to zodiacal signs in ch. 35 aim at exquisite culinary design and are not to be imputed to simple-minded occultism.

Характеристика знаков зодиака Трималхионом в гл. 39 состоит из тщательно подобранных острот и каламбуров, сравнимых с раздачей подарков в гл. 56, и не говорит о его приверженности астрологическим суевериям. За распределением закусок по знакам зодиака в гл. 35 также стоит не простодушный астрологический оккультизм, а стремление к изысканности кулинарного дизайна.

¹³⁷ In a way, the narrator’s total irony is aimed at Trimalchio’s jokes, too, but rather at their excessiveness and ‘stage-managing’ than quality.

¹³⁸ The account of the omniscient *mathematicus* in 76. 10 – 77. 2 suggests that he did, but on the whole his superstitions often (as in 28. 3; 30. 5; 74) seem to be a part of the show. For de Vreese (n. 3) 16 the tablet calendar in 30. 4 indicates Trimalchio’s interest in astronomy, for Eriksson (n. 2) 41–42 – his liability to astrological superstitions. Still, this sophisticated device might just follow the fashion and tickle the host’s vanity, like all the interior of the atrium; it proves his love for astronomy no more than depictions from *Iliad* and *Odyssey* his love for Homer.

ЭСКАДРА ТРАЯНА НА КРАСНОМ МОРЕ: ЕВТРОПИЙ, ДИОН КАССИЙ И ПЕРИПЛ ЭРИТРЕЙСКОГО МОРЯ

Памяти Кеннета Уэлсли*
15.VI.1911 – 26.IX.1995

Наш основной автор на сей раз не Тацит, а Евтропий (Eutrop. *Brev.* VIII, 3, 2): In mari rubro classem (sc. Traianus) instruit, ut per eam Indiae fines vastaret.

Итак, снова Красное море у римлян, и снова – какое?

В моих предыдущих публикациях на эту тему¹ сообщению Евтропия отводилось второстепенное место; теперь благодаря фара-санской надписи *AE* 2004, no. 1643 (pp. 599–600)² он выходит на первый план.

* Kenneth Wellesley был совершенно исключительным тацитоведом как по знанию рукописной традиции (он первым собрал микрофильмы всех *recentiores* и активно их использовал), так и по темпераменту. Я написал ему в самом начале моих тацитовских штудий, он тотчас откликнулся и деятельно поддерживал меня в течение всей своей жизни.

[Некролог К. Уэлсли опубликован в газете *The Scotsman* от 7 октября 1995 г., автор Т. J. C(adoux). Автор и редакция выражают признательность Гордону Хови, коллеге К. Уэлсли, за предоставленные сведения о нем и текст некролога.]

Приношу искреннюю благодарность за помощь в добывании необходимых мне статей и книг Борису Маслову (Чикаго), М. М. Поздневу (СПбГУ, филос. ф-т), Александру Николаеву (Беркли), В. П. Никонорову (СПб., ИИМК РАН), С. А. Французову (СПб., ИВР РАН) и М. Д. Бухарину (Москва, ИВИ РАН).

¹ А. Б. Черняк. Prolegomena к “Анналам” Тацита, книги I–VI. XII. *Mare rubrum* (Тас. *Agr.* 12, 6; *Ann.* 2, 61, 2; 14, 25, 2) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 5 (2001) 156–164, особенно 160–161, прим. 30 и А. Б. Черняк. Prolegomena к “Анналам” Тацита, книги I–VI. XIIa. Путешествие Германика по Египту (Тас. *Ann.* 2, 60–61) // *Индоевропейское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию проф. А. Л. Грюнберга (1930–1995)*. Отв. ред. М. Н. Боголюбов (СПб. 2006) 369–375, особ. 372.

² О ней см.: М. Д. Бухарин. Новая латинская надпись из Южной Аравии // *ВДИ* 2010, № 2, 114–137, а также ниже раздел II и мою статью “Римляне на Красном море: Тас. *Ann.* 2, 61, 2 в свете новых данных”, *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 16 (2012) 862–869.

I. Тексты и их интерпретация

Несколько слов о самом тексте и его авторе. Он жил в IV в., был *magister memoriae* (т. е. начальником дворцовой канцелярии) при Валенте (364–378), по просьбе которого около 370 г. написал свой *Breviarium ab urbe condita* в десяти книгах; он участвовал в персидском походе Юлиана (X, 16, 1); похоже, именно ему адресованы несколько писем Симмаха. Его труд оказался очень удачным: уже в 380 г. *Бревиарий* был переведен на греческий, а в средние века продолжен сначала до 553 г., а затем до 820 г.³

Первая часть сообщения Евтропия была повторена его современником Руфом Фестом⁴ (*Fest. Brev.* 20, 3: *In mari rubro classem instituit*). Этот текст тоже сыграл важную роль в истории нашего вопроса, в отличие от явно вторичных сообщений бл. Иеронима († 419/420) и готского историка Иордана (VI в.)⁵, и поэтому удобнее рассматривать оба пассажа параллельно и в широком контексте.

Eutr. VIII, 3, 2: <...> *Usque ad Indiae fines et mare Rubrum accessit atque ibi tres provincias fecit, Armeniam, Assyriam, Mesopotamiam, cum gentibus quae Madenam⁶ attingunt. Arabiam postea in provinciae formam redegit. In mari Rubro classem instruit, ut per eam Indiae fines vastaret* (p. 103 Hellegouarc'h).

³ См. о нем: M. Fuhrmann. *Eutropius 1 // Der kleine Pauly* II, 469 и подробнее Eutrope. *Abrégé d'histoire Romaine*. Texte ét. et tr. par J. Hellegouarc'h (Paris 1999). Introduction. P. VII–IX, LV–LVIII (это издание не учтено в издании: Евтропий. *Бревиарий от основания Рима*. Пер. Д. В. Кареева и Л. А. Самуткиной [СПб. 2001]).

⁴ О нем известно гораздо меньше, так как идентифицировать нашего автора с одним из по крайней мере трех претендентов невозможно, см.: Festus. *Abrégé des hauts faits du peuple Romain*. Texte ét. et tr. par M.-P. Arnaud-Lindet (Paris 1994). Introduction. P. V–XIV. Во всяком случае это некий пожилой приближенный Валента, решивший принять участие в своего рода конкурсе на составление бревиария римской истории. Обычно считается, что он просто сократил труд Евтропия, оказавшийся для императора слишком сложным (38 стр. против 144 в соответствующих французских изданиях или 30 глав против десяти книг), но издательница настаивает на его полной самостоятельности, p. XXIII. Этот *Breviarium de breviario*, как его называют в некоторых рукописях (*ibid.* XV), тоже был очень популярен: он фокусировался на внешней истории, регистрируя завоевания новых территорий, образование провинций и, как в случае с Дакией, их эвакуацию.

⁵ Hier. *Euseb. chron.* (220 Olymp. = ann. 103): *Seleuciam, Ctesiphontem, Babylonem occupavit et tenuit. In mari rubro classem instituit, ut per eam Indiae fines vastaret* (p. 194 Helm); Iord. *Rom.* 268.

⁶ Область на северо-востоке Армении между реками Кир (совр. Кура) и Аракс, согласно Lewis–Short. *Latin dictionary* 1094 s. v., но, возможно, это и Atropatene (= Азербайджан), ср. Fest. 15, 3: *Madenam, opimam Armeniae regionem, obtinuit* (sc. Lucullus – не упоминается в этом месте у Евтропия, ср. Eutr. VI, 9);

Fest. 20, 3: Usque ad Indiae fines post Alexandrum accessit. In mari Rubro classem instituit. Provincias fecit Armeniam, Mesopotamiam, Assyriam, quae inter Tigridem atque Euphraten sita inriguis amnibus instar Aegypti fecundatur (p. 28 Arnaud-Lindet).

Интерпретация *mare Rubrum* в обоих пассажах в определенной степени обусловлена контекстом. У Евтропия связывать появление эскадры с войной с Парфией мешает Аравия, перемещающая внимание читателя на другой регион.⁷ Но в предыдущей фразе *usque ad Indiae fines et mare Rubrum accessit* явно виден Персидский залив, и повторяющееся *Indiae fines* (Евтропий не позаботился здесь о варьировании)⁸ возвращает и второе *mare Rubrum* с его эскадрой к Парфянской войне. Фест, естественно, сокращает (в частности, опускает Аравию)⁹ и добавляет Александра Великого¹⁰ (из не дошедшей

18, 2: M. Antonius Mediam ingressus, quae nunc Madena appellatur, bellum Parthis intulit; 28, 3 (отступление Юлиана по левому берегу Тигра). См. также: Евтропий. *Бревиарий* (прим. 3) 116 прим. 22.

⁷ Наречие *postea* понимают здесь как временное: “позже”, “ensuite”, отмечая в примечании нарушение хронологической последовательности (Аравия стала провинцией в 105–106 гг., т. е. за десять лет до персидской кампании Траяна). Но *postea* может выступать и в модальном значении как простое перечисление (почти как союз): “затем, далее”, предворяя менее важное событие, см. OLD 1412 s. v. *postea* 4: “Next (in order of value or degree), after that” с примерами.

⁸ О варьировании и его отсутствии у коллеги Евтропия см.: Festus. *Abrégé* (прим. 4) XXI, n. 56.

⁹ Есть мнение, что Аравия отсутствует, так как учреждение этой провинции приписывается не Траяну, а Септимию Северу (193–211): “Erreur de date chez Eutr., omission chez F. (cf. 21, 2)” (*ibid.* 62). Fest. 21, 2: Severus... Arabas interiores obtinuit et Arabas provinciam fecit (имеется в виду кампания 195 г., *ibid.* 46 n. 163). Но этот пассаж Феста обычно относят ко второй войне с Парфией и к месопотамским арабам, ср. Aur. Vict. *De Caesaribus* 20, 15: Neque minus, simul adortus ut est, in dicionem redegit provinciae modo, ср. Eutr. VIII, 18, 4: Parthos vicit (sc. Sept. Severus) et Arabas interiores et Adiabenos. Arabas eo usque superavit, ut etiam provinciam ibi faceret etc., см.: G. W. Bowersock. *Roman Arabia* (Cambridge, Mass. 1983) 115 n. 25. По-видимому, под “внутренними арабами” надо понимать месопотамских арабов, ср.: Евтропий. *Бревиарий* (см. прим. 3) 243, прим. 93.

¹⁰ Имя Александра упоминает в этой связи Дион Кассий (LXVIII, 29, 1): “[Траян] завидовал Александру, однако говорил, что он сам прошел вперед дальше его и сообщил это сенату, хотя не смог сохранить то, что завоевал” (p. 146 Dindorf); ср. еще 30, 1 (p. 146 Dindorf – посещение дома Александра в Вавилоне). Дион Кассий довольно критически относится к Траяну (видимо, под влиянием Арриана, см.: E. Cizek. *Epoca lui Traian* [București 1980], таблица источников на стр. 48 – но критицизм самого Арриана сильно преувеличен, о чем см. ниже): он осуждает бессмысленную восточную кампанию, см. цитированные пассажи и там же, 17, 1 (p. 137 Dind. – вторжение в Армению из-за желания славы, δόξης ἐπιθυμία). Но Моммзен оценивал действия Траяна иначе (см. ниже, раздел V).

до нас биографии Траяна?),¹¹ что в свою очередь напоминает о флоте Нейарха и опять-таки о Персидском заливе.

В данных обстоятельствах тех, кто все же не верил в римскую эскадру в устье Тигра, могло быть, разумеется, очень немного. Поэтому их аргументы, если таковые имеются, заслуживают внимания:

1. Д. Мюллер (1895).¹²

2. П. Лонгден (1931/1936) и Э. Корнеманн (1942) – косвенно, т. е. не цитируя Евтропия.¹³

3. Ф. Леппер (1948) – с упоминанием Евтропия.¹⁴

4. Э. Лаубе (1955).¹⁵ Автор малодоступной берлинской диссертации первым использовал пассаж Евтропия в дискуссии о времени написания тацитовских “Анналов”.

5. П. Сийпестейн (1963).¹⁶ Он ставит на первый план торговлю с Индией (караванные пути были блокированы парфянами); отремонтированный Траяном старый канал, соединяющий восточный рукав

О не дошедших до нас *Parthica* Арриана см.: Ph. A. Stadter. *Arrian of Nicomedia* (Chapel Hill 1980) 135–145, 234–235. Парфянской кампании Траяна были посвящены книги VIII–XVII; автор сам принимал в ней участие; о причинах войны см. с. 139 (в отличие от Александра Траян не искал войны); о культе Александра см. с. 139 и 234 прим. 30; о зависимости Диона Кассия от Арриана см. с. 140–141 (в последнем все же сказался ученик Эпиктета).

¹¹ Ср. Festus. *Abrégé* (прим. 4) 62. Общим источником наших аббревиаторов был, вероятно, сенатор Marius Maximus (ок. 155 – после 223), от труда которого (*De vita imperatorum*, 12 биографий от Нервы до Геты) сохранились только фрагменты – цитаты в *SHA*, см.: H. Peter (ed.). *Historicorum Romanorum reliquiae* (Lipsiae 1914) II, 121–129 (*ibid.* XXII–XXIII n. 65).

¹² D. H. Müller. *Arabia* // *RE* II (1895) 354, 35–36: “Im Roten Meer unterhielt er (sc. Trajanus) eine Flotte zum Angriffe gegen Indien”.

¹³ P. R. Longden. Notes on the Parthian Campaigns of Trajan // *JRS* 21 (1931) 1–35, особ. 15 и 26 n. 2, а также *idem*. Trajan in the East // *CAH* XI (1936) 238 (после аннексии набатейского царства): “A Roman fleet was stationed in the Red Sea”, ср. E. Kornemann. *Römische Geschichte* II (Stuttgart 1942) 268: “Eine römische Flotte für das Rote Meer wurde gebaut”.

¹⁴ См. F. A. Lepper. *Trajan's Parthian War* (Oxford 1948) 159: “...the fleet in the Red Sea” и прим. 3 со ссылкой на Евтропия, Феста, Иеронима и Иордана.

¹⁵ E. Laube. *Die Abfassungszeit von Tacitus' Annalen*. Diss. (Berlin 1955); она известна главным образом из рефератов Ж. Боже (*REL* 38 [1960] 213–215), Р. Ганслика (*Lustrum* 17 [1973–1974] 72–73) и Ф. Р. Д. Гудьера (F. R. D. Goodyear. *The Annals of Tacitus* II [Cambridge 1981] 392).

¹⁶ P. J. Sijpesteijn. Der ΠΟΤΑΜΟΣ ΤΡΑΙΑΝΟΣ // *Aegyptus* 43 (1963) 70–83, особ. 81 сл., ср.: “Eine Flotte zum Schutz dieses Handels (торговли с Индией) kreuzt im Roten Meer” (*ibid.* 81). Тем не менее, далее на с. 83 сообщение Евтропия трактуется по Ростовцеву, т. е. применительно к Персидскому заливу, хотя часть кораблей этой эскадры могла прибыть из Александрии благодаря начатому в 112 г. каналу.

Нила с Клисмой/Суэцем,¹⁷ был впоследствии использован в военных целях.

6. Э. Чизек (1980).¹⁸ Румынский историк связывает появление эскадры с индийским посольством, прибывшим в Рим в 105 г.,¹⁹ результатом которого, по его мнению, был военный союз против Парфии. Оно удачно совпало с аннексией набатейского царства, важного предварительного этапа будущей кампании в Месопотамии.

7. Г. М. Бауэр и А. Г. Лундин (1994).²⁰

8. Дж. Беннет (1997).²¹

9. А. Черняк (2001, см. прим. 1). Я тоже, независимо от Чизека, предполагал, что эскадра была нужна Траяну для войны с парфянами.

10. Д. В. Кареев и Л. А. Самуткина (2001, см. прим. 3). В обоих случаях *mare Rubrum* переводится одинаково: “Красное море” – это обычная практика переводчиков, – но к первому в примечании уточняется, что речь идет о Персидском заливе.²²

Приводить противоположные мнения, как уже сказано выше, не имеет смысла. Достаточно указать на мнение М. И. Ростовцева,²³ на примечание Рашке,²⁴ на авторитетный французский перевод Элегу-

¹⁷ О нем см.: M. G. Raschke. *New Studies in Roman Commerce with the East* // *ANRW* II. 9. 2 (1978) 604–1361, особ. 649 и 895–896 n. 967–970.

¹⁸ Cizek (прим. 10) 101.

¹⁹ См. Cass. Dio LXVIII, 15 (p. 135 Dindorf), см. ниже раздел V.

²⁰ Г. М. Бауэр, А. Г. Лундин. Южная Аравия в X в. до н. э. – VI в. н. э.: основные этапы истории // *Красноморские заметки* I. Под ред. Э. Е. Кормышевой и А. В. Седова (М. 1994) 86–117, особ. 105: “Рим начинает претендовать на пошлину со всей морской торговли во всей северо-западной части Индийского океана. В начале II в. н. э. римский император Траян даже создал специальный военный флот для этих целей”.

²¹ J. Bennett. *Trajan, Optimus Princeps. A Life and Times* (London – New York 1997, repr. 2005) 216 (ch. XII, Arabia): “...the fleet which Trajan established in the western ‘Red Sea’, presumably based at Aila (= Акаба) or Leuke Kome, could not have functioned in isolation” (автор локализует Левке Коме чуть южнее Акабского залива, см. карту на с. 178); 304 n. 80: “Eutr. 8.3.2; Festus 20. The name ‘Red Sea’ was used indiscriminately to mean the Persian Gulf and the present Red Sea and Gulf of ‘Aqaba: the last is to be preferred in the general context” (Джулиан Беннетт – специалист по римской Британии и восточными делами специально не занимался).

²² Евтропий. *Breviarium* (прим. 3) 233, прим. 20. Точно так же в издании: Eutropius. *Breviarium ab urbe condita*. Lat.-deutsch v. F. L. Müller (Stuttgart 1995) 113 (перевод), но в комментарии на с. 243 нет никаких дальнейших разъяснений.

²³ M. Rostovtzeff. *The Social and Economic History of the Roman Empire* (Oxford 1957) 606 n. 19. Любопытно, что автор был ярким сторонником римского флота на Красном море, см.: *ibid.* 604–606 n. 19 и *idem*, *Zur Geschichte des Süd- und Osthandels im ptolemäisch-römischen Ägypten* // *APF* 4 (1907–1908) 198–215, особ. с. 206 слл.

²⁴ См.: Raschke (прим. 17) 892 n. 959.

арка²⁵ или на впечатляющее издание *Перипла Эритрейского моря* М. Д. Бухарина.²⁶ Но к этому надо прибавить и упорное молчание — почти замалчивание — со стороны высокочлассных специалистов:²⁷ Р. Ганслика, автора статьи о Траяне в *RE*,²⁸ американского исследователя греко-парфянской надписи середины II в. из Месене Д. Поттера²⁹ или автора главы о Траяне в *САН* М. Гриффин.³⁰ Только у Сайдботамы,³¹ а из комментаторов у Иди (Фест)³² можно хоть что-то найти по нашей теме. Не случайно Джон Иди заключает свой обзор проблемы на весьма пессимистической ноте.³³

II. Эпиграфический материал

Перечень надписей (к сожалению, не исчерпывающий) дают многие: М. И. Ростовцев, М. Рашке и т. д.³⁴

1. *IGRR* 1062,³⁵ В этой поврежденной надписи из Александрии времен Септимия Севера (194 г.) Ростовцев усматривал эритрейский торговый флот (στόλος),³⁶ но название “эритрейский” не читается — это восстановление из ст. 2 εὐεολήμητορ (εὐπολεμήτορ ‘победоносного’?).³⁷

²⁵ Eutrope. *Abrégé* (прим. 3) 103, 209 n. 13.

²⁶ См.: М. Д. Бухарин. *Неизвестного автора Перипл Эритрейского моря* (далее *ПЭМ*) (СПб. 2007) 264, 279.

²⁷ Традиция восходит к Г. Шиллеру и Моммзену.

²⁸ R. Hanslik. Ulpian Traianus // *RE Suppl.*-Bd. X (1965) 1035–1102.

²⁹ См.: D. S. Potter. The Inscriptions on the Bronze Herakles from Mesene: Volloges IV's War with Rome and the Date of the Tacitus' *Annales* // *ZPE* 88 (1991) 277–290, особ. 282–283, где параллельно рассматриваются тексты Евтропия и Феста.

³⁰ M. Griffin. The Flavians Nerva to Hadrian // *The Cambridge Ancient History* XI (Cambridge 2002) 84–131, особ. 123 ff. (12. The eastern campaigns). Сюда же: C. S. Lightfoot. Traian's Parthian War and the Fourth-Century Perspective // *JRS* 80 (1990) 115–126.

³¹ См.: S. E. Sidebotham. *Roman Economic Policy in the Erythra Thalassa* (30 B. C. – A. D. 217) (Leiden 1986) 70.

³² См.: J. W. Eadie. *The Breviarium of Festus. A Critical Edition with Historical Commentary* (London 1967) 139–140 a. 1.

³³ Eadie (прим. 32) 140: “We simply do not know what Eutropius and Festus intended”.

³⁴ Raschke (прим. 17) 648–649, 892–893 nn. 957–961, а также Sidebotham (прим. 31) 71 (без комментариев).

³⁵ *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes*. Ed. R. Cagnat et al. (Paris 1901). Надписи приводятся в произвольном порядке.

³⁶ Rostovtzeff (прим. 23) 605: “...a reference to the mercantile fleet of the Red Sea”; Sidebotham (прим. 31) 71.

³⁷ De Ricci *APF* 2 (1903) 447 no. 77 писал τοῦ στόλου Εὐ[θυδη]μ[ου] τοῦ и т. д.; Ростовцев предложил τοῦ στόλου Ἐρ[υθραϊκ]οῦ.

2. *Ibid.* 1183 из Копта в Среднем Египте (перевалочной базы для портов Красного моря), знаменитый “коптский тариф” (= *OGIS* 674). В ст. 18, возможно, упоминаются жены моряков (γυναικῶν εἰσπλεουσῶν).³⁸

3. *Ibid.* 1370.³⁹ Аполлоний, солдат Второй итурейской когорты,⁴⁰ и его товарищ (имя не сохранилось) из Первой киликийской когорты поклоняются Серапису и Исиде в городе Гиерасикамин (южнее Сие-ны = Ассуана) и передают поклон (προσκύνημα) от некоего триэарха или даже эпарха флота (имя и начало его должности отсутствуют: ...ἄρχου κλάσσης) и его супруги; Канья предполагает александрийский флот, но может быть и эритрейский.⁴¹

4. *SB* 8821⁴² – фрагментарная надпись из Копта 260/261 г. с κυβερνήτης [Ἐ]ρυθραϊκός.

5. *ILS* 8851.⁴³ Эту надпись III в. из Томи (место ссылки Овидия), где упоминается πάρχος κλάσσης Φλ. Μυσικῆς Горδιανῆς в Черном море, Ростовцев сближает с надписью *IGRR* I 781 времен Домициана, в которой фигурирует τριηράρχος κλάσσης Περινήθιας, как свидетельство существования провинциальных флотилий.

6. *CPL* 125 = *ChLA* IV 241.⁴⁴ Фрагмент морского регистра середины II в.; ключевое слово l.10 [item ex?] lib(urna) Mercur(io).⁴⁵ Нет указаний, какому флоту принадлежала данная либурна, так как происхождение папируса неизвестно.

³⁸ См.: Raschke (прим. 17) 893 Anm. 961. Против: C. G. Starr. *The Roman Imperial Navy* 31 B. C. – A. D. 324 (New York 1941) 222 n. 19, а также Sidebotham (прим. 31) 80 ff.

³⁹ = *CIG* 5110. Rostovtzeff (прим. 23) 606; D. Kienast. *Untersuchungen zu den Kriegsfлотten der Kaiserzeit* (Bonn 1966) 85 Anm. 13; Sidebotham (прим. 31) 80 ff.

⁴⁰ Итурейцы, южноаравийское племя, мигрировали сначала в восточную Иорданию, а оттуда в северную Палестину (Ливан), где занимались разбоем. Их самостоятельность была ликвидирована Антонием в 36 до н. э. Судя по именам их царей и данной надписи, они эллинизировались, см. Strab. XVI, 2, 10 и 16; *Der kleine Pauly* II, 1492 s. v. *Ituraea*.

⁴¹ Кинаст почему-то считает, что речь идет о речной страже, см. Kienast (прим. 39) loc. cit., но ср. Rostovtzeff (прим. 23) 606: “I incline to believe that these soldiers belonged to a *vexillatio* sent to protect the caravan-routes leading to the ports of the Red Sea, and that this prefect was the commander of the *classis Erythraica*”.

⁴² De Ricci, *APF* 2 (1903) 450 no. 90; Rostovtzeff (прим. 23) 605.

⁴³ *Inscriptiones Latinae selectae*. Ed. H. Dessau. Vol. II/2 (Berolini 1906) 1031–1032; Rostovtzeff (прим. 23) 405; Sidebotham (прим. 31) loc. cit.

⁴⁴ *Corpus papyrorum Latinarum*, ed. R. Cavenaile (Wiesbaden 1956) 246; *Chartae Latinae antiquiores* IV 241. Речь идет о *Pap. Rylands* II 79, см. Raschke (прим. 17) 892 Anm. 960.

⁴⁵ J. P. Gilliam. A Roman Naval Roster, *P. Rylands* 79 // *CPh* 48 (1953) 97–99.

7. *AE* 2004, no. 1643, pp. 599–600 – надпись 144 г. н. э. с архипелага Фарасан в южной части Красного моря, в которой фигурирует *уех(illatio) leg(ionis) II Tr(aianae) Fortis | et aux(ilia) eius castrenses|q(ue) sub praef(ecto) Ferresani portus*.⁴⁶ Очень важная недавняя находка, подтверждающая мнение некоторых ученых о контроле римлянами Баб-эль-Мандебского пролива при Траяне (дискуссия вокруг *Tac. Ann.* II, 61, 2: *limes olim imperii Romani, quod nunc rubrum ad mare patescit*).⁴⁷

8. *Pap. Lond. inv.* 2574 (Оксирих),⁴⁸ квитанция об уплате налогов от 27 сентября 356 г., где упоминаются (8) [v]αυτῶν Ἰνδίας, т. е. “на моряков Индии”; при Констанции Рим воевал с Персией, захватившей между прочим Оман (см. ниже раздел VI, 1), и красноморская эскадра явно требовала дополнительного финансирования.

III. “Разрушение” Адена (*PME* 20)

Перипл Эритрейского моря довольно подробно описывает Счастливую Аравию (*PME* 26): это лежащая примерно в 212 км от пролива деревня в глубине залива,⁴⁹ “бывшая ранее городом, названа же “счастливой”, когда еще ни из Индии в Египет не приходили {корабли}, и из Египта не отваживались подниматься в дальние места, но доходили до сих пор; {она} принимала грузы с обеих сторон, как Александрия принимает грузы и привозимые издалека, и из Египта. Ныне же, незадолго до наших времен, Цезарь ее покорил” (пер. М. Д. Бухарина).⁵⁰

Личность хозяина города, друга римлян Харибаила остается загадочной, так как деятели с похожими именами встречаются только в южноаравийских (главным образом в ранних сабейских) надписях.⁵¹ Напротив, название “Счастливая Аравия”, как и лат. *Arabia felix*,

⁴⁶ См. выше, прим. 2.

⁴⁷ См. выше, прим. 1.

⁴⁸ См.: Н. I. Bell. *A Byzantine Tax-Receipt* (P. Lond. 2574) // *Mémoires de l'Institut français d'archéologie orientale* 67 (1934) 105–111, особ. 109–110, см. Raschke (прим. 17) 892 Anm. 960.

⁴⁹ В действительности на небольшом острове рядом с берегом (сообщение Ю. А. Виноградова).

⁵⁰ *ПЭМ* 54.

⁵¹ *ПЭМ* 107 прим. 105 – царь Сабы и Зү Райдана (официальная титулатура всех известных нам царей Химйара) Кариб’ил Ватар Йухан’им I, правивший приблизительно с 50 г. н. э. (ср. с. 312 таблица; единственное имя). Он был сыном Замар’ал’и Баййина. Эту идентификацию, предложенную Кристианом Робэнном (Ch. Robin, “Yashhur’il Yuhar’ish, fils d’Abiyasa’, Mukkarib du Hadramawt”, *Raydān* 6 [1994] 101–111), Французов считает удачной, см.: С. А. Французов. *Общество и государство в древнем Хадрамауте*. Докт. дисс. [рукопись] (СПб. 2010)

обычно обозначает не город, а весь юг Аравийского полуострова, ср. Strab. XV, 2, 14; XVI, 1, 28; 2, 20 и т. д.⁵² Применительно к городу оно появляется уже у Аристофана (*Av.* 145) и Эврипида (*Bacch.* 16), см. *ПЭМ* 110 (прим. 119), ср. Ptol. VI, 7, 9 Ἀραβίας ἐμπόριον.

Под городом “Счастливая Аравия” почти все понимают современный Аден (*ПЭМ* 111);⁵³ есть даже предположение, что гр. Εὐδαίμων воспроизводит или даже переводит сем. aden (> рус. *эдем*).⁵⁴ Последнее фигурирует как insulae Adanu где-то в том же регионе (Plin. VI, 175), возможно, и как oppidum Athenae (*ibid.* VI, 159), а также Adanus у Помпония Мелы,⁵⁵ Ἀδάνη у Филосторгия (Philost. *Hist. eccl.* III, 4).

Покорение (не “разрушение”, как иногда пишут)⁵⁶ и упадок Адена (Καῖσαρ αὐτὴν κατεστρέψατο) обычно объясняют походом Элия

270. Не забудем, однако, что как Робэн, так и Французов датируют *Перипл* 40–70 гг. I в. н. э., см. *ПЭМ* 209–210.

⁵² Ян Ретсё утверждает, опираясь в основном на Птолея и Страбона (Strab. XVI, 3, 1; 4, 2), что древние под Счастливой Аравией понимали весь Аравийский полуостров от Акабского залива до Кувейта, см.: J. Retsö. Where and What Was Arabia Felix // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 30 (2000) 189–192 и *idem. The Arabs in Antiquity. Their History from Assyrians to the Umayyads* (London–New York 2003) 436–438. Обычно ее отождествляют с Йеменом; кстати, это название объединяет значения “юг” и “счастливый” (Retsö. Where and What Was Arabia Felix, 189). К тому же приводимые Ретсё пассажи неоднозначны, в отличие, скажем, от Диодора: в своем знаменитом “перипле” (III, 38–48), двигаясь с севера на юг, он доходит до сабейцев, и только тогда появляется Счастливая Аравия с ее незабываемыми ароматами (III, 46, 1). Перечень упоминаний Счастливой Аравии у Страбона дает Бухарин (*ПЭМ* 114 – “юг Аравийского полуострова”).

⁵³ Только Жаклин Пиренн в ряде работ предлагает остров Сокотру: J. Pirenne. Le développement de la navigation Égypte – Inde dans l’antiquité // *Sociétés et compagnies en Orient et dans l’Océan Indien. Actes de l’8me colloque international de l’histoire maritime* (Paris 1970) 101–119, особ. 111 и т. д. (*ПЭМ* 111 прим. 119).

⁵⁴ Сообщение Ю. А. Виноградова. Русское слово, как и все европейские аналоги, восходит к др.-евр. eden (*Быт.* 2, 8 и др.).

⁵⁵ Pomp. Mela III, 8, 80 urbes sunt Charrae et Arabia et Adanus. Arabia – это тоже Аден, см.: Pomp. Mela *Chorographia*. Texte publ., tr. et ann. par A. Silberman (Paris 1988) 305 nn. 16–17. Упомянутый Бухариным “Гадан” (*ПЭМ* 111 прим. 119) у Мелы в данном месте не фигурирует; непонятен мне и “остров Садан (Plin. VI, 176)” (там же).

⁵⁶ Кассон переводит не буквально, а по смыслу: “Caesar sacked it”, см.: L. Casson. *The Periplus Maris Erythraei*. Text with Intr., Transl. and Comm. (Princeton 1989) (далее Кассон *ПМЕ*) 8 и 160 – что еще могли делать римляне в Счастливой Аравии? – конечно, грабить. Коррекнее Бухарин: “Цезарь ее покорил” (*ПЭМ* 54); в прим. 123 он, однако, говорит о разрушении города, например, при упоминании гипотезы Кеннеди о морской экспедиции при Клавдии или Нероне для ликвидации обосновавшихся там пиратов (*ПЭМ* 112) и потом по инерции (113–115). Е. Селанд (E. H. Seland. *The Periplus’ Report of a Roman Attack on Aden // Symbolae Osloenses*

Галла 26–25 гг. до н. э. или, в крайнем случае, действиями его флота. И то и другое маловероятно. Бухарин выдвигает весьма остроумную идею: автор *Перипла* связывает упадок Счастливой Аравии (города) с давним походом римлян (т. е. того же Галла) в Счастливую Аравию (страну), иначе говоря, имеет место и путаница географических названий (*ПЭМ* 113–115).⁵⁷ Принять это объяснение, на мой взгляд, трудно, так как речь здесь идет о недавнем событии (Νῦν δὲ οὐ πρὸ πολλοῦ τῶν ἡμετέρων χρόνων κτλ. а сам Бухарин датирует *Перипл* 70-ми гг. н. э. (см. ниже); сто лет – это большой срок.

Надпись из Копта, посвящение Изиде и Гере жителем Адена Гермеротом, агентом известного коптского купца Никанора,⁵⁸ вроде бы свидетельствует о том, что в 71 г. в Адене все было в порядке. Надо полагать, несчастья постигли город позже. Не известно, принадлежал ли Аден царю Химйара Харибаилу с самого начала⁵⁹ и он защищал его от притязаний сабейцев, искавших выхода к морю (*ПЭМ* 108 прим. 105), или, наоборот, сам оспаривал его у Катабана.⁶⁰ В любом

80 [2005] 60–67, особ. 65 п. 2) посвящает этой проблеме довольно длинное примечание; его решение в пользу “разрушил” не кажется мне обоснованным: это значение крайне редко и почти везде спорно.

⁵⁷ Ср. еще: он же. *Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье. Торговля и историко-культурные связи* (Москва 2009) 66–71 (II, 5, 2: “Счастливая Аравия: разрушение или покорение?”). Сама идея, впрочем, восходит к Кеннету Уэлсли (K. Wellesley. The Fable of a Roman Attack on Aden // *La Parola del Passato* 9 [1954] 401–405). Он, впрочем, был не первым, см.: Casson *PME* 160. Схожую идею развивает и Эрвинд Селанд (см. прим. 56), с той лишь разницей, что на первый план выдвигается произвольная интерпретация автором *Перипла* соответствующего пассажа из *Res gestae divi Augusti*.

⁵⁸ *ПЭМ* 115 (Селанд не знает этой надписи); *AE* 1981 no. 853. ...Ἐρμερῶς Ἀθηνίωνος Ἀδανείτης Ἐρυθραῖος ἔμπορος. Он известен по архиву Никанора. Надпись дает нам едва ли не первое упоминание Адена / Аданы.

⁵⁹ Ср. начало пассажа: *PME* 26 κόμη παραθαλάσσιος, βασιλείας τῆς αὐτῆς Χαριβαήλ – констатация факта.

⁶⁰ Аден изначально входил в состав Аусана; в IV в. до н. э. всем юго-западным побережьем Южной Аравии владел Катабан (Strab. XVI, 4, 2), см.: Г. М. Бауэр, А. Г. Лундин. Катабан // *Красноморские заметки* I (Москва 1994) 143; Химйар занял место Катабана ко II в. н. э., см.: те же (прим. 20) 114. Важные уточнения делает С. А. Французов: “В начале I в. н. э. Саба и Химйар оказались в составе единого государства... это, напротив, была химйаритская династия, покорившая Сабейское царство и подражавшая его правителям в том числе и в антропонимике” (Французов [прим. 51] 270–271). В конце I в. н. э. (*ПЭМ* 108 прим. 105) или во II в. Саба обретает независимость. В этой связи ответ на вопрос, кто именно оспаривал у Харибаила Аден, весьма затруднителен: этот факт не упоминается в южноаравийских надписях. С. А. Французов не исключает и Катабан (устное сообщение).

случае Харибаил явно нуждался в римской помощи, чем и объясняются его постоянные посольства в Рим и дары,⁶¹ благодаря которым он сделался “другом императоров” (*РМЕ* 23).⁶²

Кто же мог послать эскадру для захвата Адена? Как следует из вышеизложенного, только Траян, который реально таковой располагал. Но здесь мы сталкиваемся с тремя серьезными трудностями.

1) “Цезарь”.

Главным кандидатом на это имя считается Август, но не только потому, что он в своих *Деяниях* приписал себе идею похода Элия Галла (*ПЭМ* 113): его и, кажется, только его так именуют в латинских и греческих надписях из Египта. Тем не менее, это не помешало ученым выдвигать и другие кандидатуры (см. ниже).⁶³ Что касается Траяна, то его называет Цезарем, например, Марциал.⁶⁴

⁶¹ О посольствах из Аравии см. Plin. VI, 140; VII, 75; XII, 57, см. *ПЭМ* 108 прим. 106. Предположение Бухарина, что Харибаил на самом деле платил Риму дань (там же), кажется мне маловероятным.

⁶² *РМЕ* 23 Χαριβαήλ[α] ... συνεχέσι πρεσβείαις καὶ δώροις φίλος [δὲ] τῶν αὐτοκρατόρων.

⁶³ О сложности интерпретации имени “Цезарь” говорит любопытный пассаж из нашей, шестой книги Плиния (гл. 84–85). Некий вольноотпущенник Анния Плокама, откупившего римскую пошлину на Красном море, огибая Аравию, был занесен северным ветром на Цейлон. За полгода он выучил язык и смог рассказать царю о римских делах и о “Цезаре” (percunctanti postea narravit Romanos et Caesarem). Царь, пораженный рассказом, а также качеством найденной на корабле римской монеты, снарядил целое посольство, которое прибыло в Рим при Клавдии (Claudi principatu). Этим же временем датируют обычно и само плавание. Но на дороге из Копта в Беренике были обнаружены два граффити, латинский и греческий, с именем Лисия, раба Публия Анния Плокама и датой 6 г. н. э. (*SEG* 612). Стало быть, Caesar из рассказа Плиния был на самом деле Августом? См. Sidebotham (прим. 31) 32–33.

⁶⁴ Mart. XII, 8: Terrarum dea gentiumque Roma, / cui par est nihil et nihil secundum, / Traiani modo laeta cum futuros / tot per saecula computaret annos, / et fortem iuvenemque Martiumque / in tanto duce militem videret, / dixit praeside gloriosa tali: / “Parthorum proceres ducesque Serum / Thraces, Sauromatae, Getae, Britanni, / possum ostendere Caesarem, venite”. Эпиграмма датируется примерно 101 годом – Рим, стало быть, гордился тогда своим цезарем (правда, написана она уже в Испании – в родном Билбилисе/Рибота на р. Халон в Каталонии, – куда поэт вернулся умирать). Слово miles ‘солдат’ здесь двусмысленно: император был известен своим пристрастием к мальчикам, но ему это прощали, см. Bennett (прим. 21) 59–60. Эта эпиграмма послужила эпиграфом к монографии Парибени *Optimus Princeps* (Messina 1926–1927).

2) История вопроса.

За одним-единственным (на первый взгляд, ошибочным) исключением,⁶⁵ Траян в этой связи никто не упоминает. Ситуация эта кажется мне довольно странной, так как по данному вопросу существует огромная литература и список “Цезарей” идет от самого Цезаря до Септимия Севера. Это, разумеется, прямо вытекает из следующего пункта:

3) Датировка *Перипла*.

Дата написания *Перипла*, как и личность автора (см. Приложение), остается проблематичной. Разброс мнений огромен: от I в. до н. э. до III в. н. э. (*ПЭМ*, с. 202–233 плюс относительные датировки, с. 233–246). Предпочтение отдается а) 40–70 гг. I в. н. э. (там же, 204–211) и б) 80–100 гг. (там же, 213–217).⁶⁶ Оснований для датировки было много; сейчас, по-видимому, это четыре пассажа: два в арабской части (набатейский – гл. 19 – и наш о захвате Адена, обычно считающийся безнадежным) и два в индийской части (гл. 38 и 52, см. ниже, раздел VI).⁶⁷ Из этого следует, что, по крайней мере, с набатейской проблемой нам необходимо разобраться, тем более что именно на этом пассаже строится подавляющее большинство датировок *Перипла*.

IV. Набатейское царство и *Перипл*

Доведя описание восточного берега Африки до страны Азании и города Рапту (где-то на уровне острова Занзибар), автор *Перипла* возвращается назад в Египет:

РМЕ 19: “На север от Беренике, в двух или трех переходах на восток от Миос Гормос, проплыв прилегающий залив, будет другая бухта и крепость, которая называется Левке Коме, от которой есть дорога

⁶⁵ Кассон приводит целый список предполагаемых “Цезарей”: Август, его внук Гай, Клавдий, Нерон, Траян и Септимий Север, – ссылаясь на Рашке (см. Casson *РМЕ* 160), но у последнего в указанном месте (Raschke [прим. 17] 872 nn. 910–912) Траян не фигурирует, как и в *ПЭМ* 112–113.

⁶⁶ Датировка началом II в. н. э. (*ПЭМ* 217–219) явно не очень популярна. Сначала ее поддерживали, приписывая *Перипл* Флавию Арриану (Вильфорд, Кюльб и т. д.); теперь в основном на индийском материале (Л. П. Кирван и др.). Эскадра Траяна здесь не фигурирует. Но есть еще хронологическая таблица датировок (*ПЭМ* 322–331), возможно, не полностью учтенных исследователями.

⁶⁷ См.: L. P. Kirwan. A Roman Shipmaster's Handbook: Review // *The Geographical Journal* 147 (1981): 1, 80–85, особ. 81. Идея принадлежит автору рецензируемого издания Г. Хантингфорду (G. W. Huntingford).

в Петру к Малиху – царю набатеев.⁶⁸ И она обустроена под рынок для небольших кораблей, поставляющих товары из Аравии в нее. Поэтому и для безопасности и в нее посылают сборщика одной четвертой доходов ввозимых в нее грузов и центуриона с отрядом” (*ПЭМ* 52).⁶⁹

Этот пассаж содержит массу проблем, от локализации самого “Белого Села” до набатейского или римского происхождения вышеупомянутых чиновников (Бухарин не пожалел под это восьми страниц большого формата, *ПЭМ* 97–105, прим. 91–95). Нас интересует, естественно, последняя, а также набатейский царь Малих, регулярно фигурирующий в датировках наряду с захватом Адена, Плинием Старшим, Клавдием Птолемеом, персидским Оманом, Индией и т. д.

На первый взгляд, такие реалии, как крепость (φρούριον), сборщик четвертины (παράληπτης τῆς τετάρτης) и центурион с отрядом (ἐκ-τονάρχης μετὰ στρατεύματος) скорее говорят в пользу Рима, тем самым относя *Перипл* к времени после аннексии Nabatei, т. е. после 106 г., чему, естественно, мешает набатейский царь в Петре. Последний оказывается, таким образом, ключевой фигурой. Противники “римской” гипотезы указывают на Малиха II (40–71 гг. н. э., см. *ПЭМ* 312);⁷⁰ соответственно, сборщика и центуриона объявляют набатейцами.⁷¹

С другой стороны, если Левке Коме еще принадлежала набатейцам (ср. Strab. XVI, 4, 23 – описание похода Элия Галла), зачем автору (римскому купцу или чиновнику, см. Приложение) упоминать чужих сборщиков налогов и тем более командиров гарнизонов? И кто стоит за словом “посылают”? Так говорят только о своих. Правда, как фактор датировки *Перипла* эти соображения не очень существенны: ведь само название порта указывает на то, что его основали греки;⁷²

⁶⁸ О происхождении набатейцев (своеобразный сплав мирных пришельцев из Месопотамии и воинственных арабов-бедуинов с юга?) см.: Retsö. *The Arabs in Antiquity* (прим. 52) 364–391 (ch. 13 “The Nabatean problem”).

⁶⁹ Я оставил без изменения чрезмерную дословность перевода Бухарина.

⁷⁰ Его упоминает Иосиф Флавий: Ios. Flav. *BI* II, 4, 2.

⁷¹ См. Bowersock (прим. 9) 70–71; об аналогиях в Пальмире и т. д. см. также *ПЭМ* 104–105 прим. 95; J. W. Eadie. Strategies of the Economic Development in the Roman East: the Red Sea Trade Revisited // *The Eastern Frontier of the Roman Empire. Proceedings of a Colloquium Held at Ankara in September 1988*. Ed. by D. A. French, C. H. Lightfoot. Pt. I (British Institute of Archaeology at Ankara. Monograph № 11, BAR International Series, 553:1, Ankara 1989) 113–120, особ. 115 слл.; R. Wenning. Das Ende des nabatäischen Königsreichs // *Arabia antiqua*. Ed. by A. Invernizzi and H.-F. Salles (Istituto italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Serie orientale Roma LXXX.2, Roma 1993) 85–103 (у Бухарина ошибочно Henning и 1983), особ. 98 Anm. 90.

⁷² Бухарин полагает, что греческое название – это интерпретация местного *Lbnt (labanāt) ‘белый’ (*ПЭМ* 98 прим. 92).

набателейцы, по-видимому, и до аннексии контролировали этот город слабо или вообще не контролировали.⁷³

Что касается Малиха, то существовал и третий царь с этим именем, младший сын Раббея II. Он упомянут еще при жизни отца в фрагментарной надписи из Петры примерно 101/102 гг.⁷⁴ и уже как царь в votивной надписи (граффити) из Хегры,⁷⁵ где некий Сакуху, сын Туры, посвящает стелу “Аара, который в Бостре, богу Рабея,⁷⁶ в месяц Нисан, в первый год царя Малика”.⁷⁷ Упоминание Раббея исключает Малиха II, но Р. Веннинг тем не менее отвергает кандидатуру Малиха III: царствование последнего было всего лишь эпизодом и закончилось в 106 г. с образованием провинции.⁷⁸

⁷³ Важно отметить, что в этот период набатейская экспансия была ориентирована не в направлении Красного моря, а на север, к южным границам Сирии, в Додекаполисе, что римляне, судя по всему, не приветствовали (казнь брата царя Сюллея около 4 г. до н. э., захват Аретой IV Голана около 34 г.). Акция подобного рода могла подтолкнуть в 106 г. наместника Сирии Корнелия Пальму к аннексии Набатейского царства, детали которого нам неизвестны, см.: J. W. Eadie. *Artifacts of Annexation: Trajan's Grand Strategy and Arabia // The Craft of the Ancient Historian. Essays in Honor of Chester G. Starr*. Ed. by J. W. Eadie and J. Ober (Washington 1985) 407–423, особ. 412. В пользу этой смелой гипотезы говорит и перенесение Раббелем II столицы из Петры на север в Бостру, где он активно строил храмы богу Душара Аара (см. ниже), т. е. политика в духе Децебала, очень непохожая на открыто проримскую политику царей Иудеи – Ирода, основавшего Цезарею/Кесарию, и его сына Антипы, основавшего Тивериаду.

⁷⁴ См. *RES = Répertoire d'épigraphie sémitique* III (Paris 1918) n. 1434; Bowersock (прим. 9) 74; idem. *Rome and the Near East // CR* 38 (1988) 101–104, особ. 104; Eadie (прим. 71) 412–413, 421 n. 26 (Малиху в тот момент было где-то четыре года); Wenning (прим. 71) 97 (он был сыном от второй жены Раббея Хагиру).

⁷⁵ *Hegra/Egra*, город и одноименный порт на южной границе набатейского царства (см. карту в *САН* XI² [2002] 636). Через Хегру переправлялся назад в Египет Элий Галл в 26 г. до н. э. после неудачной осады сабейской столицы Маариб, см. *Strab.* XVI, 4, 24.

⁷⁶ О религиозной политике Раббея II см. Wenning (прим. 71) 86–94 (§ 3 “*Die religiöse renovatio unter Rabbel II*”).

⁷⁷ *CIS* II (1889) n. 218; A. Jaussen – R. Savignac. *Mission archéologique en Arabie* (Paris 1909; rééd. Le Caire 1997) I, 204–206 n. 39; Eadie (прим. 73) 413–414, 421 nn. 29–30; Wenning (прим. 71) 98.

⁷⁸ Wenning (прим. 71) 97–98 и Anm. 90. Г. Бауэрсок по-прежнему утверждает, что и здесь фигурирует Малих II (письмо Веннингу 1989 г.), *ibid.* 98 Anm. 90. Аргументация представлена в статье 1988 г. (*Rome and the Near East* [прим. 74] 204): а) надпись *CIS* II, 218 не может быть позже середины I в. н. э., так как в ней скрупулезно различаются конечный и срединный алефы и б) Раббель в данной надписи мог быть не царем, а частным лицом. Эти доводы произвели впечатление на Кассона (*Casson PME* 7 n. 11), но у меня они вызывают сомнение. Здесь нужны специальные исследования; *onus probandi* во всяком случае лежит на другой стороне.

Но для Джона Иди, тоже, как Веннинг, плотно занимавшегося Петрейской Аравией,⁷⁹ царство Малиха III отнюдь не было кратким эпизодом: оставшийся после исчезновения отца (еще не старого в момент аннексии человека) и старшего брата Обода мальчик правил, по его мнению, после 106 г. как клиент Рима на практически неконтролируемой римлянами пустынной территории юга страны с центром в Хегре (так называемая *Hismā*).⁸⁰ Иди приводит в качестве аналогии Иудею, после смерти Ирода в 4 г. до н. э. превращенную в римскую провинцию с тетрархиями в Галилее, Перее и т. д., т. е. на труднодоступных окраинах, где римляне предпочитали иметь местную администрацию.

Малиха из *Перипла* Иди даже не упоминает, так как он придерживается традиционной датировки 40–70 гг. н. э. Другой причиной могло быть то обстоятельство, что Петра была занята римлянами в 106 г.: туда переправилась (или перешла через Синай) из Египта *legio III Cyrenaica*.⁸¹ Но из этого не следует, что Петра не могла быть через некоторое время отдана Малиху: ведь столицей провинции Аравия стала новая резиденция Раббеля Бостра.⁸² Кроме того, римские аннексии не всегда были окончательными: Коммагена меняла свой статус пять раз.⁸³ Не могла помешать появлению Малиха в Петре и *via nova*: во Фракии римляне начали строить аналогичную дорогу задолго до аннексии.⁸⁴

⁷⁹ Раскопки в *Auara/Humayma* (набатеяский город и римский форт рядом с *via nova* Траяна), см.: Eadie (прим. 73) 422 n. 34.

⁸⁰ *Ibid.* 414–416. Римское присутствие (надписи) проявляется там только полвека спустя при Марке Аврелии (надпись из Руваффы и т. д.).

⁸¹ См.: M. Speidel. *The Roman Army in Arabia* // *ANRW* II. 8 (1977) 710. Вывод сделан путем анализа писем солдата легиона (точнее, “стройбата”) Юлия Аполлонария, посланных им родным в г. Каранис в Египте, где они и были обнаружены.

⁸² В Бостре был размещен и легион, сначала VI *Ferrata*, затем III *Cyrenaica* (из Петры, см. выше), см.: A. Negev. *The Nabateans and the Provincia Arabia* // *ANRW* II. 8 (1977) 520–686, особенно 642 (в этой пространной работе для нашей проблемы почему-то не нашлось места; по крайней мере, упомянуть ее следовало); см. подробнее Wenning (прим. 71) 96 слл.

⁸³ В 18 г. аннексирована, в 37 возвращена царю, затем снова аннексирована, но возвращена Клавдием и окончательно аннексирована Веспасианом в 72 г., см.: Bowersock (прим. 9) 54 n. 37; *САН* XI² (2000) 637. Судя по этому примеру, в своих отношениях с царями восточного пограничья римляне не очень связывали себя предыдущими обязательствами.

Другие примеры: Клавдий отдает Ироду Агриппе всю провинцию Иудею (!), снова аннексируя ее после смерти последнего в 44 г., Bowersock (прим. 9) 69; тетрархия Филиппа (Голан и Хауран к востоку от Генисаретского озера) то отходит к Сирии, то отпускается, пока ее не передают в 53 г. Ироду Агриппе II, на этот раз надолго, *ibid.* 70.

⁸⁴ См. мой краткий очерк истории Болгарии: *Основы балканского языкознания. Ч. 2. Славянские языки* (СПб. 1998) 191.

Таким образом, в 106 г. римляне, по-видимому, реально аннексировали только примыкавшую к Сирии северо-восточную часть с Бострой и Филадельфией/Амманом.⁸⁵ Остальная территория в данный момент не представляла для них особого интереса и вполне могла быть предоставлена Малиху. К концу II века (Петра – уже к 114 г.)⁸⁶ она тоже вошла в состав провинции.⁸⁷ Попутно мы можем уточнить датировку *Перипла*: между 106 (гибель Раббеля и его старшего сына Обода с последующей аннексией) и примерно 114 г.

Я не придаю здесь особого значения текстологическим трудностям (см. *ПЭМ* 104 прим. 94), но о них все же нужно сказать несколько слов. Дело в том, что в гейдельбергской рукописи Pal. Gr. 398 IX/X ss. читается εἰς Πέτραν πρὸς Μαλίχαν βασιλέα ἀναβαταίως. Ναβαταίων – это всего лишь конъектура, хотя и совершенно очевидная; к тому же последнее слово написано второй рукой, а в Bg. M. Add. 19391 XIII/XIV ss. этот этноним вообще отсутствует. Объяснение этому есть: копиист палатинской рукописи оставил свободное место после βασιλέα (он так делал в трудных случаях, так как он работал с рукописью IV в., написанной курсивом и с глоссами на полях, см. *ПЭМ* 19), и архетип британского списка скопировал это место до того, как вторая рука заполнила лакуну, т. е. уже в X в.

Оставив пока в стороне искаженный этноним, я хотел бы привлечь внимание к более важному факту – отсутствию артикля перед именем набатейцев. Ведь в именной группе “царь таких-то” он необходим, ср. надпись на кресте, *Матф.* 27, 37 ΟΥΤΟΣ ΕΣΤΙΝ Ο ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΤΩΝ ΙΟΥΔΑΙΩΝ, ср. *Марк* 15, 26, *Лука* 23, 38, *Иоанн* 19, 19.⁸⁸ Я полагаю, что артикля нет по той причине, что слова “царь набатейцев” были первоначально глоссой IV в. и стояли на полях, причем этноним был

⁸⁵ См. Retsö. *The Arabs in Antiquity* (прим. 52) 448 п. 9 с дальнейшей литературой.

⁸⁶ В 114 г., видимо, в ходе очередной реорганизации, Петра стала метрополией, см. текст надписи: Bowersock (прим. 9) 85, п. 28, а также документы из архива Бабаты с упоминанием буле Петры (там же). О Петре см. также Bennett (прим. 21) 181–182.

⁸⁷ См. выше. Попытка Ж. Пиренн найти во второй половине II в. н. э. в Петре царя с тем же именем Малих (J. Pirenne. Un problème-clef pour la chronologie de l'Orient: la date du “Périple de la Mer Érythrée” // *JA* 249 [1961] 441–459, особенно 450–451, со ссылкой на: eadem. *Le royaume sud-arabe de Qataban* [Louvain 1961] 187–193), видимо, неудачна, см. *ПЭМ* 222 прим. 2.

⁸⁸ Артикль обязателен перед этнонимами и географическими названиями не только в древне-, но и в новогреческом: официальный титул Ольги Константиновны (1851–1926, сестра К. Р.), супруги первого короля Греции Георга, был βασιλίσσα τῶν Ἑλλήνων.

написан сокращенно (суспенсией); вторая рука забыла добавить артикль, неправильно раскрыла суспенсию и добавила α из окончания предыдущего слова. Таким образом, наш Малих (или Малиха!), будучи сыном последнего царя набатейцев Раббеля II (71–106), с точки зрения римлян был, вероятно, не царем, а всего лишь этнархом.

V. Траян и Индия (... ut fines Indiae vastaret, Eutr. VIII, 3)

Как мы видели выше (см. раздел I), в античной историографии начиная по крайней мере с Диона Кассия (возможно, и много раньше) утвердилось мнение, что Траян мечтал о походе в Индию, по стопам Александра Великого. Это парадоксальное мнение – императоры ранней Империи, кроме, пожалуй, Нерона, были трезвыми прагматиками – перешло и в новую историографию⁸⁹ (позиция Дж. Беннетта более нюансирована).⁹⁰

Суровую отповедь этим кривотолкам дал Теодор Моммзен.⁹¹ И следующее поколение прислушалось к его словам. Впрочем,

⁸⁹ XIX в. – Н. Schiller (1887); J. de la Berge (1877); Joh. Dirauer (1868) и т. д. Любопытно, что эта традиция возрождается у наших современников, см., например, Wenning (прим. 71) 99 (“...der visionäre Plan Trajans, in der Nachfolge Alexander d. Gr. den Osten... dem Westen/Rom zu unterwerfen”), но ср. Longden. Notes... (прим. 13) 29. Александра припоминает Траяну и А. Берли, см.: A. R. Birley. *Hadrian. The Restless Emperor* (London – New York 1997) 73 (“an obsession, it might almost be called”) и далее. Но поход самого Александра на Восток все же не приписывают желанию молодого македонского царя превзойти гомеровского Ахилла, которому Александр при первой же возможности лично воздал почести.

⁹⁰ См. Bennett (прим. 21), ch. XIII: “Parthicus”, 186–207. Автор целиком возлагает на Траяна вину за начало войны (191–193, 215), но он далеко не в восторге и от последующих действий Адриана: в 117 г. Траян явно был отравлен – он сам это подозревал, и вместе с ним умер от такого же внутреннего кровотечения его 28-летний кравчий и секретарь, Марк Ульпий Федим (205); адаптация произошла за два дня до смерти не без участия жены Траяна Плотины – сам император хотел предоставить выбор преемника сенату (205–206); Адриан не только сдал все завоеванные провинции к возмущению сената, но и избавился от всех выдающихся сподвижников Траяна, вскоре загадочно ушедших из жизни: Корнелия Пальмы, Публилия Цельса, Авидия Нигрина и мавританца Лусия Квиета (206–207).

⁹¹ Th. Mommsen. *Römische Geschichte*. Bd. V. *Die Provinzen von Caesar bis Diocletian* (Berlin 1909) 397–403. Он настаивал на том, что Траян был втянут в войну с Парфией, царь которой начал хозяйничать в Армении. Его план переноса границы с Евфрата на Тигр логичен (Месопотамия была наполовину

у А. фон Домашевски были и свои резоны уважать Траяна: подготавливая свою монографию,⁹² он объездил всю провинцию Аравия и мог воочию лицезреть результаты деятельности офицеров императора. Соответственно, глава о Траяне в его “Истории Римской империи” местами представляет собой настоящий панегирик, очень искренний и впечатляющий.⁹³ То же самое можно сказать и о Р. Парибени, с той лишь разницей, что он написал книгу не о провинции, а о самом императоре.⁹⁴ В этом же ключе работал и англичанин П. Лонгден.⁹⁵ Что же касается автора до недавнего времени единственной послевоенной монографии о Траяне румына Эужена Чизека (1980),⁹⁶ то тут все ясно заранее: имя Траяна вошло в румынское народное сознание, с ним связывают не только происхождение самого народа от римских колонистов (*tata Traian*), но и ряд древних сооружений, в частности остатки вала к северу от Дуная, откуда рум. *troian* ‘сугроб’ и *troieni* ‘заметать снегом’.⁹⁷

К сожалению, упоминаемые Евтропием планы атаки индийского пограничья почитатели Траяна всерьез не обсуждали.⁹⁸

эллинизированной) и вполне в духе Юлия Цезаря (высшая похвала для Моммзена); наконец, торговля с Индией и Китаем оказывалась под полным контролем Рима. Так что никакого “завоевательства” не было и в помине (*keine Eroberungslust*, S. 403). Однако в своих лекциях Моммзен излагал противоположную точку зрения, см.: Th. Mommsen. *Römische Kaisergeschichte*. Hgg. von B. und A. Demandt (München 1992) 389–390.

⁹² См.: E. Brünow, A. v. Domaszewski. *Die Provincia Arabia I–III* (Strassburg 1904–1909).

⁹³ A. von Domaszewski. *Geschichte der römischen Kaiserzeit II* (Leipzig 1922) 71–85.

⁹⁴ R. Paribeni. *Optimus Princeps I–II* (Messina 1926–1927) и *idem. L'Italia imperiale* (Storia d'Italia illustrata II, Verona 1938) 291–344.

⁹⁵ См. прим. 13.

⁹⁶ См. прим. 10.

⁹⁷ O. Bîrlea. *Folclorul românesc. Momente de sinteză I–II* (București 1983) 130–133 (Траян как непревзойденный строитель мощных дорог и прочих сооружений), 383 (колядка *plugușor*). См. также А. Hașdeu. *Etymologicum Magnum III*, 3136. Есть, однако, и другие мнения, например, А. Cioranescu. *Diccionario etimológico rumano* (Tenerife 1958) 861 s. v. *troian* (ров, “Траянов вал”, сугроб): “El recuerdo de Trajano no se ha conservado en las tradiciones populares rumanas”, ср.: O. Densușianu. *Istoria limbii române I* (București 1961) § 114, 177–178. Но ср. *DLR (Dicționarul limbii române)* XI (1983) 644 b s. v.: “De la numele topic *Troian*”. См. также: Л. В. Соколова. ТРОЯН в “Слове о полку Игореве” // *ТОДРЛ* 44 (1990) 325–362, особ. 328–332.

⁹⁸ Например, Longden. *Notes...* (прим. 13) 28 n. 2 (приводит мнение Плутарха – *Plut. Pomp.* 70 – что Помпею и Цезарю, если бы они действовали вдвоем, хватило бы 70 тыс. солдат для покорения Индии).

Есть два варианта объяснения:

1) исторический вымысел

а) источника, т. е. Мария Максима (см. выше), что недоказуемо, или

б) самого Евтропия: авантюризм Траяна отмечали не только Дион Кассий и Фест (см. выше), но и сам император Юлиан,⁹⁹ к которому автор *Бревиария* относился с особым пиететом;

2) исторический факт, а именно, борьба с пиратами и (или) вмешательство в местный конфликт, см. *ПЭМ* 161–163, прим. 252 (*PME* 52, см. ниже, раздел VI, 3), о чем косвенно свидетельствуют индийские посольства в Рим¹⁰⁰ и захват Адена, несомненно, с целью создать военно-морскую базу на Индийском океане (см. раздел III).

Последняя версия, разумеется, кажется мне наиболее предпочтительной. Траян действительно очень заботился о торговле с Индией, о чем свидетельствует не только Дион Кассий (Cass. Dio LVIII, 29, 1),¹⁰¹ но и прорытый в Египте канал,¹⁰² и сам флот на Красном море. В этом контексте рассматриваемая нами фраза Евтропия – Eutr. *Brev.* VIII, 3, 2: In mari rubro classem instruit – должна пониматься шире, чем обычно: эскадра не Красного моря, а Индийского океана (и Красного моря включительно). Дополнительным резонансом в пользу такой интерпретации будут а) упомянутый в начале статьи пассаж Тацита (Tac. *Ann.* II, 61, 2: exin ventum Elephantinen ac Syenen, claustra olim Romani imperii, quod nunc rubrum ad mare patescit)¹⁰³ и б) сам

⁹⁹ См. написанную Юлианом в 362 г. мениппову сатиру *Symposion* или *Kronia*, обычно именуемую *Caesares*: Iul. *Opera omnia*, ed. C. Hertlein (Lipsiae 1875–1876) 294–332, а также *RE* 10 (1917) 71–72 Nr. 14. На первое место автор (устаи собранных на пир олимпийских богов) ставит Марка Аврелия, затем Александра Великого и только потом Траяна. Выдержки с именем Траяна см.: *FHDR* (*Fontes historiae Dacoromanae* = *Izvoarele istoriei României*) II (București 1970) 28–30 (греческий текст и румынский перевод); R. Vulpe. *Traian* (București 1971) 162–163 и др. (только перевод).

¹⁰⁰ Cass. Dio LVIII, 15 (это сообщение помещено после завоевания Дакии и присоединения Аравии, *ibid.* 14). Посольства в древнем мире, как правило, связаны с просьбами; здесь речь явно шла о военной помощи, как и в случае с Харибаилом (см. раздел III).

¹⁰¹ Cass. Dio LVIII 29, 1: “Видя корабль, плывущий в Индию, сказал, что вообще-то он поплыл бы и к индусам, будь он помоложе. Ибо он думал и об индусах и их делами слишком много занимался (καὶ τὰ ἐκεῖνων πράγματα ἐπολύπρᾶγμανοι) и завидовал Александру”.

¹⁰² Ptol. IV, 5. См. выше, раздел I, прим. 17; Bennett (прим. 21) 275 n. 19.

¹⁰³ См. прим. 1. В своих статьях я доказываю, что rubrum mare, Красное море = Индийский океан, т. е. limes в это время виртуально проходил по Баб-эль-Мандебскому проливу.

Перипл Эритрейского моря – это, разумеется, перипл Индийского океана (*ПЭМ* 10), и очень вероятно, что своим возникновением он обязан если не прямому заказу, то пожеланию Траяна¹⁰⁴ – император и его флот нуждались в нем больше всех.

VI. Парфяне и саки в *Перипле*

Другой аспект этого римского Drang nach Osten – борьба с Парфией. Он ощущается не только у Диона Кассия, Евтропия и других историков, но и в *Перипле*. Речь идет, разумеется, о ситуации перед непосредственным военным конфликтом. Мы рассмотрим в этой связи три пассажа.

1. Восточная Аравия (*РМЕ* 33)

В *Перипле* вроде бы отмечается присутствие парфян на южном побережье Аравии: “за гаванью Мосха ... до Асихона тянется ... гора, и напротив ее оконечности лежат один за другим семь островов, называемые острова Зенобия, за которыми тянется другая варварская страна, но не этого же царства, а уже Персии” (*ПЭМ* 55).

На первый взгляд, территория к востоку от Асихона – нынешний султанат Оман – принадлежала в данный момент не Хадрамауту, а Парфии (парфян нередко называли персами).¹⁰⁵ Любопытно, что об этой стране вообще ничего не сообщается; судя по всему, она не имела собственного царя (управлялась парфянским наместником и/или племенными вождями?). Римские суда явно проплывали мимо, останавливаясь только на острове Сарапис (совр. Масира), который описан в *Перипле* весьма подробно (римская statio navalis?).

К сожалению, Бухарин не дает примечаний к нашему пассажи, что лишь отчасти компенсируется полутора страницами в разделе об относительных датировках *Перипла* (*ПЭМ* 235–237). Там говорится, что термин “Персия” надо понимать не в политическом, а в геогра-

¹⁰⁴ Правление Траяна несомненно способствовало расцвету литературы (Тацит, Плиний Младший, Светоний, Дион Хризостом, Плутарх и другие), см.: Bennett (прим. 21) 134–139. Здесь можно вспомнить и Арриана, посвятившего свой *Перипл Понта Эвксинского* Траяну, см. Приложение.

¹⁰⁵ См.: D. T. Potts. The Parthian Presence in the Arabian Gulf // *The Indian Ocean in Antiquity*. Ed. by J. Reade (London 1996) 269–285, особ. 278 с литературой; *ПЭМ* 235–236 и прим. 5 (там почему-то не упоминается Кассон, который между прочим полагал, что Персия, будучи практически независимым от Парфии царством со своей собственной монетой, реально контролировала всю эту часть аравийского побережья вплоть до Оманы [*РМЕ* 36], см.: Casson, *РМЕ*, 174).

фическом смысле: так именовали Восточную Аравию, видимо, еще с середины I тыс. до н. э. Это якобы следует из сообщения Геродота (III, 97), что “Арабы (Ἀράβιοι) доставляли [в дар Дарию] ежегодно тысячу талантов ладана”. – Но ладан производился, как известно, в Хадрамауте, так что о каких арабах идет здесь речь? – Существеннее Страбон (XVI, 4, 25): “...самый лучший ладан добывают близ Персиды” (имеется в виду все тот же Хадрамаут). Однако о реальном парфянском контроле можно говорить лишь начиная с 40-х годов II в. н. э. (монета царя Мередата с надписью ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΟΜΑΝ).

Все это требует дополнений и уточнений.

Поттс начинает свой список свидетельств парфянского присутствия в регионе с рассказа Плиния о победе над парфянами Нумения,¹⁰⁶ наместника Месены при одном из последних Селевкидов; спор шел за контроль над Ормузским проливом, т. е. за путь в Индию.¹⁰⁷

Далее он переходит к Мередату, который был сыном Пакора II (78–105) и царем Харакены/Месены, до 151 г. все еще остававшейся под римским протекторатом.

Под Оманом Поттс понимает отнюдь не нынешний султанат, а город, упоминаемый Плинием и неким Главком, жившим, видимо, во второй половине II в. н. э.¹⁰⁸ Оба свидетельства далеко не однозначны. Плиний сначала говорит о племени оманов, обитавших во внутренней Аравии;¹⁰⁹ затем, описывая с севера на юг арабское побережье Персид-

¹⁰⁶ Хараkene (по городу Харакс) или Месене – это область Месопотамии от слияния рек-близнецов до Персидского залива (совр. Басра). Благодаря болотам и дамбам она, как Голландия в новое время, долго – до 151 г. – сохраняла независимость. В 116 г. ее царь Аттамбел сразу стал на сторону Траяна, см. G. W. Bowersock. *La Mésène (Māishān) Antonine // L'Arabie préislamique et son environnement historique et culturel. Actes du colloque de Strasbourg 13–17 juin 1987*. Éd. par T. Fahd (Travaux du Centre de recherche sur le Proche-Orient et la Grèce antique 10, Strasbourg 1987) 159–168 (преувеличенная оценка весьма сомнительных достижений Адриана: через 30 лет Мессене была окончательно потеряна, и вскоре Рим снова воевал с Парфией; граница по Евфрату себя не оправдала).

¹⁰⁷ Plin. VI, 152: Macae, horum promunturium contra Carmaniam distat L. p. (= п-ов Мусандам рядом с Ормузским проливом). mira res ibi traditur: Numenium, ab Antiocho rege Mesenae praepositum, ibi vicisse eodem die classe aestuque reverso iterum equitatu contra Persas dimicantem et gemina tropaea eodem in loco Iovi et Neptuno statuisset; Potts (прим. 105) 277–278.

¹⁰⁸ Главк, автор *Арабской археологии*, дошел до нас только благодаря цитатам в словаре Стефана Византийского (VI в.), см.: F. Jacoby. *Glaukos* 37 // *RE* 7 (1910) 1420; Retsö. *The Arabs in Antiquity* (прим. 52) 439: “...at least after AD 250 and probably much later”.

¹⁰⁹ См. Plin. VI, 145: a Petra incoluere Omani ad Characen usque, oppidis quondam claris a Samiramide conditis Abaesamide et Soractia; nunc sunt solitudines

ского залива, после острова Тюлос (нын. Бахрейн)¹¹⁰ называет города оманов Батрасававы и Оману.¹¹¹ Первый из этих двух городов находился где-то около п-ва Мусандам;¹¹² соответственно, и Омана должна быть где-то рядом.¹¹³ Вызывает недоумение географическая отдаленность городов от их племени. Юба эти города не упоминает; что за источники были здесь у Плиния, не очень понятно. Кроме того, буквально через две строки описание прерывается списком названий арабского берега Красного моря (Mochorbae, гавань Мекки, ср. Ptol. VI, 7, 32) и т. д. вплоть до сабеев и их порта Окелис, откуда плывут в Индию (151) – начиная со 152 параграфа мы возвращаемся в Персидский залив.¹¹⁴

Непросто и с Главком. Глосса Стефана Византийского помещает Оману в Счастливой Аравии.¹¹⁵ Спасает лишь то, что рядом стоит глосса с эваленами, явно жителями острова Тюлос (арабское название Аваль/Оваль; есть и другие), т. е. Бахрейн.¹¹⁶ Фактически ошибка допущена Стефаном, но все это не очень убедительно.

(“От Петры вплоть до Харакены землю населили оманы с некогда славными городами Абесамидой и Сорактией, основанными Семирамидой; теперь это пустыня”), ср. Ptol. VI, 7, 24 (только упоминание); A. Grohmann. Omani // *RE* 18 (1939) 344.

¹¹⁰ См.: O. Stein. Tylos 2 // *RE* 7 A (1948) 1732–1733. Его хорошо знали начиная с *Перупла* Неарха.

¹¹¹ Plin. VI, 149: Ultra navigationem incompertam ab eo latere tradit Iuba propter scopulos praetermissa mentione oppidi Omanorum Batrasavaves et Omanae, quod (oppidum – А. Ч.) priores celebrem portum Carmaniae fecere – “Далее, как сообщает Юба, плавание не исследовано из-за рифов; он не упоминает город оманов Батрасававы и саму Оману, которую предыдущие писатели представили как славный порт Кармании”. Юба, царь Мавритании (около 50 до н. э. – 24 н. э.), среди прочих сочинений написал для похода Кая Цезаря в Аравию (1 до н. э. – 4 н. э.), в котором он сам участвовал, περὶ Ἀραβίας, см.: W. Strzelecki. Iuba 3 // *Der kleine Pauly* II, 1494. Кармания – нын. Ларистан на юге Ирана, граничит с востока с Белуджистаном/Гедрозией древних.

¹¹² См.: Grohmann (прим. 109) 344, 50 слл. со ссылкой на А. Т. Вильсона.

¹¹³ См.: *Barrington Atlas of the Greek and Roman World* (Princeton 2000), Asia occidentalis 3 (Омана попадает на Дубай). Любопытно, что эту часть аравийского побережья издавна называли “Пиратским берегом” (Османская империя его не контролировала), пока англичане не установили свой протекторат (отменен в 1971 г.).

¹¹⁴ Причина очевидна: перемещение листов архетипа. К сожалению, соответствующий том издания *Естественной истории* в “Les Belles Lettres” до сих пор не появился. Любопытно, что в ряде так называемых deteriores отмечается “лакуна” VI, 148–152, см.: L. D. Reynolds (ed.). *Texts and Transmissions* etc. (Oxford 1983) 314, а также: D. J. Campbell, Two MSS. of the Elder Pliny // *AJP* 57 (1936) 118.

¹¹⁵ См. фрагмент 6 *FHG* 674 Steph. Byz. s. v. Ὀμᾶνα· πόλις τῆς Εὐδαίμονος Ἀραβίας etc., что, на мой взгляд, не говорит в пользу Персидского залива.

¹¹⁶ См. фрагмент 4 (там же): Εὐαληνοὶ ἔθνος, περὶ οὗ φησι Γλαῦκος κτλ.

Омана Плиния и (привязываемого к нему) Главка – далеко не единственный город с таким именем. Есть еще по крайней мере два других.

Первый – это Оман Птолемея: Ὀμάνων ἐμπόριον (Ptol. VI, 7, 36; VII, 22, 12), фигурирующий в списке городов Счастливой Аравии и локализуемый в заливе Омана (совр. залив Эль-Камар “Лунный”).¹¹⁷ Сюда вполне можно отнести оманов современника Августа Исидора из Харакса,¹¹⁸ а также Оману Главка.¹¹⁹

Второй (третий по общему счету) – это Омана *Перипла* (PME 27 и 36–37), расположенная на побережье Индийского океана “в шести переходах от [Ормузского] пролива” (см. карту в конце *ПЭМ*).¹²⁰ Трудно сказать, находилась ли она на территории Кармании, как сообщает Плиний (см. выше) или на западе Гедрозии. Совпадение названий с заливом и Оманом Птолемея поразительно. А. Громанн считал, что она была основана оманитами, некогда контролировавшими не только одноименный залив, но и всю восточную Аравию¹²¹ (сейчас эмиграция идет в обратном направлении – все едут в Оман, Катар и Эмираты).

К монете Мередата из всех трех Оманов может иметь отношение только первый, но парфянское присутствие на юго-востоке Аравии достаточно доказывается свидетельствами Страбона и *Перипла* (см. выше). Мнение большинства ученых (*ПЭМ* 235–237), что упоминание Персии носит сугубо географический характер, мне кажется ошибоч-

¹¹⁷ См.: A. Dietrich. Omanon // *Der kleine Pauly* IV (1979) 297: “Weihrauchhafen an der S.-Küste Arabiens, an der Bucht von Omana beim h. Gaida oder weiter östlich usw.”, т. е. совр. Джаруб (Йемен) или Тальфут (Оман). Эта локализация, разумеется, предположительна, см. ниже. Залив Омана упоминается только в *Перипле*: PME 32 – залив Омана, лежащий сразу за мысом Сиагр (κόλπος ... Ὀμανα).

¹¹⁸ Lucian. *Makrobioi* 17: Γοαῖσός δέ, ὥς φησὶν Ἰσίδωρος ὁ Χαρακηνός, ἐπὶ τῆς ἐαυτοῦ ἡλικίας Ὀμάνων τῆς ἀρωματοφόρου βασιλεύσας (“Гоайс, как говорит Исидор Харакенский, при его жизни царствовавший над оманитами из Ладаноносной страны”), см. Lucien. *Œuvres. T. II. Opusc. 11–20. Texte ét. et tr. par J. Bompaire* (Paris 1998) 32. Локализация внутри страны или на побережье здесь неясна.

¹¹⁹ Бухарин соединяет Плиния с Птолемеем и помещает Оману в районе Кувейта, поближе к оманитам (*ПЭМ* 120 прим. 132: “северо-восточнее Χάργαθα (Ptol. VI, 7, 36); т. е. аль-Харджа”. Однако на карте Птолемея Харгата и Омана расположены гораздо западнее, к северо-востоку от сабейцев, см.: Klaudios Ptolemaios. *Handbuch der Geographie. Griech.-deutsch.* Hrsg. v. A. Stückelberg u. G. Graßhoff. 2. Teil (Basel 2006) 874.

¹²⁰ О локализации см. *ПЭМ* 119 прим. 132. Два Омана, этот и первый, внутри Персидского залива, постулирует Й. Ретсё: Retsö. *The Arabs in Antiquity* (прим. 52) 430 n. 225.

¹²¹ Grohmann (прим. 109) 344, 55 ff.

ным: смысл фразы “не этого царства, а уже Персии” (*PME* 33 οὐκέτι τῆς αὐτῆς βασιλείας ἀλλ’ ἤδη τῆς Περσίδος) говорит о политике.

К тому же спустя сто с небольшим лет после похода Траяна Сасаниды, укрепившись в Персии, уже при Ардашире I (224–240) берут под свой контроль арабское побережье Персидского залива.¹²² Его преемник Шапур I в своей знаменитой трехязычной надписи (*Res gestae divi Saporis*) среди покоренных им стран упоминает не только Аравию, но и Оман.¹²³ И вся последующая история Восточной Аравии тесно связана с Персией.¹²⁴

2. Скифия и ее столица Миннагар (*PME* 38)

“Эта река (Инд) имеет семь устьев ... по другим плавание невозможно, кроме как по одному – посередине, на котором и стоит приморский рынок Барбарикон. Перед ним лежит маленький островок, а в глубине материка столица всей Скифии Миннагар, управляется же {Скифия} парфянскими царями, постоянно друг друга изгоняющими” (*ПЭМ* 56).¹²⁵

Скифией северо-западную часть Индии греки стали называть в первые века новой эры, когда саки и другие восточноиранские племена начали проникать в этот регион под натиском своих восточных соседей (будущих кушан), в конце II в. до н. э. вытеснивших их из Бактрии; те в свою очередь мигрировали под давлением гуннов.¹²⁶

Об индо-парфянских царях Бухарин сообщает очень скупо (*ПЭМ* 135 прим. 190; подробнее, но крайне сбивчиво – 237–239). Греко-римские источники помимо *Перипла* их не упоминают,¹²⁷ за исключением

¹²² T. Daryaee. Persian Presence in the Persian Gulf and in the Arabian Peninsula (2003) // Tarikh, March, <http://www.Persiangulfonline.org/research/Tarikhjournal.pdf> 1-12

¹²³ *Ibid.* 3.

¹²⁴ История современного Омана тоже знает два периода подчинения Персии: в VI в. (их освободили западные соседи, аад/ямана = Йемен) и в 30-х годах XVIII в.; наконец, в конце XIX в. в Оман мирно переселились белуджи (30 тыс., они составили костяк армии) и персы, см.: С. И. Брук. *Население мира. Этнодемографический справочник* (Москва 1986) 408–410.

¹²⁵ *PME* 38: ...κατὰ νότον ἡ μητρόπολις αὐτῆς τῆς Σκυθίας Μινναγάρι βασιλεύεται δὲ ὑπὸ Πάρθων, συνεχῶς ἀλλήλους ἐκδιωκόντων.

¹²⁶ *ПЭМ* 134 прим. 184 упоминает только Индоскифию Птолемея (Ptol. VII, 1, 55). См. еще: Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. *Индия в древности* (Москва 1985) 390 слл. (гл. XVII. “Кушанская империя”), а также *ПЭМ* 148 прим. 231 с литературой.

¹²⁷ Гораздо больше повезло индо-греческим царям, в особенности Менандру (155 г. до н. э. – около 130 г. до н. э.), см. Strab. XI, 516; XV, 685 sq.; 697 sq. и др. Он

Гундофара, по легенде принявшего крещение от апостола Фомы,¹²⁸ но их имена встречаются на монетах, к сожалению, плохо датированных. Найти остатки Миннагара пока не удалось.¹²⁹ Но новые надписи этого региона и периода появляются на свет довольно часто, так что есть надежда на прогресс и в этом вопросе.¹³⁰

Кто с кем именно сражался за Миннагар, сейчас не так уж важно. Важнее другое: приход кушан в долину Инда датируется приблизительно концом I в. н. э.¹³¹ Из этого следует: 1) парфянские распри на деле могли быть борьбой парфян и кушан (последние неизвестны автору *Перипла*); 2) кушане участвовали в распрях косвенно, поддерживая тех или других, и 3) это событие, возможно, восходит к какому-то более раннему (чем начало II в.) источнику (периплу).¹³²

Южнее начинается Индия, как отмечает *Перипл* (*РМЕ* 41). На самом деле это еще не Индия, а оттесненные парфянами саки – Ариака, царство Манбана/Нахапаны, известного по надписям. Их столица Миннагара находится в глубине страны (см. выше), но они еще располагали и важным городом Баригазой (= Броач в Камбейском заливе к северу от Сурата, Сюнрастрены *Перипла*),¹³³ едва ли не самым

оставил след даже в литературе на пали благодаря своему интересу к буддизму, см.: Бонгард-Левин, Ильин (прим. 126) 390, 679–680; J. Derrett. *Menandros* 6 // *Der kleine Pauly* III 1198–1199 и *ПЭМ* 150–152 прим. 236.

¹²⁸ См.: Бонгард-Левин, Ильин (прим. 126) 393, 681 (Гондофар и царь Таксилы Фраат в *Жизнеописании Аполлония Тианского* Филострата); Е. Н. Мещерская. *Деяния Иуды Фомы (культурно-историческая обусловленность раннесирийской легенды)* (Москва 1990) 235, указатель имен s. v. *Гундофар* (пять персонажей с таким именем).

¹²⁹ См. *ПЭМ* 134–135 прим. 189. Птолемей знает его как Βινάγαρα (Ptol. VII, 1, 61). Он находился где-то в низовьях Инда, так как товар с кораблей перегружался в Барбариконе и отправлялся на лодках в столицу (*РМЕ* 39).

Нужно упомянуть, что и столица соседнего царства Ариаки (им управлял Манбан) называлась также Μινναγώρα (*РМЕ* 41). Манбана отождествляют с царем саков Нахапаной (примерно 40–70), известным по монетам и надписям (*ПЭМ* 141–142 прим. 207). Если min, как считают некоторые, означает “Скифия”, то Миннагар – “город Скифии” (*ПЭМ* 142 прим. 211). Так или иначе, очевидно, что парфяне пришли в долину Инда позже саков и оттеснили последних на юг. Возможно, саки основали и первый Миннагар и второй, в память о первом.

¹³⁰ См.: Бонгард-Левин, Ильин (прим. 126) 393–394 и 681 прим. 45, а также: G. Fussmann. L’inscription de Rabatak et l’origine de l’ère Śaka // *JA* 286/2 (1998) 571–651, особ. 631.

¹³¹ “...после 60-х годов I в. н. э.” (там же, 398 и 685 прим. 88); “середина I в. н. э.” (*ПЭМ* 238 – очень неубедительно у Бухарина, ср. его же таблицу кушанских царей на с. 310).

¹³² См. Приложение.

¹³³ См. *ПЭМ* 90–91 прим. 68 и карту 13 в Casson *РМЕ*, 212.

упоминаемым портом *Перипла*. О их южной границе сообщается в следующем эпизоде.

3. Сандан и Баригаза (*РМЕ* 52)

“Местные рынки... Акабару, Суппара и город Каллиена, который во времена предыдущего {царя} Сарагана был рынком, где все шло по закону; однако после того, как его захватил Сандан, он стал на большом протяжении труднодоступен; ведь случайно заплывающие в эти места эллинические корабли под охраной отводятся в Баригазу” (*ПЭМ* 59).

Этот очень важный и очень темный пассаж ясен по крайней мере в плане географии: Каллиена, яблоко раздора, – это совр. Кальян (*ПЭМ* 157 прим. 252),¹³⁴ лежащий на реке Ульхас (к северу от Бомбея/Мумбаи). Кто такие Сараган и Сандан, неизвестно; их идентификации посвящена огромная литература. Так как последний отводил захваченные корабли в Баригазу, он должен иметь какое-то отношение к сакам и их царю Манбану/Нахапане¹³⁵ (соправитель, преемник, сатрап?).¹³⁶ Эти саки, и в частности сам Нахапана, воевали со своими южными соседями андхрами (телугу/андхра, юго-восточная группа дравидийской языковой семьи), чьей столицей был город Пайтана (*Παίθανα РМЕ* 51, совр. Пайтан или Хайдарабад). Стало быть, Сараган скорее всего был андхром.¹³⁷

Далее, почему эллинические корабли, прежде заходившие в Каллиену, теперь оказываются там только случайно (τὰ ἐκ τύχης ... ἐσβάλλοντα πλοῖα Ἑλληνικά)? Обычно это объясняют торговой войной между саками и андхрами (*ПЭМ* 160–163 прим. 252). На мой взгляд, предпочтительнее две другие гипотезы:

1. Баригаза страдала от муссонного пути, оставлявшего ее в стороне; римские караваны шли на юг, в Лимерику, и саки караулили

¹³⁴ Санскр. Kalyāṇa ‘Красивый’, ср. гр. καλός, κάλλος.

¹³⁵ См. выше, раздел VI/2, прим. 129.

¹³⁶ Его имя возводят к санскр. sātavāhana, династийному имени андхров (*ПЭМ* 159, см. также след. прим.). Однако вряд ли следует считать его андхром – это окончательно запутает проблему. Возможно, он был сыном андхрской принцессы и даже имел какие-то права на занятые им города.

¹³⁷ Одна из пещерных надписей в Насике повествует о том, что Сатавахана (= царь андхров) Васиштхипутра (сын Васиштхи) Шри Пулумави в 19-й год своего правления нанес сакам поражение: ...khakharātavasa niravasesakarasa (15) sātavāhanakulayasapatithāpana (16) (“...искоренил расу кшахаратов и восстановил славу сатаваханов”) (*ПЭМ* 159 прим. 252). Этого царя отождествляют с упоминаемым Птолемеем (Ptol. VII, 1, 82 – там же 156 прим. 248; 160 прим. 252) Сиро-Птолемеем.

заплутавшие “муссонные” суда; отсюда, возможно, и сам *Drang nach Süden* саков;

2. Имела место какая-то спланированная из центра (Александрии и Рима) торговая политика; напрашивается связь с индийским посольством к Траяну (см. выше, раздел V); возможно, это были андхры,¹³⁸ просившие помощи против саков, и последние подверглись, как сейчас говорят, экономическим санкциям,¹³⁹ на что они ответили своего рода каперством; попутно мы извлекаем еще одну относительную датировку *Перипла* – после индийского посольства к Траяну (даже существенно позже). Но мы не знаем характера отношений Нахапаны и Сандана.

Так или иначе, Траян, если он хотел способствовать развитию торговли с Индией (а он хотел), должен был учитывать присутствие парфян в Восточной Аравии и в устье Инда, а ситуация в Каллиене вообще требовала прямого вмешательства, т. е. наличия в регионе римского флота.¹⁴⁰

Заключение

Подводя итоги, я хотел бы подчеркнуть, что вопрос о римской эскадре на Красном море решается пока еще путем анализа литературных источников: текстов Евтропия и Феста (разделы I и V), сообщения *Перипла* о захвате Адена (III) и присутствии парфян и саков на морских торговых путях (VI), ироничной фразы Диона Кассия об интересе Траяна к Индии (Cass. Dio LVIII, 29, 1, см. раздел V) и, не в последнюю очередь, знаменитого пассажа Тацита (Тас. *Ann.* II, 61, 2, см. прим. 1 и 103). Все эти свидетельства поддерживают и дополняют друг друга. Первое (дата основания эскадры) и последнее (граница империи при Траяне по Тациту) более или менее точно датируются, что позволяет датировать и архиважный *Перипл* тем же периодом – примерно 110–115 гг. н. э. Набатейский царь Малих, как мы показали (раздел IV), этому не препятствует.

¹³⁸ Как известно, к Августу в свое время прибыли послы самого южного из тамильских царств – Пандья (*Res gestae divi Augusti* 36, 5, 50–51), см. *ПЭМ* 169 прим. 274.

¹³⁹ Эти санкции должны были распространяться и на Баригазу, что не упоминается. Термин “эллинские” тоже требует комментария. Судя по всему, все торговые суда Рима в этом регионе были греческими.

¹⁴⁰ Учитывать приходилось и пиратов, закрывавших путь в Лимерику (*РМЕ* 53 – их базы были на островах). Их упоминают и Плиний и Птолемей (Plin. VI, 104; Ptol. VII, 1, 7), см. *ПЭМ* 166 прим. 264.

Эпиграфика вопроса (II) пока скудна и не дает окончательного подтверждения наших выводов. Но это, как и археология, практически неистощимый источник. Находка фарасанской надписи *AE* 2004: 1643 – залог новых сенсационных открытий.¹⁴¹

Но уже сейчас можно утверждать, что красноморско-индийская линия восточной политики Траяна носит вполне целенаправленный характер. Нильский канал, аннексия набатейского царства (?), фарасанский порт (?), эскадра на Красном море (= Индийском океане), Аден и, может быть, сам *Перипл* – все это звенья одной цепи, устремленной к Индийскому океану и самой Индии. А вот то, что Траян оказался на берегу Персидского залива, было чистой случайностью, и напрасно исследователи связывали и связывают этот факт с появлением красноморской эскадры. Вина лежит на *Бревиариях* Евтропия и Феста, где два этих разновременных события оказались рядом.¹⁴²

ПРИЛОЖЕНИЕ

Кем был автор *ПЭМ*?

Автор – один из тех неразрешимых вопросов, которые нельзя обойти молчанием.

Палатинская рукопись (главная и фактически единственная, см. раздел IV) приписывает наш перипл Арриану; в рукописи он назван вслед за *Периплом Черного моря* (3. *Arriani de venatione*; 4. *Eiusdem epistula ad Traianum qua periplus Ponti Euxini continetur*; 5. *Eiusdem Periplus Maris Rubri etc.*, см. *ПЭМ* 17), но сравнение обоих текстов этого авторства не подтверждает: Арриан писал на литературном языке, а наш перипл написан на позднегреческом, близком к языку Нового Завета. В наше время, выбирая между торговцем, капитаном и чиновником, склоняются в сторону последнего (*ПЭМ* 12–16, 212). Во всяком случае, автор был образованным человеком (он использовал Геродота в рассказе о Бактрии: *РМЕ* 47, см. *ПЭМ* 144–148

¹⁴¹ Раскопки в Адене не принесли пока ничего существенного, как и Сокотра, но есть еще о. Масира, см. выше, раздел VI, 1. Помимо фарасанского порта должны были существовать и другие военно-морские базы римлян.

¹⁴² Я заканчиваю тем, с чего П. Лонгден начал свою статью: “The evidence is, of course, fragmentary; it is scattered, and much of it is of inferior quality” (Longden. Notes... [прим. 13] 1). Как показывает данная работа, история красноморской эскадры от ее возникновения в начале II в. до второй половины IV в. реконструируется буквально по крохам.

прим. 231). На мой взгляд, он был таможенником из Береники (см. *РМЕ* 1 (с комм.), ср. *ПЭМ* 71 прим. 10 и *РМЕ* 19 (с комм.), где этот порт фигурирует как точка отсчета, см. весь пассаж в разделе IV). Эту гипотезу в свое время высказал В. Х. Шофф.¹⁴³

Автор обработал более ранние описания и рассказы корабелов, но мог и сам побывать в Индии – хотя, видимо, не дальше Нелькинды на юго-западном побережье полуострова (*ПЭМ* 13).

А. Б. Черняк

Институт лингвистических исследований, РАН

В статье исследуется сообщение Евтропия об учрежденном Траяном флоте на Красном море (*Eutr. Brev.* VIII, 3, 2: *In mari Rubro classem instruit, ut per eam Indiae fines vastaret*). После разбора свидетельств Евтропия и Феста (который тоже упоминает об этом событии), а также оценок современных ученых анализируется эпиграфический материал, в первую очередь – недавно найденная на архипелаге Фарасан римская надпись 144 г. (*AE* 2004, no. 1643). Рассматривая сообщение *Перипла Эритрейского моря* о том, что “Цезарь разрушил (или покорил) Адану/Аден” (*РМЕ* 20), автор приходит к выводу, что под Цезарем следует понимать Траяна (гл. III). Поскольку это противоречит общепринятой датировке *Перипла* 70–90 гг. н. э., автор обращается к этому вопросу. Датировка *Перипла*, помимо пассажа о захвате Адена, зависит от понимания фразы “в Петру к царю Малиху” (*РМЕ* 19). Под последним обычно понимают Малиха II (60–75 гг.); однако не исключено, что имелся в виду его одноименный внук, которого после аннексии набатейского царства в 106 г. римляне могли посадить этнархом в Петру, а позднее (в 114?) переместить на юг, в Хегру. Титул Малиха “царь набатейцев” в *РМЕ* 19 автор считает поздней глоссой. В результате автор датирует *Перипл* временем между 106 и 114 гг. (гл. IV).

В гл. V “Траян и Индия” подчеркивается интерес императора к восточной торговле, следствием чего была как война с Парфией, так и эскадра на Красном море/Индийском океане. В гл. VI “Парфяне и саки в *Перипле*” рассматриваются: 1) присутствие парфян в Восточной Аравии; 2) распри парфянских царьков в долине Инда (следствие вторжения кушан?); 3) морская политика саков, отправлявших все торговые суда в Баригазу. Все вышеупомянутое требовало присутствия римского флота в этих водах. В Приложении поддерживается гипотеза Шоффа, согласно которой автором *Перипла* был некий таможенник из Береники, самого южного римского порта на Красном море.

¹⁴³ W. H. Schoff. *The Periplus of the Erythraean Sea* (New York 1912 [repr. 1995]) 55, см. *ПЭМ* 68 прим. 4 (критически).

The article discusses the passage of Eutropius about the fleet established by Traian on the Red Sea (Eutr. Brev. 8. 3. 2 *In mari Rubro classem instruit, ut per eam Indiae fines vastaret*). The author analyses the evidence of Eutropius and Festus as well as relevant epigraphic material, in the first place the recently discovered Roman inscription from the Farasan archipelago dated from AD 144 (*AE* 2004, no. 1643). The author interprets the sentence from the *Periplus Maris Erythraei* (*PME*) 20 that “the Caesar destroyed (or conquered) Adane/Aden” as referring to Traian (ch. 3). Since this interpretation contradicts the commonly accepted dating of the *Periplus* to AD 70s – 90s, the author reassesses the problem of dating. Apart from the passage on the capture of Aden, the dating of the *Periplus* depends on the interpretation of the words “to Petra to Malich the king”. The latter is usually believed to be Malich II (AD 60–75); however, it might also have been his homonymous grandson, who was possibly sent by Romans to Petra as ethnarch of Nabateans (AD 114?) and later moved to Hegra. The Malich’s title “the king of Nabateans” (*PME*) is arguably a later gloss. As a result, the *Periplus* can be dated between AD 106 and 114.

In ch. 5 “Traian and India” the author explains Traian’s attention to India by his interest in Eastern trade, which resulted both in the Parthian war and in the establishing of a fleet on the Red Sea and Indian Ocean. In ch. 6 “Parthians and Saks in the *PME*”, the author discusses the following questions: 1) the presence of the Parthians in Eastern Arabia; 2) strife of the Parthian princelings in the valley of the Indus (due to the Kushans’ invasion?); 3) the naval policy of the Saks who convoyed all merchant ships to Barigasa. All these circumstances required the presence of the Roman fleet.

PER IL TESTO DEGLI *SCRIPTORES HISTORIAE AUGUSTAE**

A Bernd Seidensticker per il LXXV genetliaco

Il testo della *Historia Augusta* è stato edito criticamente nella sua integrità per l'ultima volta da Ernst Hohl.¹ L'edizione di Hohl è stata in parte migliorata da quella della collezione "Les belles lettres", edizione ben fatta e utile, ma ancora incompleta.² Anche le edizioni curate da D. Magie³ e P. Soverini,⁴ sebbene non vere edizioni critiche, contengono proposte interessanti e vanno sempre consultate.

Su alcuni passi non ancora chiari spero di poter gettar luce in questo articolo.

Hadrianus 15, 2: *Idem tamen facile de amicis, quidquid insusurrabatur, audivit atque ideo prope cunctos vel amicissimos vel eos quos summis honoribus evexit postea ut hostium loco habuit, ut Attianum et Nepotem et Septicium Clarum.* Come vide già Casaubon, *ut hostium loco habuit* non va; lo studioso elvetico propose *in hostium*, ovvero di espungere *ut*, mentre Callu e Desbordes⁵ hanno di recente proposto rispettivamente *vel*

* Ringrazio la redazione di Hyperboreus (N. Almazova, D. Keyer, A. Verlinsky) per osservazioni e suggerimenti.

¹ *Scriptores Historiae Augustae*, ed. E. Hohl (Leipzig ^{3/5}1971). Utilissimo è *Scriptorum historiae Augustae Lexicon*, confecit C. Lessing (Lipsiae 1901–1906).

² *Histoire Auguste*, texte établi et traduit et commenté par J. P. Callu, O. Desbordes, A. Gaden, F. Paschoud, S. Ratti, R. Turcan (Paris 1992–). Segnalo, in particolare, in questa edizione, alcune belle congetture di Callu e Desbordes e il ricchissimo commento storico e fontistico di Paschoud: la vasta competenza circa la storiografia tarda dello studioso elvetico ha reso un servizio davvero notevole allo studio della *Historia Augusta*. Vedi anche: J. Füngling, *Kommentar zur Vita Hadriani der Historia Augusta* (Bonn 2006); A. Lippold, *Kommentar zur Vita Maximini duo der Historia Augusta* (Bonn 1991); H. Brandt, *Kommentar zur Vita Maximi et Balbini der Historia Augusta* (Bonn 1996).

³ *The Scriptores Historiae Augustae*, with an English transl. by D. Magie (London – Cambridge, Mass. 1921–1932).

⁴ *Scrittori della Storia Augusta*, a cura di P. Soverini (Torino 1983).

⁵ O. Desbordes, "Les abbreviations, sources d'erreurs pour les copistes et ... les éditeurs", in: *Historiae Augustae Colloquium Genevense*, a cura di F. Paschoud (Bari 1999) 109–120.

hostium e *velut hostium*. Entrambe queste congetture sono assennate, ma io credo che la miglior soluzione sia l'espunzione di *ut* (cfr. *Pert.* 5, 6: *quod hominis loco fuit Pertinaci*; *Gord.* 15, 2: *legati loco ... habuerat*; *ib.* 30, 5: *loco Caesaris haberetur*; *ib.* 30, 6: *praefecti loco esset*; *Aurel.* 10, 2: *Caesaris loco habere instituerat*),⁶ tanto più che esso può facilmente esser nato dalla geminazione di quello immediatamente successivo.

Ib. 17, 12: *Cum a F<a>rasmane ipse quoque ingentia munia dona accepisset atque inter haec auratas quoque chlamydes, trecentos noxios cum auratis clamy[mi]dibus in harenam misit ad eius munera deridenda*. Il problema testuale è evidente: *munia dona* (sebbene accettato da Hohl) è senza dubbio corrotto; alcuni seguono Casaubon e correggono *dona* in *dono*, altri seguono Mommsen, che espunge *dona*. Anche *munia* crea problemi (indica infatti i doveri, non i doni), sicché Novák ha proposto *munera*. Io propongo *ingentissima dona accepisset*, per il superlativo di *ingens* cfr. *TLL* s. v. *ingens* 1536, 3 sqq.

Aelius 4, 5: *Nunc tamen cum eum consolaretur unus de litteratis, qu<i> aderat, ac diceret: "quid? Si non recte constellatio eius collecta est, quem credimus esse victurum?"*, *Hadrianus dixisse fertur: "Facile ista dicis tu, qui patrimonii tui, non rei p. quaeris heredem"*. L'oroscopo (*constellatio*) non prevedeva una lunga vita per Vero e questo inquietava Adriano, il quale non si lasciava consolare dai dubbi dei *litterati* circa la veridicità dell'oroscopo. Mi pare difficile accettare che il *litteratus* possa affermare di *credere* che Vero sarebbe vissuto più a lungo di quanto prevedeva l'oroscopo; sembra piuttosto che egli voglia insinuare dubbi su come l'oroscopo è stato interpretato, senza avere una sua idea sicura in proposito; questo è dimostrato dalla risposta di Adriano, che sembra rimproverare al *litteratus* troppa facilità nell'insinuare dubbi. Proporrei di leggere *quem <non> credimus esse victurum*.

Antoninus Pius 5, 5: *In Achaia etiam atque <apud> <A>egyptum rebelliones repressit*. Hohl scrive *<apud> <A>egyptum* per *egyptum* (**P**), mentre **Σ** ha *aegypto* (evidente congettura).⁷ La congettura di Hohl trova paralleli negli *SHA* (cfr. Lessing, s. v. *apud* A 3) ed è senza dubbio una buona congettura. Mi chiedo, tuttavia, se non sia meglio scrivere *per*

⁶ La congettura *in hostium loco* ha un unico parallelo (negli *SHA*) in *Heliog.* 20, 1 (*equestrem ordinem in nullo loco habens*), ma è un po' diverso; nessun parallelo negli *SHA* per le congetture di Callu e Desbordes.

⁷ È noto che **Σ** è un testimone imprescindibile, perché indipendente da **P**; tuttavia, **Σ** è fortemente interpolato, poiché il suo "autore" ha cercato di correggere *ope ingenii* tutto quello che non capiva. La ricostruzione del testo deve dunque sempre partire da **P**, testimone molto più onesto. Cfr. M. Mayer, "La vida de Petrinax y el manuscrito Pal. Lat. 899", *L'Antiquité tardive* 16 (2008) 169–175.

Aegyptum, espressione anch'essa ben attestata negli *SHA* (cfr. *M. Ant.* 21, 2; *Av. C.* 6, 7; *Pescenn.* 5, 5). Il vantaggio sarebbe paleografico, poiché *per* si abbreviava *p*. È vero che anche *apud* poteva abbreviarsi in *ap*, ma tale abbreviatura è molto più recente (s. XIII) di **P** e **Σ** (e quindi non può essere causa di una loro corruzione).⁸

Marcus Antoninus 5, 5: *Tunc primum pro Annio Aurelius coepit vocari, quod in Aureliam, hoc est Antonini, adoptionis iure transisset*. Io integrerei: <*familiam*>, *adoptionis*; cfr. *Verus* 2, 10 (*in familiam Aureliam traductus*).

Ib. 26, 3: *Apud Aegyptios civem se egit et philosophum in omnibus studiis, templis, locis*. Non mi soddisfa *locis*, poiché è troppo generico, dal momento che è stato appena detto *templis*. Avevo pensato *lucis* (cfr. e. g. *Herodot.* 2, 138, 3), ma A. Verlinsky mi suggerisce *iocis*, congettura senz'altro migliore e forse risolutiva.

Verus, 5, 7–8: *Et haec quidem post Parthicum bellum, ad quod eum misisse dicitur Marcus, ne vel in urbe ante oculos omnium peccaret, vel ut parsimoniam peregrinatione addiceret, vel ut timore bellico emendatior rediret, vel ut se imperatorem esse cognosceret*. Rispetto alla normale *Wortstellung* di *vel ut*, non si capisce *ne vel*; si legga dunque *vel ne in urbe*.

Avidius Cassius 10, 6–8: *"Ipsa iter tuum mox consequor: quia Fadilla nostra aegrotabat, in Formianum venire non potui. [...] Soteridam medicum in Formianum ut dimittas, rogo"*. Siamo qui all'interno di una lettera di Faustina a Marco Aurelio. Il presente *consequor* va senza dubbio mutato nel futuro *consequar* (cfr. *supra* 9, 11 *ipsa in Albanum cras, ut iubes, mox veniam* e 10, 7 *adsequar*). Il periodo *Soteridam ... rogo* è così tradotto da Magie: "Please send the physician Soteridas to Formiae". È davvero strano che Faustina dica questo a Marco, poiché egli si trova già a Formia, come si arguisce dal resto della lettera (cfr. 10, 6–7). Forse bisogna scrivere *in Formiano* e dare a *dimittere* il significato di *relinquere*, frequente negli *SHA* (cfr. Lessing, s. v. *dimittere*, c). Faustina pregherebbe così il marito di lasciare il medico Soterida a Formia.

Commodus Antoninus 5, 11: *Nec inruentium in se iuvenum carebat infamia, omni parte corporis atque ore in sexum utrumque pollutus*. Non va *inruentium*, poiché non si tratta di un'aggressione, ma di un atto sessuale; Mommsen proponeva *irrumantium*, ma forse è meglio *ineuntium* (cfr. *Hadr.* 4, 5; *Heliog.* 5, 1; *Quadr. tyr.* 12, 7).

Helvius Pertinax 2, 9: *Saepissime Pertinax a Marco et in contione militari et in senatu laudatus est, doluitque palam Marcus quod senator esset, praef. praet. fieri a se non posse[t]*. Hohl segue qui una proposta di Mommsen, ma non mi pare che la coordinazione *senator esset ... posse*

⁸ A. Cappelli, *Dizionario delle abbreviature latine e italiane* (Milano 1967) 18.

sia molto elegante. Io lascerei *posset*, ma integrerei *quod*, <cum> *senator*. Il *cum* causale qui andrebbe benissimo; anche in *Geta* 1, 5, nei manoscritti è caduto *cum* che segue *quod*.

Ib. 9, 10: *Eos, qui calumniis adpetiti per servos fuerant, damnatis [servis] delatoribus liberavit in crucem sublatis talibus servis, aliquos etiam mortuos vindicavit*. Jordan ha espunto *servis*, mentre altri lo hanno corretto. Si può forse pensare a un'altra soluzione e scrivere: *per servos fuerant, liberavit, in crucem sublatis talibus servis; aliquos etiam mortuos vindicavit, damnatis servis delatoribus*. In questo modo il periodo sarebbe assai più equilibrato.

Ib. 13, 2: *Fuit in curia honorificentissimus, ita ut senatum faventem adoraret et quasi praefectus urbi sermonem cum omnibus participaret*. Credo si debba leggere *in curia*<m> *honorificentissimus* (cfr. *TLL* s. v. *honorificus* 2940, 1 sqq.).

Didius Iulianus 2, 6: *Sed posteaquam in castra ventum est, cum Sulpiciano praef. urbi, socero Pertinacis, contionante sibiue imperium vindicante Iulianum e muro ingentia pollicentem nullus admitteret, primum Iulianus monuit praetorianos, ne[c] eum facerent imperatorem, qui Pertinacem vindicaret*. Non mi pare che *in castra* possa essere accolto: Didio Giuliano, infatti, non venne fatto entrare dentro i *castra*, ma rimase sulle mura, come il testo dice esplicitamente. Si legga *ad castra ventum est*: cfr. *Macr.* 3, 1; *ib.* 9, 3 (*qui ad templum veniebant*); *Ant. Diad.* 5, 6 (*ad incunabula eius venisset*); *Heliog.* 14, 5 (*itum est in hortos*).

Ib. 4, 8: *Multa igitur, quae Commodus statuerat, Pertinax tulerat, ad conciliandum favorem populi restituit*. Didio Giuliano reintrodusse (*restituit*) molte cose che erano state introdotte da Commodus e, successivamente, eliminate da Pertinace. Crea gravi problemi *ad conciliandum favorem populi*, poiché il popolo non rimpiangeva certo Commodus, ma Pertinace; il problema è già stato osservato da Shackleton Bailey (120),⁹ che scrive: “But it was the soldiers who regretted Commodus, the people were for Pertinax and his reforms”. Lo studioso anglosassone propone di espungere l'intero pezzo *multa igitur ... restituit*, ma io non vedo cosa avrebbe potuto spingere qualcuno a introdurre questo pezzo. Piuttosto, io propongo di correggere *populi* in *militis*; in effetti, reintrodurre i privilegi, che ai militari aveva dato Commodus, serviva appunto a guadagnare il favore dei *milites*. Lo scambio *populi* / *militis* non è difficile, poiché può esser nato come errore polare, data la frequente opposizione fra *populus* e *miles*. N. Almazova suggerisce di spostare la virgola da dopo *tulerat* a dopo *populi*, conservando il testo dei mss.

⁹ D. R. Shackleton Bailey, “Notes on the Historia Augusta”, *Eranos* 81 (1983) 117–130.

Ib. 6, 5: *Haec cum Iulianus videret, senatum rogavit, ut virgines Vestales et ceteri sacerdotes cum senatu obviam exercitui Severi prodirent et praetentis infulis rogarent, inanem <...> contra barbaros milites parans.* Il sostantivo caduto è stato ipotizzato essere *artem* (Rösinger), *rem* (Peter), *munus* (Hohl). Io proporrei *inane[m]* <agmen>; questo sostantivo è usato normalmente dagli storiografi latini (anche dagli *SHA*) per indicare una schiera di persone, che marciano.

Ib. 9, 1: *Obiecta sane sunt Iuliano haec: quod gulosus fuisset, quod aleator, quod armis gladiatoriiis exercitus esset, eaque omnia senex fecerit, cum antea numquam adulescens his esset vitiis infamatus.* Forse bisogna integrare *numquam* <neque> *adulescens*, poiché l'adolescenza è l'età in cui soprattutto sono presenti i vizi sopra elencati, non certo l'unica.

Severus 17, 7: *Nam et infinita multorum caede crudelior habitus.* Desta gravi sospetti *infinita multorum caede*; io congetturo *infinita inimicorum caede* (cfr. *Comm.* 14, 7: *vendidit nonnullis et inimicorum suorum caedem*). Anche paleograficamente, questa corruttela non è difficile da spiegare.

Ib. 20, 4–5: *Et reputanti mihi, Diocletiane Auguste, neminem facile [prope] magnorum virorum optimum et utilem filium reliquisse satis claret. 5 Denique aut sine liberis viri interierunt aut tales habuerunt plerique, ut melius fuerit de rebus humanis sine posteritate discedere.* Elio Sparziano parla qui dei figli dei grandi Imperatori, che spesso risultano cattivi Imperatori. È evidente che *viri* non va. Salmasius propone *veris*. Io propongo d'integrare *sine liberis* <isti> *viri*, che introduce il necessario dimostrativo; cfr. *Tac.* 13, 4 (*in isto viro*).

Ib. 24, 3–4: *Cum Septizonium faceret, nihil aliud cogitavit quam ut ex Africa venientibus suum opus occurreret et, nisi absente <e>o per[e] praefectum urbis medium simulacrum eius esset locatum, aditum Palatinis aedibus, id est <in> regium atrium, ab ea parte facere voluisse perhibetur.* È questo il penultimo periodo della *Vita Severi*. Io credo che *id est regium atrium* vada espunto, poiché nel corso della *Vita Severi* le *Palatinae aedes* sono nominate anche altre volte (cfr. e. g. 7, 2), senza che mai venga data la banalissima spiegazione che erano la *domus imperatoria*. Perché Elio Sparziano avrebbe dovuto dare questo chiarimento proprio alla fine? Supponendo che si tratti di una glossa penetrata dal margine del manoscritto nel testo, si può anche evitare di introdurre il supplemento <in>, poiché, in una glossa marginale, non c'era bisogno di scrivere la preposizione.

Pescennius Niger 2, 4: *Ad occidendum autem Nigrum primipilarem Iulianus miserat, stult[a]e ad eum qui haberet exercitus, se <t>ueri posset, proinde quasi qualis libet imperator a primipilario posset occidi.* Questo è il testo proposto da Tidner, ma l'asindeto *se <t>ueri posset* è durissimo. **P** ha *severi posset*, **Σ** *severi* (è evidente che qui *posset* è stato espunto per congettura). Gli antichi editori hanno *et se tueri posset*, mentre Helm

propone *ut se tueri posset*. Io propongo *se<que t>ueri posset*; in questo modo avremmo il vantaggio di intervenire sul testo in un solo punto (come Tidner), ma non avremmo lo sgradevolissimo asindeto; cfr. *Carac.* 5, 9 (*gloriatu est seque ad Herculis virtutem accessisse iactavit*); *Macr.* 2, 1 (*seque nunc Severum nunc Antoninum ... nuncupavit*).

Ib. 4, 7: *In vita sua Severus dicit se, priusquam filii sui id aetatis haberent, ut imperare possent, <a>egrotantem id in animo habuisse[t], ut, si quid forte sibi accidisset, Niger Pescennius eodem et Clodius Albinus succederent, qui ambo Severo gravissimi hostes extiterunt*. Non intendo *eodem*; Magie traduce “to appoint Pescennius Niger and Clodius Albinus as his heirs to the throne”, ma io dubito che *eodem* possa significare “to the throne”. Si emendi *eidem ... succederent*.

Ib. 9, 5–6: *Ac ne quid ex his, quae ad Pescennium pertinent, praeterisse videamur, licet aliis libris cognosci possint, de hoc Severo Septimio vates dixerunt, quod neque vivus neque mortuus in potestatem Severi venturus esset, sed iuxta aquas illi pereundum esset. Quod quidam dicunt ipsum Severum de mathesi, qua callebat, dixisse*. Forse *dixisse* va corretto in *didicisse*; cfr. *Sev.* 10, 7 (*a Pannoniacis auguribus comperit se victorem futurum, adversarium verum ... sed iuxta aquam esse periturum*). Per *disco* con *de* e l’ablativo cfr. *TLL* s. v. *disco* 1332, 9–10.

Clodius Albinus 3, 1: *His litteris acceptis Albinus facere id, quod iubebat, noluit, viden<s> Commodum propter mores suos, quibus rem pub. perdiderat et se dedecoraverat, quandocumque ferendum et timens, ne ipse pariter occideretur*. Hohl segue qui una proposta di Salmasius–Helm (*viden<s>*), mentre **P** ha *umen* (**Σ** ha *timens odiosum Commodum*; che non sia genuino basta a dimostrarlo *timens*, che ricorre poco dopo). Io, per la maggiore verisimiglianza paleografica, propongo *<prae>umen<s>* (si consideri che *prae* era abbreviato *p*). Per *praesumo* col gerundivo cfr. *TLL* s. v. *praesumo* 963, 16–18.

Ib. 9, 3–4: *Nam cum ultimo proelio commissum esset, innumeris suorum caesis, plurimis fugatis, multis etiam deditis, Albinus fugit et, ut multi dicunt, se ipse percussit, ut alii, servo suo percussus semivivus ad Severum deductus est – unde confirmatum est augurium, quod fuerat ante praedictum –, multi praeterea dicunt, a militibus, qu<i e>ius nece[m] a Severo gratiam requirebant*. Forse *a militibus <occisum>*, *qui eius?* In effetti, dopo *militibus* il testo è corrotto, come già riconosciuto dagli editori; dunque pare probabile che lì sia caduto anche un termine.

Ib. 11, 5: *Cum suis ei numquam convenit vel propter vinulentiam, ut dicit Severus, vel propter morum [vi] acrimoniam*. **P** ha *vi*, normalmente espunto dagli editori (**Σ** ha *viri*, evidente congettura). Io propongo *vi<m et> acrimoniam*; cfr. *Cic. In Verr.* 1, 52 (*si patris vim et acrimoniam ceperis*). D. Keyer suggerisce *vi<m atque> acrimoniam*.

Ib. 12, 6: “*Nihil mihi gravius potest evenire, p. c., quam ut vestrum iudicium Albinus haberet potius quam Severus*”. Questa lettera di Severo al Senato è di un periodo successivo alla morte di Albino e quindi dopo che il Senato aveva preferito Albino a Severo. Io credo si debba leggere *potuit evenire*; cfr. § 12: “*maior fuit dolor, quod illum pro litterato laudandum plerique duxistis*”.

Antoninus Caracallus 1, 4: *Non ille in litteris tardus, non in benevolentis segnis, non tenax in largitate, non lentus in clementia, sed sub parentibus, visus*. Davvero goffo mi pare *sed sub parentibus* (“at least while under his parents” traduce Magie). Io congetturo (ma con molti dubbi) *sed sub<itus> parentibus visus*, dando a *subitus* il significato di “acting with suddenness, impetuous” (cfr. *OLD* s. v. *subitus* 3) e facendo di *parentibus* un dativo.

Antoninus Geta 2, 7: “*Mirum mihi videtur, Iuvenalis amantissime[s], Geta noster divus futurus, cuius nihil imperiale in genitura video*”. **Σ** ha *amantissime*, mentre **P** ha *amantissimus*. Magie (che accoglie il testo di **P**) traduce: “It seems to me strange, my dear Juvenalis, that our Geta is destined to be a deified emperor”. Questo è senza dubbio il significato del passo, ma io credo che si debba supporre un’altra *Textgestalt*. Partendo dal testo di **P** (come sempre bisogna fare), io propongo, *Iuvenalis amantissime, si Geta noster divus futurus*. Per *mirum* e *si* cfr. *OLD* s. v. *mirus* 3 d; per la perifrastica attiva senza *esse* cfr. LHS 421 b.

Ib. 3, 1: *Iulia, quam idcirco Severus uxorem duxerat, quod eam in genitura habere compererat, ut regis uxor esset, isque privatus, sed iam optimi in re p. loci*. Magie traduce: “Iulia, whom Severus married because he found out that her horoscope showed that she should be the wife of a king, while he was still only a subject, though he held even then an excellent place in the state”, ma io non intendo *isque privatus*, poiché non capisco come si possa avere qui un pronome che si riferisce a Severo; si legga *idque privatus*, riferendo il pronome *id* a *quod ... compererat* (per questo uso di *idque* cfr. e. g. *Heliog.* 19, 7).

Ib. 6, 7: *Quod dictum altius in[tere] p<ec>tus Bassiani descendit*. **P** ha *intereptus* (**Σ** interpola *interemptus*); **P^{corr}** ha corretto in *pectus*, generalmente accolto dagli editori, e per cui Wölfflin cita Sall. *Iug.* 11, 7 (*quod verbum in pectus Iugurthae altius ... descendit*). È probabilissimo che il richiamo a Sallustio sia intenzionale, ma non è sicuro che Elio Sparziano volesse riprodurre ogni parola di Sallustio. Forse *altius intra pectus Bassiani*? cfr. e. g. Plaut. *Truc.* 44 (*intra pectus se penetravit potio amoris*).

Opilius Macrinus 3, 6–7: *Inde est quod se et Severus “Antoninus” vocavit et plurimi fecerunt, ut Pertinax et Iulianus et idem Macrinus; 7 et ab ipsis Antoninis, qui veri successores Antonini fuerunt, hoc nomen magis quam proprium retentum est*. Giulio Capitolino ha fatto l’elenco degli Imperatori, che portavano il nome di *Antoninus*, dai quali esclude i Gordiani.

Non intendo il significato di *inde*: io sospetto che prima sia caduto qualcosa, ove si diceva che il nome *Antoninus* suscitava buoni ricordi ed era caro a tutti; in questo modo *inde* risulterebbe giustificato. Credo dunque si debba indicare una lacuna prima di *inde*. A. Verlinsky suggerisce d'intendere il periodo *nec inter ... non Antonini* come parentetico.

Antoninus Diadumenus 5, 1: *His diebus, quibus ille natus est, mathematici accepta genitura eius exclamaverunt et ipsum filium imperatoris esse et imperatorem, <quasi> mater eius adulterata esset, quod fama retinebat*. Turcan traduce: “Dans les jours qui suivirent sa naissance, les astrologues ayant tiré son horoscope s'écrièrent qu'il était fils d'empereur et empereur, ce qui donnait à penser que sa mère était cupable d'adultère”. Questa traduzione è senz'altro corretta, ma nel testo bisogna fare una piccolissima trasposizione e scrivere: *exclamaverunt ipsum et filium*.

Antoninus Heliogabalus 2, 1: *Hic tantum Symiamirae matri deditus fuit, ut sine illius voluntate nihil in re p. faceret, cum ipsa meretricio more vivens in aula omnia turpiter exerceret, Antonino autem Caracallo stupro cognita, ita ut hic vel Varius vel Heliogabalus vulgo conceptus putaretur*. Mi sembra goffo *autem*, poiché Elio Lampridio accumula qui una serie di dati sulla impudicizia della madre di Eliogabalo. Si legga *Antonino etiam Caracallo*; per la confusione *autem* / *etiam* cfr. *TLL* s. v. *etiam* 925, 25–26 e *infra* p. 335.

Ib. 9, 3: *Prodebatur autem per eos maxime, qui dolebant sibi homines ad exercendas libidines bene vasatos et maioris peculii opponi*. Forse *praeponi*? Cfr. *Maxim.* 11, 4 (*qui sibi doluit illum esse praepositum*).

Ib. 12, 2: *Ad vicensimam hereditatum mulionem curare iussit, iussit et cursorem, iussit et cocum et claustrarium artificem*. Non risulta che *curare* possa essere costruito con *ad* (cfr. *TLL* s. v. *curo* 1503, 11–33); credo quindi che *ad* prima di *vicesimam* vada espunto; esso sarà nato per geminazione di quello con cui inizia il periodo precedente.

Ib. 13, 5: *Ipse secessit ad hortos Spei veteris, quasi contra <in>nocent<te>m iuvenem vota concipiens*. Eliogabalo finge che Alessandro Severo lo voglia uccidere e per questo *vota concipit* contro di lui. *Innocentem* è pessima congettura di Helm, per il tràdito *novum*: è, infatti, evidente (lo dimostra *quasi*) che Elio Lampridio riferisce qui quello che Eliogabalo voleva che fosse creduto, cioè che Alessandro Severo era *nocens*, non certo *innocens*! Migliori son dunque le congetture *nocuum* (Walter) e *nocivum* (Bährens). Nessuno di questi termini è tuttavia usato dagli *SHA*. Io propongo di scrivere *noxium*, usato anche altrove nella *Historia Augusta* (*Hadr.* 17, 12; *Heliog.* 25, 8). I termini *novus* e *noxius* sono confusi anche altrove.¹⁰

¹⁰ Cfr. C. M. Lucarini, “Per una nuova edizione critica di Curzio Rufo (II)”, *Hyperboreus* 15 (2009) 319.

Alexander Severus 2, 4: *Primus denique et omnium cuncta insignia et honorificentiae genera simul recepit*. Così scrive Hohl (senza nulla dire in apparato), mentre Peter omette il primo *et* (senza nulla dire in apparato). È probabile che Peter abbia seguito un qualche editore precedente, che ha eliminato *et* senza dirlo. In effetti, *et omnium* non può andare (cfr. *Hel.* 9, 1: *primus omnium*; *ib.* 29, 5; *Gord.* 4, 4). Tuttavia, la soluzione più economica non è espungere *et*, ma trasporlo e scrivere *primus denique omnium et cuncta insignia et honorificentiae* (per quest'uso di *et* ... *et*, cfr. Lessing s. v. *et* C).

Ib. 4, 6: *Huic sors in tem<plo> Praenestinae talis extitit*. Non credo si possa dire *Praenestina* in luogo di *Fortuna Praenestina* o *dea Praenestina*. Se non si può, si legga *in tem<plo> Praenestino*; cfr. *Ant. P.* 8, 3 (*lavacrum Ostiense ... templa Lanuviana*).

Ib. 15, 2: *Ipsas deinde tribus et eos, qui militaribus nituntur pra<e>rogativis, purgavit et Palatium suum comitatumque omnem abiectis ex aulico ministerio cunctis obscenis et infamibus*. È assurdo che il *Palatium* venga definito *suum*; di questo si è accorto Magie, che (pur mantenendo il testo trádito) traduce: “then he purified ... and the Palace, too, and all his own suite”. Si scriva dunque *purgavit et Palatium comitatumque suum omnem* (cfr. *Ant. P.* 7, 11: *comitatum principis*; *Verus*, 7, 6: *comitatum suorum*; *ib.* 7, 8: *comitibus suis*).

Ib. 25, 5: *Oceani solium primus imper<ator> appellavit, cum Traianus id non fecisset, sed diebus solia deputasset*. Hohl segue qui la congettura di Peter *imper<ator>* (**P** ha *inter*), mentre altri preferiscono la congettura di **P^{corr}** *inter principes*. Dato che *imperator* veniva abbreviato *imp*, io suggerisco: *primus inter <imperatores>*; cfr. *Sev.* 11, 4; *Carac.* 3, 4.

Ib. 29, 5: *Sane si necessitas cogeret, ante lucem actibus operam dabat et in longam horam producebat neque unquam taediavit aut morosus aut iratus resedit, fronte semper pari et laetus ad omnia*. Non intendo *resedit*; Magie traduce “never growing weary or giving up in irritation or anger”, ma non credo che *resido* possa significare “to give up”. Io congetturo *respondit*; il verbo *respondere* si lega infatti spesso ad aggettivi o avverbi che indicano se il modo di rispondere è gentile o sgradevole (cfr. *Nep. Paus.* 3, 3; *Phaedrus* 4, 20. 8).

Ib. 35, 1: *Oratores et poetas non sibi panegyricos dicentes, quod exemplo Nigri Pescennii stultum ducebat, sed aut orationes recitantes aut facta veterum ca[m]ne<n>tes liben[i]ter audivit, libentius tamen, si quis ei recitavit Alexandri Magni laudes aut [h]i<t>e<m> bo<no>rum retro principum aut magnorum urbis Romae virorum*. Hohl accoglie la congettura di Helm *aut [h]i<t>e<m> bo<no>rum retro principum*, ove i mss. hanno *aut hieborum* (**P**), *aut meliorum* (**P^{corr}**), *aut heroum* (**Σ**). È ovvio che bisogna partire dalla lezione di **P**, poiché le lezioni di **P^{corr}** e

Σ sono chiaramente congetture (talvolta accolte dagli editori). Considerata la facilità con cui si confondono *b / v* e che anche la confusione *d / h* non è impossibile, io propongo *aut divorum retro principum*. Cfr. 29, 2: *in larario suo, in quo et divos principes sed optimos electos et animas sanctiores [...] habebat*.

Ib. 47, 3: *Et si forte gravius laborarent, per civitates et agros patribus familias hones<tior>ibus et sanctioribus matronis eos distribuebat reddens impendia quae fecissent, sive convaluissent illi seu perissent*. La congettura *hones<tior>ibus* (Salmasius) è stata generalmente accolta; i manoscritti hanno *hominibus*. Per la maggiore verisimiglianza paleografica, io scriverei *humanioribus*; cfr. *Aurel.* 25, 1 (*parens humanior atque clementior*); *Pert.* 4, 3 (*mitissimus et humanissimus fuit*).

Id. 52, 3: *Severitatis autem tantae fuit in milites, ut saepe legiones integras exauctoraverit ex militibus Quirites appellans nec exercitum umquam timuerit, idcirco quod in vitam suam dici nihil posset, quod umquam tribuni vel duces de stipendiis militum quicquam accepisset, dicens...* Nonostante gli editori accettino il testo tràdito, già Mommsen e Bährens avevano osservato che esso è corrotto; Mommsen propone *posset, neque umquam tribuni*, Bährens *posset <et> quod <n>umquam*. In realtà, la prima parte delle due congetture, quella cioè che cerca di evitare l'asindeto fra le due proposizioni mi pare si possa evitare, poiché gli asindeti nella *Historia Augusta* non sono rari,¹¹ ma certo ha ragione Bährens a volere *<n>umquam*. Scriverei dunque: *posset, quod <n>umquam*.

Ib. 64, 3: *Reprehensa sunt in Alexandro haec: quod Syrus esse nolebat, quod aurum amabat, quod suspiciosissimus erat, quod vectigalia multa inveniebat, quod se Magnum Alexandrum videri volebat, quod nimis severus in milites erat, quod curas <de> privatis agebat. Quae omnia in re p. instituerat*. L'ultima frase è incomprensibile; Magie segue una proposta di Madvig (*curis privatis agebat quae omnia in r. p. inst.*) e traduce: "he conducted all public business on his private responsibility", mentre Shackleton Bailey propone *quae omnia salva re publica instituerat*. La proposta di Madvig non mi convince per ragioni stilistiche e quella di Shackleton Bailey introduce un'apologia di Alessandro Severo da parte di Elio Lampridio, di cui non si capisce il senso. Una delle accuse che venivano mosse sia a Eliogabalo sia a Alessandro Severo era di essere

¹¹ Cfr. E. Tidner, *De particulis copulativis apud Scriptores Historiae Augustae quaestiones selectae* (Uppsala 1922). Tidner (come tutti gli studiosi svedesi della scuola di Löfstedt) è certo troppo disposto ad accettare asindeti e anomalie, che invece vanno eliminate.

soggetti al volere delle loro madri (cfr. *Heliog.* 2, 1). Io congetturo una lacuna prima di *quae*, nella quale vi era una menzione di Mamea, la madre di Alessandro Severo; in questo caso *quae* si riferirebbe appunto a Mamea ed Elio Lampridio direbbe che, fra le accuse rivolte ad Alessandro, vi era quelle di concedere eccessivo potere alla madre, la quale (*quae*) dirigeva ogni cosa pubblica (*omnia in re p. instituerat*).

Ib. 68, 3: *Et hos quidem malorum cohors depulerat, quae circumvenerat Alexandrum primis diebus, sed prudentia iuvenis occisis atque depulsis et amicitia ista sancta convaluit.* Forse dopo *depulsis* bisogna indicare lacuna. (A. Verlinsky suggerisce d'espungere *et*.)

Maximini duo 1, 5: *Hic de vico Thraeciae vicino barbaris, barbaro etiam patre et matre genitus, quorum alter e Gothia, alter ex Alanis genitus esse perhibetur.* Uno dei due *alter* credo vada mutato in *alter<a>*; se era la madre ad essere alana (cfr. Lippold, n. 2, 296), bisognerà leggere *alter<a> ex Alanis*.

Ib. 3, 3: *Tum volens Severus explorare, quantus in currendo esset, equum admisit multis circumitionibus, et cum senex imperator laborasset neque ille a currendo per multa spatia desisset, ait ei[s]...* Così traduce Magie: "Maximinus after many turns had not stopped running". Credo che questa traduzione sia l'unica possibile, ma, se è così, bisogna scrivere: *currendo post multa spatia desisset*. La confusione di *post* e *per* è facilissima, poiché entrambi si abbreviavano con la sola lettera *p*.

Ib. 3, 6: *Hinc igitur factus conspicuus, inter milites clarus, amari a tribunis, a commilitonibus suspici, impe<t>rare ab imperatore quod vellet, locis etiam militiae a Severo adiutus, cum esset peradulescens. Locus militiae* significa "rango militare" (cfr. Lessing s. v. *locus* B 3 e Lippold, *op. cit.*, 322). È goffo l'ablativo legato ad *adiutus*. Forse *locis etiam militiae a Severo admotus*? Cfr. TLL s. v. *admoveo* IV: *de promotione hominum ad dignitates, magistratus*.

Ib. 5, 1: *Fuit igitur sub homine impurissimo tantum honore tribunatus, sed numquam ad manus eius accessit.* Non capisco *fuit*; come costruirlo con l'ablativo? Escluderei un *ablativus qualitatis*. Forse *functus igitur*? Per *fungi honore*, cfr. *Tyr. trig.* 25, 2; *Prob.* 24, 2.

Ib. 6, 3: *calciamenta quin etiam ipse prospiciebat, prorsus ut autem patrem militibus praeberet.* Non si intende *autem*; sebbene Lessing (s. v. p. 45 b) non sia certo che sia corrotto, sia Bährens che Petschenig lo hanno creduto tale e hanno proposto di correggerlo rispettivamente in *alterum* e in *amantem*. Io credo che si debba correggere in *etiam*, paleograficamente probabile, data la frequenza dello scambio fra *autem* ed *etiam* (cfr. TLL s. v. *etiam* 925, 25–26 e *supra* p. 332). La presenza di *etiam* nella frase precedente non deve disturbare, poiché nella *Historia Augusta* non sono rare le ripetizioni dello stesso termine a breve distanza; cfr. e. g. 31, 5

(eorum), *Gord.* 26, 2–3 (*sedatum* / -o); *Gall.* 4, 3 (*ludibriis* / -a); *ib.* 10, 2–3 (*statim*).

Ib. 7, 4: *Nam cum in Gallia esset et non longe ab urbe quadam castra posuisset, subito inmissis militibus, ut quidam dicunt, ab ipso, ut alii, tribunis barbaris, Alexander ad matrem fugiens interemptus est. Si integri ut alii, <a> tribunis barbaris.*

Ib. 17, 6: *Alia[s] sane die admissis amicis, qui eum videre non poterant sed tacebant et qui factum senatus tacite laudabant, consilium habuit, quid facto opus esset.* È evidente che il testo è corrotto, poiché è assurdo dire che gli *amici* non potevano tollerare (*videre non poterant*)¹² Massimino. Oberdick propone di correggere *videre* in *vitare*, Hohl in *non adire*. Io correggerei *amicis* in *aulicis*. Il termine *aulicus* è usato più volte nella *Historia Augusta* per indicare i cortigiani, e talvolta si dice che essi odiavano l'Imperatore (cfr. *Pertinax* 11, 5; *ib.* 14, 6); cfr. anche *Val.* 6, 1: *Decius ... omnes aulicos convocavit.*

Ib. 20, 1: *Senatus Maximini et naturalem et iam necessariam crudelitatem timens mortuis duobus Gordianis Maximum ex praefecto urbi et qui plurimas dignitates praecipue gessisset, ignobilem genere sed virtutibus clarum <et Balbinum>, moribus delicatiorem, imperatores creavit.* Il supplemento <et Balbinum> (**P^{corr}**) è senza dubbio necessario, ma non credo sia sufficiente, poiché mi pare probabile che Giulio Capitolino abbia scritto qualcosa anche sulla nobile prosapia di Balbino (cfr. *ignobilem genere* a proposito di Massimo e Herodi. 7, 10, 4). Credo dunque che la lacuna sia più ampia di quella ipotizzata dagli editori.

Ib. 24, 1: *Hic finis Maximinorum fuit, dignus crudelitate[s] patris, indignus bonitate filii. Quibus mortuis ingens laetitia provincialium, dolor gravissimus barbarorum.* La morte di Massimino il Trace fu accolta con gioia dai Romani, ma con dolore dai barbari. Credo che bisogni integrare: *laetitia <Italicorum et> provincialium*: tanto Giulio Capitolino, quanto la sua fonte (Erodiano), affermano sempre che la massima insofferenza contro Massimino fu in Italia e non è credibile che, alla fine della narrazione, Capitolino abbia ommesso di citare le popolazioni italiane. Non si può nemmeno supporre che in *provinciales* fossero compresi anche gli Italiani; cfr. *Had.* 4, 10.

Ib. 26, 3: *"Maximini nomen olim erasum nunc animis eradendum".* Per ragioni stilistiche credo si debba integrare *nomen <monumentis> olim*, cfr. *Comm.* 20, 5: *nomenque ex omnibus privatis publicisque monumentis eradendum.* Anche i dati storici confermano questa integrazione; infatti

¹² Per *videre non posse* = *odisse*, cfr. J. Vahlen, *Opuscula academica* II (Lipsiae 1908) 265.

il Senato aveva dichiarato la fine dell'impero di Massimino (e quindi l'erasione del suo nome dai monumenti) dopo la rivolta dei Gordiani, ben prima dunque che Massimino morisse (dunque *olim* risulta meglio giustificato, se si integra <monumentis>).

Ib. 27, 3: *nam usus est magistro Graeco litteratore Fabillo, cuius epigrammata Graeca multa et extant.* È evidente che *et* va espunto.

Ib. 28, 8: *Et quoniam ad Maximi<num> s<enior> revertimur, res iucunda praetereunda[m] non est.* Giulio Capitolino ha già iniziato a narrare la vita del figlio di Massimino, ma decide qui di tornare a parlare, per poche righe, del padre. L'*usus* richiede che dopo *quoniam* si abbia un perfetto, non un presente (cfr. *Av. C.* 4, 1; *Comm.* 20, 4; *Carac.* 7, 3; *Alex. Sev.* 38, 1; *Claud.* 13, 1; *Aurel.* 15, 3; *Probus* 11, 1). Si emendi dunque *revertimus* (nella *Historia Augusta* son usati indifferentemente *revertor* e *revertor*).

Gordiani tres 3, 3: *Scriptis praeterea, quemadmodum Virgilius Aeneidos et Statius Achilleidos et multi alii <Alexan>dridos, ita etiam ille Antoniniados.* Il titolo <Alexan>dridos è congettura di Helm (già Unger proponeva *Alexandriados*), per il tràdito *elidos* / *yliados*; Eyssenhardt propone *Iliados*. La congettura di Eyssenhardt è paleograficamente perfetta, ma non risulta che *multi* abbiano scritto un poema intitolato *Ilias*. Le congetture di Unger e Helm sono da questo punto di vista migliori, poiché le imprese di Alessandro furon cantate da molti poeti; tuttavia, paleograficamente, esse sono assai deboli. Data la grande fortuna del personaggio di Ercole presso i poeti, io propongo di scrivere *alii Heracl(e)idos* (cfr. *Arist. De arte poet.* 8).

Ib. 13, 8: *Atque parum fuit quod senatus iudicaverat, illud populi iudicium fuit, quod occisi tracti sunt et in cloacam missi.* Congetturo *quo occisi tracti sunt*; cfr. *Gall.* 11, 3: *vanitate illa, qua et civis adscribi desiderabat*; *Tyr. trig.* 3, 7: *more illo, quo Galli novarum rerum semper cupidi sunt*; *Aurel.* 18, 4: *in illo autem timore, quo Marcomanni cuncta vastabant*; *Ib.* 23, 2: *iuxta illud dictum, quo canem se relicturum apud Tyanos negarat.*

Ib. 14, 1: *"Sacрати commilitones, immo etiam mi consecranei, et quorum mecum plerique vere militatis, dum nos a Germania Romanam defendimus maiestatem, dum nos Illyricum a barbaris vindicamus, Afri fidem Punicam praestiterunt".* Massimino si rivolge qui ai propri soldati, per esortarli a combattere contro Gordiano e il Senato di Roma che lo appoggia. Non è possibile che egli dica *quorum mecum plerique vere militatis*; è ovvio che egli si rivolge qui a quei soldati che erano stati suoi commilitoni, allorché egli era ancora un soldato (i quali saranno stati una parte di quelli che in quel momento lo ascoltavano). Si scriva dunque *vere milita<s>tis* (anche Magie traduce: "who have, most of you, fought with me").

Ib. 19, 9: *Contra Dexippus putat eius filium esse Gordianum tertium, qui post hoc cum Balbino et Puppieno sive Maximo puerulus est adeptus imperium.* Giulio Capitolino sta qui parlando di Gordiano II e dice che Dessippo pensava che Gordiano III fosse suo figlio. Gordiano III successe nell'Impero a Gordiano II: io credo che si debba leggere *qui post hunc cum Balbino*. Il pronome *hic* è spesso usato nella *Historia Augusta* per indicare l'imperatore di cui si sta parlando (cfr. *Max. et Balb.* 5, 2). L'espressione *post hoc* / *post haec* indica invece, di solito, quello che accade immediatamente dopo la cosa, di cui si sta parlando (cfr. 22, 7; 23, 3), significato che non va bene nel nostro passo.

Ib. 20, 3: *Qui quidem et seni et iuveni et diem et genus mortis et loca, quibus essent perituri, opstinata constantia e veritate praedixit.* I manoscritti hanno *constantiae veritate*, mentre Hohl segue qui una congettura di Bährens; Peter propone *constantia veritatis*. A me pare che la soluzione più semplice sia scrivere: *constantia e<t> veritate*, dando a *veritas* il significato di “disposition to speak the truth, truthfulness, frankness” (OLD s. v. *veritas* 6).

Ib. 21, 4: *Quae qui velit scire, ipsum legat Cordum, qui dicit, et quos servos habuerit unusquisque principum et quos amicos et quot paenulas quotve[l] clamydes, quorum etiam scientia nulli rei prodest.* Non capisco perché Giulio Capitolino abbia posto *etiam* prima di *scientia*. Io lo trasporrei e scriverei *quotve etiam clamydes* (N. Almazova osserva che *etiam* potrebbe essere trasposto anche prima di *quot paenulas*). Cfr. *Max. et Balb.* 4, 5 (*Cordus vero tam multa, ut etiam pleraque vilia et minus honesta perscripserit*); *ib.* 6, 1 (*et quoniam etiam minora plerique desiderant*).

Ib. 24, 4: “*Diis igitur gratias, quod volente tete ipso emendata res p. est*”. *Tete* è congettura di Hohl per il tràdito *inte*; io congetturo *imperatore ipso*, dato che *imperator* veniva abbreviato *imp*; cfr. anche *Maxim.* 9, 4 (*imperatore ipso praesente iam dicta sunt*).

Ib. 28, 2: *Cuius viri [scil. Misithe] tanta in re p. dispositio fuit, ut nulla esset umquam <ci>vitas limitanea potior et quae posset exercitum p. R. ac principem ferre, quae totius anni in aceto, frumento et larido atque hordeo et paleis condita non haberet, minores vero urbes aliae triginta dierum, aliae quadraginta, nonnullae duum mensium, quae minimum, quindecim dierum.* Bährens propose giustamente di correggere *umquam* in *usquam*, sicché qui Giulio Capitolino parli dell'aspetto geografico, non temporale, del provvedimento di Misiteo: cfr. 29, 2: *Misitheus tantum ubique, quantum diximus, habuerat conditorum, ut vacillare dispositio Romana non posset*.

Ib. 31, 7: *Denique Philippus, cum eum interfecisset, neque imagines eius tollere neque statuas deponere neque nomen <ausus> abradere, sed divum semper appellans etiam apud ipsos milites, cum quibus factionem fecerat, serio animo et peregrina calliditate veneratus est.* Magie traduce

l'ultima frase "with a mixture of serious spirit and the shrewdness of an alien"; io credo che la *peregrina calliditas* si contrapponga semplicemente alla *Romana fides* (Filippo non era di origine romana). Inoltre, non intendo serio. Data la frequente confusione, in insulare,¹³ fra *s* e *p*, io congetturo *perfidio animo*; cfr. *Aurel.* 21, 2: *et causa quidem huius periculi perfidia et calliditas barbarici fuit motus*.

Ib. 32, 7: *Cogitaverat praeterea cum Misitheo, ut post basilicam thermas aestivas sui nominis faceret, ita ut hiemales in principio porticu<u>m poneret, [s]intus[u] essent viridaria vel porticus*. Hohl segue la congettura di Madvig *intus* per *sine usu* (P), mentre Helm suggerisce *sed intrinsecus*. Forse *poneret, interius essent*?

Ib. 34, 4: *Quod ideo videbatur additum, quia in campis Philippis ab Alanis tumultuario proelio victus abscesserat, simul etiam quod a Philippis videbatur occisus*. Bisogna leggere in campis *Philipp<e>is* (o forse *Philipp<i>is*), cfr. *OLD* s. v. *Philippeus*; oltre all'espressione *campi Philippii* (Man. 1, 109) si trova anche l'espressione *campi Philippici* (Plin. 33, 39), ma nel nostro passo la paleografia favorisce la prima soluzione.

Maximus et Balbinus 2, 6–7: *"Ego principes dico, vos firmate, si placet, sin minus, meliores ostendite: Maximum igitur atque Balbinum, quorum unus in re militari tantus est, ut nov[il]itatem generis splendore virtutis evexerit, alter ita clarus nobilitate est, ut et morum lenitate re<i>p[is] sit necessarius et vitae sanctimonia, quam a prima aetate in studiis semper ac litteris tenuit..."*. Vezio Sabino sta qui elogiando, davanti al Senato, Massimo e Balbino, affinché vengano creati imperatori. Hohl congettura *novitatem* per il tràdito *nobilitatem* e accoglie *evexerit* di Poggio ove i manoscritti hanno *eilexerit* (P), *alexerit* (P^{corr}), *allexerit* (Σ). *Nobilitatem* non può essere accolto, poiché di Massimo era nota, al contrario, l'*obscuritas generis*. Haupt propone: *vilitem generis splendore virtutis evexerit*, Peter: *nobilitatem generis splendor virtutis invexerit*, Wölfflin: *ut ingobilitatem generis splendor virtutis obtexerit*, Verlinsky: *ut ignobilitatem generis splendore virtutis evexerit*. Già Lipsio aveva congetturato *ignobilitatem*; io credo che questa proposta sia senza dubbio giusta: cfr. *Maxim.* 9, 1: *ignobilitatis tegendae causa*. Proporrei quindi: *ut ingobilitatem generis splendor virtutis ei texerit*.

Ib. 7, 7: *Denique nonnulli, quemadmodum Catonem et Caesarem Sallustius comparat, ita hunc quoque conparandum putarunt, ut alterum*

¹³ Pare ragionevole credere che il testo della *Historia Augusta* sia passato per una fase insulare, cfr. B. B. Boyer, "Insular Contribution to Medieval Literary Tradition on the Continent. Part II", *CPh* 43 (1948) 31–39; J. Velaza, "Le 'Collectaneum' de Sedulius Scotus et l'Histoire Auguste", in: *Historiae Augustae Colloquium Argentoratense*, a cura di G. Bonamente, F. Heim, J. P. Callu (Bari 1998) 339–347.

severum, clementem alterum, bonum illum, istum constantem, illum nihil largientem, hunc affluentem copiis omnibus dicerent. Non ha senso *hunc quoque comparandum putarunt*. Gruter, seguito da quasi tutti gli editori, ha proposto *hos quoque comparandos putarunt*. Forse *hoc quoque par comparandum putarunt*?

Ib. 10, 1–2: *Maximo igitur ad bellum profecto senatus per omnes regiones consulares, praetorios, quae<s>torios, aedilicios, tribunicios etiam viros misit, ita ut unaquaeque civitas frumentum, arma et propugnacula et muros pararet, ut per singulas urbes Maximinus fatigaretur.* 2 *Iussum tunc tamen, ut omnia ex agris in civitates colligerentur, ne quid hostis publicus inveniret.* Non capisco *tamen*, né deve averlo ben inteso Magie, che traduce “it was further ordered”; è, infatti, evidente che la disposizione del Senato di portare nelle città le provviste, affinché non le potesse prendere Massimino, è una logica conseguenza delle disposizioni di cui si è parlato prima. Forse bisogna scrivere *Iussum tunc item*; l’avverbio *item* è usato spesso per elencare un ordine, che segue un altro ordine di natura simile (cfr. *OLD* s. v. *item* 4).

Ib. 17, 6: “*Nam quod nobis vita per vos reddita est, quam dimissis passim per provincias carnificibus s[i]cel<er>atus latro sic petit, ut se amplissimo ordini profiteretur iratum, quomodo dicam aut prosequar?*” Sono queste le parole di un console, che esalta l’impero di Massimo e Balbino in confronto con quello di Massimino (*sceleratus latro*). La forma *petit* è stata congetturata da Salmasius, mentre i mss. hanno *rettit* (P) e *restitit* (Σ). Mi chiedo, se non sia meglio scrivere *sic rexit*; cfr. *Ant. P.* 7, 1: *tanta sane diligentia subiectos sibi populos rexit, ut omnia et omnes ... curaret.*

Valeriani duo 6, 8: “*Haec sunt <propter> quae Augustum nomen tenetis; apud vos censura desedit, non potest hoc implere privatus*”. Non si capisce *desedit*; Lessing crede venga da *desideo*, ma questo verbo significa “to be idle, to sit, to remain seated” (*OLD*); nessuno di questi significati si adatta al contesto. Ratti traduce: “la censure repose entre vôtres mains”; questo è senza dubbio il significato del passo; io scriverei: *apud vos censura resedit*; cfr. *OLD* s. v. *resideo* 3 b (Call. *Dig.* 24, 3, 48: *ut liberorum dos apud maritum resideat*; Ulp. *Dig.* 36, 1, 3; Marcian. *Dig.* 48, 13, 5; Sen. *Dial.* 10, 7, 7: *recense vitae tuae dies: videbis paucos admodum ... apud te resedis*; in questi passi *residere apud aliquem* significa “essere in potere di qualcuno”).

Gallienus 3, 8–9: *Et cum plerique patris eius captivitatem m<a>erent, ille specie decoris, quod pater eius virtutis studio deceptus videretur, supra modum laetatus est.* 9 *Constabat autem, censuram parentis eum ferre non potuisse, votivumque illi fuisse, quod imminentem cervicibus suis gravitatem patriam non haberet.* Trebellio Pollione, sfavorevolissimo a Gallieno, dice qui che egli era in realtà contento che suo padre Valeriano fosse caduto prigioniero dei Persiani. Il § 8 presenta un problema insidioso.

Ratti traduce: “Et comme la plupart se lamentaient sur la captivité de son père, il se réjouit sans retenue d’un semblant de gloire, son père selon toute apparence ayant été victime de son amour pour la bravoure”. Io non intendo *specie decoris*; a me pare che sia necessario accogliere una proposta di Eyssenhardt, che corregge *decoris* in *doloris*. Il testo vuole dire che Gallieno fingeva di dolersi che suo padre fosse stato ingannato (*deceptus*) dall’amore per la virtù, ma che in realtà (*constabat autem*) l’unico vero *dolor*, che egli aveva provato, derivava dalla severità (*censura*) del padre; dunque Gallieno fingeva di essere addolorato (*specie doloris*), ma in realtà gioiva. La congettura di Eyssenhardt, sebbene non accolta da nessun editore (addirittura Desbordes–Ratti non la citano nemmeno in apparato), è, secondo me, giusta.

Ib. 5, 6: *Saeviente fortuna, cum hinc terrae motus, inde hiatus soli, ex diversis partibus pestilentia orbem Romanum vastaret, capto Valeriano, Gallis parte maxima opsessis, cum bellum Odenatus inferret, cum Aureolus perurgeret * * * * cum <A>emilianus Aegyptum occupasset.* P lascia uno spazio di quattro lettere, che gli editori sogliono riempire con *Illyricum*, che potrebbe anche andare bene per il senso, ma che è certo troppo lungo. Io proporrei *perurgeret Alpes*; in effetti, Aureolo passò dall’Europa settentrionale all’Italia, per cui dovette attraversare le Alpi.

Ib. 6, 3: *Pudet prodere, inter haec tempora, cum ista gererentur, quae saepe Gallienus malo generis humani quasi per iocum dixerit.* Non ha senso *malo generis humani*. Klebs propone:¹⁴ *Gallienus <imperator> malo generis humani*. Questa congettura indica la via giusta; cfr. *Tyr. trig.* 32, 8 (*hominem nobilem, sed qui non tam bono quam malo rei p. septem diebus dicitur imperasse*); *Claud.* 1, 3 (*Gallienum ... bono generis humani a gubernaculis publicis depulit*). L’unico dubbio che ho riguarda la *Wortstellung*; forse *malo generis humani <imperator>?*

Ib. 19, 8–20, 1: *Huc accedit quod quaedam etiam studiose praetermisi, ne eius posteris multis rebus editis laederentur.* 20 *Scis enim ipse, quales homines cum his, qui aliqua de maioribus eorum scripserint, quantum gerant bellum.* Non ha senso *aliqua*; una soluzione potrebbe essere scrivere *aliena* (cfr. *OLD* s. v. *alienus* 7), ma si può pensare anche a *iniqua*.

Ib. 21, 5: *De anni<s> autem Gallieni et Valeriani ad imperium pertinentibus adeo incerta traduntur, ut, cum quindecim annos eosdem imperasse constet, id est Gallienus<s> usque ad quintum decimum pervenisset, Valerianus vero sexto sit captus, alii novem annis, vix decem alii etiam Gallienum imperasse in litteras mittant.* Forse bisogna integrare *alii etiam <minus> Gallienum imperasse in litteras mittant*.

¹⁴ E. Klebs, “Die Scriptores Historiae Augustae”, *RhM* 47 (1892) 515.

Tyranni triginta 8, 5–6: *Nam et carra venientia digito salutari reppulisse dicitur et fortissimos quosque uno digito sic adflixisse, ut quasi ligni vel ferri obtusioris ictu percussi dolerent. Multa duorum digitorum al<l>isione contrivit.* 6 *Occisus est a quodam milite, qui, cum eius quondam in fabrili officina fuisset, contemptus est ab eodem, vel cum dux esset vel cum imperium cepisset.* Vi sono un paio di difficoltà, la prima minore, la seconda gravissima. Non mi soddisfa *multa*; può darsi che sia genuino, ma certo è banale; forse *molam*? Di sicuro non va bene *cum eius quondam in fabrili officina fuisset*; Paschoud accoglie *quondam operarius in fabrili officina* di P^{corr}, che ha la stessa autorità di una congettura moderna. Io credo che questa congettura sia sbagliata, poiché è probabile che colui che uccise Mario fosse un suo pari grado, non un suo sottoposto; altrimenti, si spiega male l'indignazione che egli provò perché Mario, divenuto Imperatore, non lo tenne in considerazione (*contempsit*). Inoltre, *operarius* non ha alcuna probabilità paleografica. La strada è stata, secondo me, indicata, con il consueto acume, da Cornelissen, che propone di correggere *eius* in *socius*; io proporrei, invece: *cum eius <socius> quondam*; cfr. *Pesc. N.* 9, 3 (*socius huius*); *Alex. S.* 53, 3 (*cuius socii*); *Aurel.* 25, 2 (*eius socium*); *Prob.* 13, 3 (*Floriani socii*); *Quadr. tyr.* 3, 1 (*Zenobiae amicus ac socius*).

Ib. 11, 5: *Dono sepulchrorum victor post multa tyranni / proelia iam felix Claudius Aureolum / munere persequitur mortali et iure superstes, / vivere quem vellet, si pateretur amor / militis egregii, vitam qui iure negavit / omnibus indigenis et magis Aureolo.* Questo epigramma celebra la vittoria di Claudio su Aureolo a *Pons Aureoli* sull'Adda. I vv. 4–5 sono tradotti così da Magie: "... only his glorious troops suffered it not in their love"; Paschoud traduce: "si l'amour d'un très valeureux soldat y avait consenti", e Soverini: "se l'avesse permesso il senso d'onore di un nobile soldato". Io credo invece che *militis egregii* sia un genitivo oggettivo e che l'epigramma voglia dire che Claudio avrebbe lasciato in vita Aureolo, se il suo amore verso i soldati, che volevano la morte di Aureolo, non glielo avesse impedito; cfr. *Claud.* 5, 3.

Ib. 12, 7: *"Fateor, Bal<l>ista, imperium prudenti non frustra est. Volo enim rei p. subvenire atque illam pestem a legum gubernaculis dimovere, sed non hoc in me aetatis est".* Ballista ha suggerito a Macriano di cercare di divenire Imperatore, ma Macriano declina, adducendo come motivo l'età avanzata. Crea evidenti difficoltà *imperium prudenti non frustra est*; Paschoud segue una proposta di Shackleton Bailey (*Ballista, consilium prudentis*) e traduce: "le conseil d'un homme avisé n'est pas chose inutile". Questa soluzione non convince: è probabilissimo che *prudenti(s)* si riferisca a Macriano stesso (cfr. § 10: *prudentiae tuae*; 13, 1), non a Ballista (come invece suppone Shackleton Bailey). Inoltre non credo si possa usare *frustra esse* come predicato nel senso di "essere in vano".

Io congetturo: *non frustra est <invadendum>. Volo enim...* (per il costrutto cfr. e. g. *Carac.* 6, 6).

Ib. 14, 1: *Sed ubi comperit Odenatus, qui olim iam orientem tenebat, ab Aureolo Macrianum, patrem Quiet<i>, cum eius fratre Macriano victos, milites in eius potestatem concessisse, quasi Gallieni partes vindicaret, adulescentem cum Bal<l>ista praefecto dudum interemit.* Sulla morte di Quietò vi erano varie versioni (cfr. il commento di Paschoud, pp. 114–115); poiché più di una presuppone che Quietò fosse stato tradito e abbandonato dai suoi stessi soldati, io leggerei *deditum interemit*; non mi pare infatti avere senso *dudum*: perché qui Trebellio Pollione dovrebbe specificare che Ballista era “da lungo tempo” *praefectus*?

Ib. 15, 8: *Quae multorum sententia fortior marito fuisse perhibetur, mulier[um] omnium nobilissima[m] orientalium feminarum et, ut Cornelius Capitolinus adserit, s[e]pec<ios>issima[m].* Trebellio sta qui parlando di Zenobia; *speciosissima* è una vecchia correzione generalmente accolta per *saepedissimam* dei manoscritti. Io propongo *splendidissima* (cfr. e. g. 30, 17 e *OLD* s. v. *splendidus* 2 b).

Ib. 17, 1: *Hic consobrinus Odenati fuit nec ulla re alia ductus nisi damnabili invidia imperatorem optimum interemit, cum ei nihil aliud obiceret praeter filii Herodis <luxuriam>.* Hohl segue qui l’integrazione *<luxuriam>* (Helm), mentre Petschenig aveva integrato *<vitia>*; Soverini scrive *Hero<dis sor>des*. Proporrei *filii Herodis <errores>*; per questo significato di *error* cfr. *Verus* 3, 6 (*tantis deliciarum et luxuriae quateretur erroribus*).

Ib. 18, 13: *De quo ipse vera non satis comperi, idcirco quod scriptores temporum de huius praefectura multa, de imperio pauca dixerunt.* Non ha senso *scriptores temporum*; Paschoud traduce (giustamente): “les auteurs de son époque”. Si integri *temporum <suorum>*. Cfr. *Gall.* 13, 8 (*scriptore horum temporum*); *Alex. S.* 37, 5 (*eius temporis scriptor*); *ib.* 52, 2 (*in libris temporum suorum*).

Ib. 21, 1: *Hic a Macriano ad interficiendum Valentem missus, ubi eum providum futurorum imperare cognovit, Thessaliam concessit atque illic paucis sibi consentientibus sumpsit imperium Thessalicusque appellatus [vi] interemptus est, vir summ<a>e sanctitatis.* L’omissione di *vi* è già presente in Σ , ma si tratta, probabilmente, di una congettura. Io congetturo *appellatus <bre>vi interemptus est*; cfr. 17, 3 (*quare imperator appellatus per errorem brevi a militibus pro luxuriae suae meritis interemptus est*); 19, 3 (*sumpsit imperium et brevi a militibus interemptus est*).

Ib. 21, 6: *Sed statua eius videtur, quadrigae autem, quae decretae fuerant, quasi transferendae ad alium <locum> positae sunt nec adhuc redditae.* La congettura di Shackleton Bailey *<de>positae* va senz’altro rifiutata (cfr. Lessing s. v. *ponere* II).

Ib. 23, 1: *Optimus ducum Gallieni temporibus, sed Valeriano dilectus Saturninus fuit.* Saturnino fu un ottimo generale ai tempi di Gallieno, ma già in precedenza, ai tempi di Valeriano, aveva dato buona prova di sé. La contrapposizione *sed* risulta fuori luogo, se non si accompagna con un avverbio di tempo; io integrerei *sed <iam> Valeriano dilectus*. N. Almazova suggerisce di mutare *sed* in *etiam*.

Ib. 25, 3: *Narrabat avus meus hunc sibi familiarem fuisse neque quemquam [quam] illi ab Aureliano aut postea ab aliis principibus esse praelatum.* L'omissione di *quam* è già in Σ ed è stata generalmente accolta dagli editori. Forse è meglio scrivere *neque quemquam <um>quam illi ab Aureliano*; cfr. *Alex. S.* 31, 2: *neque [n]umquam solum quemquam nisi praefectum suum vidit.*

Ib. 26, 3: *Palatium in arce Isauriae constituit. Qui quidem cum se in intima et tuta Isaurorum loca munitus difficultatibus locorum et montibus contulisset, aliquamdiu apud Cilicas imperavit.* Gli editori riferiscono *munitus* a *qui*, cioè a Trebelliano; tuttavia stilisticamente questo è assai goffo; io scriverei *munita*.

Ib. 29, 2–3: *Hic privatus ex tribunis in Africa positus in agris suis vivebat, sed ea iustitia et corporis magnitudine, ut dignus videretur imperio. 3 Quare creatus per quandam mulierem, Gallienam nomine, consobrinam Gallieni, septimo imperii die interemptus est.* Credo indispensabile integrare: *creatus <imperator> per*, cfr.: *Maxim.* 20, 1; *Gord.* 10, 1 (*imperatores sunt creati*); *Tyr. trig.* 9, 1; *Tac.* 2, 5; 3, 1; *Car. Cari. et Num.* 5, 1. L'abbreviazione *imp* avrà causato anche qui la caduta del termine.

Claudius 3, 3: *Illi clypeus aureus vel, ut grammatici locuntur, clypeum aureum senatus totius iudicio in Romana curia conlocatum est, ut etiam nunc videtur expressa thorace vultus eius.* Hohl accetta *ut etiam nunc videtur*, ma è evidente che esso è corrotto; Paschoud segue la congettura di Casaubon *ubi etiam*. Io scriverei *ut etiam nunc vide<a>tur*; cfr. *Tyr. trig.* 14, 4: *eo usque ut tunicae et limbi et p<a>enulae matronales in familia eius hodieque sint.*

Ib. 11, 8: *Nec sola de hoste victoria, sed etiam vindicta praesumpta est.* Paschoud traduce: “Et c’est non seulement une victoire qui fut acquise sur l’ennemi, mais aussi une vengeance qui fut tirée de lui”, né diversamente traducono Magie e Soverini. Non si intende dunque il significato di *praesumpta*. Si legga [*prae*]*sumpta*.

Ib. 13, 1–4: *Quoniam res bellicas diximus, de Claudii genere et familia saltem pauca dicenda sunt. [...] 2 Claudius, Quintillus et Crispus fratres fuerunt. [...] 3 Fuerunt etiam sorores, quarum una, Constantina nomine nupta tribuno Assyriorum, in primis annis defecit. 4 De avis nobis parum cognitum. Varia enim plerique prodiderunt.* Trebellio Pollione sta qui

parlando della famiglia di Claudio Gotico, sui cui fratelli sapeva dire qualcosa di certo; sugli avi, invece, non aveva nulla di sicuro da riferire. È poco credibile che egli citi gli *avi* senza aver menzionato i genitori, sui quali anche non dice nulla. Propongo dunque d'integrare *De <parentibus et> avis*; cfr. e. g. *Ant. Pius* 5, 2.

Aurelianus 3, 2: *Et evenit quidem, ut de eorum virorum genitali solo nesciatur, qui humiliore loco et ipsi plerumque solum genitale confingunt, ut dent posteritati de locorum splendore fulgorem*. Non capisco *et ipsi ... confingunt*; Σ ha *ut ipsi*, probabilmente congetturale (credo che il redattore di Σ, avvertita la difficoltà, abbia cercato di rimediare introducendo un *ut* causale). Io propongo di scrivere: *loco nati ipsi*; cfr. e. g. *Op. Macr.* 2, 1 (*humili loco natus*).

Ib. 6, 3–4: *Privatim huius multa extant egregia facinora. Nam erumpentes Sarmatas in Illyrico cum trecentis praesidiariis solus adtrivit. Refer<t> Theoclius, Caesareanorum temporum scriptor, Aurelianus manu sua bello Sarmatico una die quadraginta et octo interfecisse*. Non riesco a intendere *Caesareanorum temporum scriptor*; Paschoud traduce “un historien de l'époque des Césars”, ma gli *SHA* considerano l'epoca dei Cesari come ancora attuale a loro tempo (cfr. *Aurel.* 42, 3) e usano il termine *Caesar* per indicare qualsiasi imperatore romano (cfr. *Prob.* 12, 8). Io credo che si debba scrivere *Claudianorum temporum scriptor* (cfr. *Aurel.* 16, 1 *Claudianis temporibus tantus enituit*), cioè dei tempi di Claudio Gotico. Questo è anche congruente con i dati cronologici di Vopisco, il quale dice (*Aurel.* 18, 1–2) che Aureliano si distinse nella guerra contro i Sarmati proprio al tempo di Claudio Gotico e Teoclio (storico altrimenti ignoto), si riferisce proprio a fatti di quella guerra.

Ib. 11, 1: “*Si esset alius, Aureliane iucundissime, qui Ulpii Criniti vicem posset implere, tecum de eius virtute ac sedulitate conferrem; nunc te cum <non meliorem> requirere potuissem, suscipe bellum a parte Nicopolis, ne nobis <a>egritudo Crini<t>i obsit*”. Il supplemento *<non meliorem>* (Helm) è stilisticamente buono, ma paleograficamente non economico. Io propongo *cum <solum> requirere potuissem*.

Ib. 11, 10: *His quoque litteris indicatur, quantus fuerit Aurelianus; et re vera, neque enim quisquam aliquando ad summam rerum pervenit, qui non a prima aetate gradibus virtutis ascenderit*. Credo che dopo *re vera* bisogni supporre una lacuna, in cui Vopisco si diceva d'accordo col contenuto della lettera di Aureliano appena trascritta; cfr., in contesto del tutto analogo, *Pescenn.* 3, 5 *et re vera in re militari vehemens fuit*.

Ib. 24, 3: *Fertur enim Aurelianus de T[h]yan<a>e civitatis eversione vere dixisse, vere cogitasse; verum Apollonium T[h]yan<a>eum, celeberrimae famae auctoritatisque sapientem, veterem philosophum, amicum ver<e> deorum, ipsum etiam pro numine frequentandum,*

recipienti se in tentorium ea forma qua videtur, subito adstitisse. Ver<e> è congettura di Kellerbauer per *vir* dei manoscritti. Non è paleograficamente meno probabile *amicum iure deorum*; cfr. *Gall.* 15, 3 (*vir sanctus ac iure venerabilis*). Non mi soddisfa *qua videtur*; forse *qua <pictus> videtur*? Cfr. *Car. Cari. et Num.* 19, 1 (*quos in Palatio circa porticum stabuli pictos vidimus*).

Ib. 35, 4: *His gestis ad Gallias profectus Vindelicos obsidione barbarica liberavit, deinde ad Illyricum redit paratoque magno potius quam ingenti exercitu Persis, quos eo quoque tempore, quo Zenobiam superavit, gloriosissime iam vicerat, bellum indixit.* La soluzione migliore è senza dubbio quella di Petschenig (sebbene nessuno la abbia accolta): *magno potius quam vigenti exercitu*. La corruzione di *vigens* in *ingens* si incontra anche *Tyr. trig.* 30, 15. Contro l'idea di correggere *magno* (Shackleton Bailey) cfr. anche *Prob.* 19, 7: *magnum magis constat fuisse spectaculum quam gratum*.

Ib. 36, 5: *Mnesteus, qui sciret Aurelianum neque frustra minari solere neque, si minaretur, ignoscere, brevem nominum conscripsit mixtis his, quibus Aurelianus vere irascebatur, cum his, de quibus nihil asperum cogitabat.* Flavio Vopisco ha appena detto che Mnesteo sapeva che Aureliano non minacciava invano; che senso ha che egli aggiunga *neque, si minaretur, ignoscere*? Credo che *minaretur* sia nato per assimilazione dal precedente *minari*. Forse *neque, si irasceretur, ignoscere*?

Ib. 39, 7: *Cum vastatum Illyricum ac Moesiam deperditam videret, provinciam Transdanuvina<m> Daciam a Traiano constitutam sublato exercitu et provincialibus reliquit, desperans eam posse retineri, abductosque ex ea populos in Moesia conlocavit appellavitque suam Daciam, quae nunc duas Moesias dividit.* Questo passo è ben noto agli storici ed è di fondamentale importanza per l'onomastica delle provincie romane dei Balcani. Crea evidenti difficoltà *appellavitque suam Daciam*. Paschoud annota: "il me semble plus logique, vu le contexte dans lequel elle paraît, que 'Vopiscus' désigne ici de cette manière, et de sa propre initiative, une province qui devait à Aurélien d'avoir été créé". Il problema è che l'espressione *appellavit suam Daciam* fa indubitabilmente riferimento a un nome che conteneva l'indicazione, che si riferiva a una Dacia legata ad Aureliano (qualcosa, si penserebbe, come *Dacia Aureliana*). Eppure, nessuna fonte riferisce che la provincia, cui Aureliano dette il nome *Dacia*, avesse nel proprio nome qualcosa che faceva riferimento ad Aureliano (essa si chiamò invece *Dacia Ripensis*). Eutropio (9, 15, 1) scrive: *provinciam Daciam quam Traianus ultra Danubium fecerat intermisit, vastato omni Illyrico et Moesia, desperans eam posse retinere, abductosque Romanos ex urbibus et agris Daciae in media Moesia collocavit appellavitque eam Daciam,*

quae nunc duas Moesias dividit et est dextra Danubio in mare fluenti, cum antea fuerit in laeva. A prescindere dai rapporti fra questi due testi (è probabile che Eutropio e la *Historia Augusta* dipendano dalla *Enmannsche Kaisergeschichte*), mi pare che l'espressione *appellavitque eam Daciam* vada restaurata anche nel testo della *Historia Augusta*. La strana espressione *suam Daciam* ("curieuse expression" Paschoud) non è altro, io credo, che una corruzione testuale.

Ib. 48, 2–3: *Etruriae per Aureliam usque ad Alpes maritimas ingentes agri sunt hique fertiles ac silvosi. Statuerat igitur dominis, locorum incultorum qui tamen vellent, gratis dare atque illic familias captivas consituere, vitibus montes conserere atque ex eo <o>per<e> vinum dare, ut nihil reddituum fiscus acciperet, sed totum p. R. concederet. Facta erat ratio dogae, cuparum, navium et operum. Sed multi dicunt Aurelianum, ne id faceret, praeventum, alii a praef. praetorii suo prohibitum, qui dixisse fertur: "si et vinum p. R. damus, superest, ut et pullos et anseres demus". Gratis è lezione di Σ, ove P ha *gratia*; Paschoud e Soverini preferiscono la vecchia congettura *gratia*<*m*>, mentre Magie accoglie un'altra vecchia congettura, *pretia*. Fra le soluzioni proposte, quest'ultima mi sembra la migliore. Tuttavia, pare verisimile ipotizzare che Aureliano abbia concesso qualche esenzione fiscale ai proprietari, che concedevano l'uso dei loro terreni. Si potrebbe dunque congetturare <*vectigalium*> *gratiam dare*. Per *gratia* costruito con il genitivo della cosa da cui viene data l'esenzione, cfr. *Clod. A.* 48, 2. Nelle linee successive, è difficile *praeventum*; io integrerei <*morte*> *praeventum*, oppure <*fato*> *praeventum*. Cfr. *Pert.* 15, 7; *Alex. S.* 26, 7; *Tac.* 6, 8.*

Ib. 49, 6: *Senatum sive senaculum matronis reddi voluerat, ita ut primae illic quae sacerdotia senatu auctore meruissent.* Da solo *primae* non va; si integri: *meruissent* <*sederent*>; cfr. *Tac.* 5, 3 (*qui post Tacitum sedebat senator consularis*).

Tacitus 4, 8: "*Videte ne et rei p. non eum, quem velitis, principem detis, et mihi hoc solum obesse incipiat, quod me unanimiter delegistis*". Tacito cerca di dissuadere il Senato dal farlo Imperatore, a causa della sua età troppo avanzata. Paschoud traduce: "Veillez d'une part à ne pas donner à l'État un prince qui n'est pas celui que vous voudriez vraiment, d'autre part à ce que l'unanimité de votre choix ne commence à elle seule à me causer du tort". Anche Magie traduce in modo analogo (ancor più errata è la traduzione di Soverini: "e che questa vostra elezione non cominci ad arrecarmi soltanto danno"), ma io non credo che venga così inteso bene *solum*; che senso ha, che Tacito dica che l'unanimità, con cui il Senato lo ha fatto Imperatore, sia nociva (*obesse incipiat*) a lui "à elle seule" (*solum*)? Io credo che qui il significato di *solum* sia quello di *praecipue*; è un significato poco attestato e che spesso sfugge agli interpreti (cfr. Lucarini

[n. 10] 319–320); nella *Historia Augusta* esso ricorre anche altrove ed è frainteso dagli interpreti: cfr. *Prob.* 9, 3.

Ib. 10, 3: *Cornelium Tacitum, scriptorem historiae Augustae, quod parentem suum eundem diceret, in omnibus bibliothecis conlocari iussit. Ne[c] lectorum incuria deperiret, librum per annos singulos decies scribi publicitus in † evicos archi<i>s iussit et in bibliothecis poni.* Non si è trovata una soluzione per *evicos* (alcuni accolgono *cunctis* di Casaubon); forse *aulicis*?

Ib. 13, 1: *Et prima quidem illi cura imperatoris facti haec fuit, ut omnes, qui Aurelianum occiderant, interimere[n]t.* Non capisco come si possa accettare che il pronome *illi* si riferisca alla stessa persona che viene subito dopo indicata con *imperatoris facti*: questo è stilisticamente insopportabile. Si legga *illi<us> cura*. N. Almazova suggerisce *imperatori facto* (conservando *illi*).

Ib. 13, 4–5: *Gessit autem propter brevitatem temporum nihil magnum. 5 Interemptus est enim insidiis militaribus, ut alii dicunt, sexto mense, ut alii, morbo interiit. Tamen constat factionibus eum oppressum mente atque animo defecisse.* È davvero strana la posizione di *sexto mense*; forse il nesso va trasposto o dopo *animo*, o (come mi suggerisce N. Almazova) dopo *enim* o dopo *interiit*.

Ib. 16, 6: *Nunc nobis adgrediendus est Probus, vir domi forisque conspicuus, vir Aureliano, Traiano, Hadriano, Antoninis, Alexandro, Claudioque praeferendus, nisi quia in illis varia, in hoc omnia praecipua iunc<tim> fuere, qui post Tacitum omnium iudicio bonorum imperator est factus.* Hohl e Paschoud accolgono *nisi quia*, ma già Peter aveva osservato l'impossibilità del costruito e aveva proposto di espungere *nisi*. Non è una cattiva soluzione, ma forse ancora meglio è correggere *nisi quia* in *siquidem*, congiunzione usata molto spesso dagli *SHA* (cfr. Lessing, 612–613).

Probus 8, 6: *Sed cum quattuor illi milites inter se contenderent ac sortem sibi quisque defendere<t>, iussit iterum agitari urnam, sed et iterum Probi nomen emersit; cumque tertio et quarto fecisset, quarto Probi nomen effusum est.* Paschoud accogliere il supplemento di Kellerbauer <tertio et> quarto nomen Probi effusum est. Forse bisogna, però, integrare <et tertio et> quarto; cfr. ... iterum ... sed et iterum.

Ib. 9, 2: *sepulchro ingen<ti> honoravit, quod adhuc extat tumulo usque ad ducentos pedes terra elatum per milites, quos otiosos esse numquam passus est.* Credo vada accolta *elato* (Salmasius); cfr. 21, 4: *ingens ei sepulchrum elatis aggeribus omnes pariter milites fecerunt.*

Ib. 10, 2: *Non in[a]e[gy]pta[m] neque inelegans fabula est scire, quaem ad modum imperium Probus sumpserit.* Non c'è dubbio che *inaegyptum* vada corretto in una forma di *ineptus* (come fanno tutti gli editori); io preferirei tuttavia il neutro e scriverei: *non ineptum neque*

inelegans fabula <m> est scire; cfr. *Car. Cari. et Num.* 14, 1 (*curiosum non puto neque satis vulgare fabellam de Diocletiano Augusto ponere*).

Ib. 24, 1: *Posterii Probi vel odio <vel> invidiae [vel] timore Romanam re<m p.> fugerunt et in Italia circa Veronam ac B<e>nacum et Larium atque in his regionibus larem locaverunt*. I manoscritti hanno *romanam fugerunt* (**P^a**), *romanam refugerunt* (**P^b**), *roma refugerunt* (**Σ**: questa evidentemente è una congettura). *Romanam re<m p.> fugerunt* è un'infelice congettura di Lessing e Hohl, né più felice mi sembra la soluzione di Peter (*Romanam rem fugerunt*): queste soluzioni vanno assolutamente rifiutate, poiché i discendenti di Probo non abbandonarono lo Stato romano (Verona faceva parte dell'Impero), ma la città di Roma. Migliore è dunque la congettura di Mommsen *Roma urbe fugerunt*. Una soluzione ancora migliore, io credo, è scrivere: *Romana urbe fugerunt*; per l'espressione *Romana urbs*, cfr. *Comm.* 8, 6; *Tac.* 1, 1; *Quadr. tyr.* 9, 2.

Quadrigae tyrannorum 7, 1: *Saturninus oriundo fuit Gallus, ex gente hominum inquietissima et avida semper vel faciendi principis vel <mutandi> [add. Desbordes] imperii*. Gli studiosi hanno molto pensato sul verbo da integrare prima di *imperii* (la soluzione migliore io credo sia quella di Desbordes), ma non sembrano aver notato un'altra macroscopica corruzione; *hominum* è evidentemente una corruzione di *omnium* (la confusione dei due termini è frequentissima, in tutte le tradizioni manoscritte).

Ib. 10, 2–3: *“Non cibus pro voluptate, non i[n]ter pro auctoritate, non bella pro iudicio, non arma pro studio. 3 Adde, quod omnis aetas in imperio reprehenditur: senex est quispiam: inhabilis videtur; at iuvenis: <ard>et furore”*. È strano come gli editori abbiano sempre accolto *iter pro auctoritate*. Dagli apparati ricavo che il primo a notare il problema è stato pochi anni fa Shackleton Bailey, che ha proposto *iter pro commoditate*. È una buona congettura, ma non inferiore mi pare *iter pro iucunditate* (“I viaggi non si fanno quando si fanno a piacere”).

Ib. 12, 8: *Gloriatur, ut vides, rem ineptam et satis libidinosam atque inter fortes se haberi credit, si criminum densitate co<nc>al<l>escat*. Hohl accetta *concallescat* (Damsté), Paschoud *clarescat* (Shackleton Bailey), mentre Cornelissen propone *insolescat*. **P** ha *coalescat*, **Σ** *calescat*. Forse la lezione di **P** può essere accettata (come fa ad esempio Soverini); *coalesco* può infatti significare *convalescere* (cfr. *TLL* s. v. *coalesco* 1382, 84 sqq.) ed è attestato anche con l'ablativo (*Tac. Ann.* 13, 26, 2: *coalitam libertate inreverentiam*). Tradurrei dunque con Soverini: “per aver raggiunto una posizione di forza attraverso il gran numero di delitti”.

Ib. 13, 6: *Haec digna memoratu de Proculo didicisse me memini. Veniamus ad Bonosum, de quo multa minora condidi*. È strano che uno scrittore usi un verbo al passato per indicare la composizione di un'opera

(o una parte di essa) che si accinge a scrivere. Forse *minora condidi* <ci>?¹⁵ Cfr. 15, 9 (*quae didiceram, intimanda curavi*: si osservi che qui Vopisco si riferisce proprio al pezzo per il quale io suggerisco di scrivere *condidici* in luogo di *condidi*); cfr. Lessing s. v. *condiscere*.

Carus et Carinus et Numerianus 1, 4: *Plus enim timetur de incertis moribus principis quam speratur, maxime in ea re p., qu<a>e recentibus confossa vulneribus Valeriani captivitatem, Gallieni luxuriam, triginta etiam prope tyrannorum <conluuionem> caesa civilium membra sibimet vindicantium perpessa m<a>eruerit*. Richter ha proposto il supplemento <conluuionem>, seguito da alcuni editori, mentre Shackleton Bailey (seguito da Paschoud) ha proposto *colluviem caesa <imperii> membra*. A me pare che una bella proposta sia quella di Magie, correggere cioè *civilium* in *civium*. Io propongo: *prope <turbam> tyrannorum caesa civi[li]um membra*. Paleograficamente è la proposta più economica; per l'ordo verborum (con *prope* fra il numerale e il sostantivo cui si riferisce) cfr. *Aurel.* 10, 2 (*vicarias ducum et tribunorum diversis temporibus prope quadraginta*).

Ib. 2, 5: *Adolevit deinde usque ad tempora Gallicani belli, sed quasi quodam mersa naufragio capta praeter arcem urbe plus prope mali sensit quam timeba<n>t boni*. Flavio Vopisco sta qui narrando in sintesi la storia dello Stato romano; nelle linee che ho trascritto sta parlando dell'invasione gallica del IV secolo a. C. *Timeba<n>t* è una brutta congettura di Hohl per il tràdito *tumebat* (P; Σ ha *timebat*); decisamente migliori sembrano le proposte *tum habebat* (Gruter) e *tum erat* (Petschenig), ma l'avverbio *tum* è pesante. Io proporrei *quam tenebat boni*; per *teneo* con un oggetto astratto, cfr. *OLD* s. v. *teneo* 13 b.

Ib. 3, 2–3: *Passa deinceps tot Nerones, per Vespasianum extulit caput. 3 Nec omni Titi felicitate laetata, Domitiani vulnerata inmanitate per Nervam atque Traianum usque ad Marcum solito melius, Commodi v[a]jecordia et crudelitate lacerata est*. Sebbene nessuno sembri aver mai avuto dubbi su *omni*, io preferirei *comi*.

Ib. 4, 6–7: “*Maiores nostri, Romani illi principes, in legatis creandis hac usi sunt consuetudine, ut morum suorum specimen per eos ostenderent, quibus rem publicam delegabant. 7 Ego vero, si ita non esset, aliter non fecissem*”. Paschoud traduce così il § 7: “En ce qui me concerne, même s’il n’en allait pas ainsi, je n’aurais pas agi autrement”. Bisognerà dunque scrivere <et>*si ita non esset* (questa stessa corruzione si incontra in *A. Sev.* 46, 5).

¹⁵ Cfr. *didicisse me meminì* del periodo precedente. La ripetizione dello stesso termine a breve distanza, ovvero di termini con la stessa radice non è rara negli *SHA*, cfr. quanto ho osservato circa *Maximini duo* 6, 3.

Ib. 10: *Et quamvis Carinus maior aetate fuerit, prior etiam Caesar quam <Numerianus> sit nuncupatus, tamen necesse est, ut prius de Numeriano loquamur, qui patris secutus est mortem.* L'integrazione <Numerianus> è stilisticamente perfetta, ma troppo lunga; si integri, più semplicemente, <frater> (Carino e Numeriano erano fratelli).

Ib. 13, 2–3: *Hic cum tribunal cons<c>endisset atque Augustus esset appellatus et quaereretur, quem ad modum Numerianus esset occisus, educto gladio Aprum praefectum praetori ostentans percussit, addens verbis suis: “hic est auctor necis Numeriani”. [...] 3 Avus meus ret<t>ulit interfuisse conti[ci]oni, cum Diocletiani manu Aper esset occisus: dixisse autem dicebat Diocletianum, <cum Aprum> percussisse<t>: “gloriare, Aper,*

Aeneae magni dextra cadis”.

Diocleziano uccise Apro, che aveva ucciso Numeriano. Ho l'impressione che l'esatto significato del passo non sia stato compreso dagli interpreti. Magie traduce così il § 2: “This man, then, having ascended the tribunal was hailed as Augustus, and when someone asked how Numerian had been slain, he drew his sword and pointing to Aper, the prefect of the guard, he drove it through him, saying as he did so...”. Non dissimili sono le traduzioni di Paschoud e Soverini, ma così non si capisce perché Vopisco abbia scritto *addens verbis suis* (le traduzioni omettono, infatti, *suis*). A me pare che questo si chiarisca leggendo il § 3. Sembra, infatti, che qui venga riferita un'altra versione circa l'uccisione di Apro da parte di Diocleziano; mentre in quella riferita al § 2 Diocleziano, uccidendo Apro, avrebbe detto solo “*hic est auctor necis Numeriani*”, nella versione del § 3 Diocleziano cita anche Virgilio (*Aen.* 10, 830). Mi pare dunque che *suis* del § 2 si contrapponga a *Vergilii* (sottinteso!) del § 3. Del resto, Vopisco fa ben capire che c'è un cambio di fonte e che le due versioni sono diverse l'una dall'altra (§ 3: *avus meus rettulit ... dixisse autem dicebat Diocletianum*).

Ib. 17, 7: *Longum est, si de eius luxuria plura velim dicere. Quicumque ostiatim cupit noscere, legat etiam Fulvium Asprianum usque ad t<a>edium gestorum eius universa dicentem.* Difficile è accogliere *ostiatim*; il significato è chiaro (“quiconque désire en prendre une connaissance détaillée” traduce giustamente Paschoud), ma l'uso di questo avverbio in questo senso non ha paralleli (cfr. *TLL* s. v. *ostiatim* 1152, 8–10). È vero che un uso metaforico di *ostiatim* si trova anche in altri scrittori, ma la metafora è sempre accompagnata da un riferimento alle *aedes* o qualcosa del genere. Anche in Quint. *Inst. or.* 5, 10, 122 l'uso dell'avverbio si lega a *pulso*, termine di regola legato all'*ostium*. Forse bisogna scrivere: *ista omnia cupit noscere* (cfr. 20, 1: *haec omnia*).

Ib. 19, 1–2: *Memorable[m] maxime Cari et Carini et Numeriani hoc habuit imperium, quod ludos populo R. novis ornatos spectaculis dederunt, quos in Palatio circa porticum stabuli pictos vidimus. 2 Nam et neurobaten, qui velut in ventis cot<h>urnatus ferretur, exhibuit et toec<h>obaten, qui per parietem urso eluso cucurrit.* Non intendo *exhibuit*; Paschoud (come Magie e Soverini) traduce con l'impersonale, ma è evidente che *exhibuit* necessita di un soggetto; si potrebbe pensare a *imperium*, ma la presenza di *dederunt* in mezzo è di ostacolo. Io integrerei *ferretur*; <Carus> *exhibuit*: mentre l'*imperium* era comune ai tre Imperatori, l'*editio* dei giochi era del solo Caro (cfr. 20, 2: *quidam largitionali suis editionem Cari laudaret*). N. Almazova suggerisce <pictor> *exhibuit*.

Ib. 21, 1: *Et haec quidem idcirco ego in litteras ret<t>uli, quod futuros editores pudore tangeret, ne patrimonia sua proscriptis legitimis heredibus mimis et balatronibus deputarent.* Questo è il testo di Hohl, che evidentemente sottintende un *id* quale soggetto di *tangeret* (cfr. la discussione di Paschoud nel commento *ad loc.*), mentre Paschoud e Soverini accolgono la vecchia congettura *pudor*, facendo di *quod* una congiunzione con senso finale. Sono soluzioni complicate, per le quali, inoltre, non ci sono paralleli convincenti nella *Historia Augusta*. Considerata la frequenza con cui, negli *SHA*, *quod* si lega a *idcirco* (cfr. Lessing s. v. *idcirco* b) e che sono proprio le cose che Vopisco ha scritto, che devono impedire agli uomini del futuro di comportarsi male con i legittimi eredi, io suggerisco di scrivere *tangere<n>t*.

Carlo M. Lucarini
Köln / Palermo

carlo.lucarini@unipa.it

The aim of this paper is to cast new light on the textual constitution of some passages of the *Historia Augusta*. 127 pieces are discussed and for the most of them a new solution is proposed; in the other cases the author argues for a solution already proposed, but not accepted by the editors.

Статья посвящена критике текста *Historia Augusta*. Разбирается 127 пассажей; автор в большинстве случаев предлагает новое решение и иногда защищает предложения, выдвигавшиеся ранее, но не принятые издателями.

DISPUTATIONES

Peter Riedlberger, *Philologischer, historischer und liturgischer Kommentar zum 8. Buch der Johannis des Goripp nebst kritischer Edition und Übersetzung* (Groningen: Egbert Forsten Publ. 2010). 503 S. ISBN 978-90-6980-157-5.

Mit Riedlbergers (R.) Erstkommentierung des 8. Buches der *Johannis* liegen nunmehr vier Bücher des Epos in kommentierten Einzelausgaben vor. Durch die drei ungewöhnlichen Attribute zum üblichen ‘Kommentar’ werden Anspruch und Rang dieser mit dem Fakultätspreis der Schleswig-Holsteinischen Universitäts-Gesellschaft ausgezeichneten Kieler Dissertation offenkundig: Neben einer gründlichen, keinem Problem ausweichenden philologischen Kommentierung wird das historische Epos, die nahezu einzige Quelle des byzantinischen Berberfeldzuges von 548, hinsichtlich seiner Realien erläutert (byzantinisches Heerwesen und militärische Strategie, Ethnographie und Geographie sowie – wegen der gerade im 8. Buch ausführlichen Beschreibung einer Feldmesse – die Liturgie).

Die Arbeit ist gegliedert in eine 100seitige Einführung und einen 400 Seiten umfassenden Kommentar, in dem Text, Apparat und Übersetzung in kurze Einheiten aufgelöst den jeweiligen Kommentarteilen beigegeben sind. Eine umfassende Bibliographie mit manchen der Coripp-Forschung bisher entgangenen Titeln zur Regionalgeschichte Nordafrikas in byzantinischer Zeit sowie umfangreiche Register, darunter ein für die künftige Arbeit an anderen Büchern Coripps wichtiges Stellenregister, beschließen den Band.

Die **Einführung** gilt nicht allein dem 8. Buch, sondern ist als allgemeiner Überblick über die *Johannis* konzipiert, in dem in Auseinandersetzung mit der Forschung durchaus eigene Positionen vorgetragen werden. R. läßt, angefangen bei der handschriftlichen Überlieferung über die historische Kontextualisierung bis hin zu Dichtersprache, Werkaufbau und Gattungseinordnung, keine Forschungsposition ungeprüft. Selbst der Name des Dichters wird aus der Aufnahme aller kodikalen Testimonien und onomastischen Belege heraus neu konstituiert als ‘Gorippus’ nicht ‘Corippus’. Das Kapitel ‘Die handschriftliche Überlieferung der *Johannis* und ihre Editionen’ (15–22) beschreibt im Detail genauer als die Vorgänger den codex unicus (Milano, Bibl. Trivult. 686, geschrieben von Giovanni

De Bonis), und erörtert die Frage, wieviele Hss., von denen wir durch isolierte Testimonien Kenntnis haben, neben dem Trivultianus existiert haben und ob die Hs., die im 11. Jahrhundert für Monte Cassino bezeugt ist, die Vorlage des Triv. gewesen ist. Die Vorlage der Goripp-Exzerpte des Veroneser Florileg (Bibl. Capit. 168 [olim 155]) kann aber mit Löwe sicher in der Kathedralbibliothek von Verona lokalisiert werden, wissen wir doch mittlerweile, daß der Veroneser Humanist Guglielmo da Pastrengo das Florileg 1329 aus Exemplaren dieser Bibliothek erstellt hat (vgl. G. Billanovich, „Petrarca e i libri della catedrale di Verona“, in: *Petrarca, Verona e l'Europa* [Padua 1997] 117–178, dort 127–135).

Die Ausführungen zum historischen Kontext (28–59) gelten dem Namen des Dichters, seiner Biographie, der afrik. Ethnographie und dem byz. Heerwesen im Allgemeinen sowie den im Epos agierenden Kommandanten und Offizieren im Besonderen. Das Kapitel ‘Sprache und Stil’ (64–74) weist Theorien über ‘vulgärlat. Elemente’ zurück, untersucht Neologismen und belegt v. a. Goripps Vertrautheit mit der klassischen Dichtersprache. Der Abschnitt zu der in den letzten Jahre häufig verhandelten Gattungsfrage (Epos – Panegyricus) weist auf mögliche kaiserzeitliche Vorbilder für eine historische, per se panegyrische Epik hin, konkret auf das *Bellum Germanicum* des Statius.

Nicht ohne Widerspruch werden die Ausführungen zur Werkstruktur bleiben, wonach Goripp ursprünglich sein Werk auf die ersten fünf Bücher angelegt habe und die Bücher 6–8 nur “appendixartig” (81) angehängt seien: So berechtigt die Polemik gegen einen “iliadisch-odysseischen” Werkaufbau ist, so wenig scheinen mir die Argumente für einen mit Buch 5 endenden “Spannungsbogen” durchschlagend.

Ausgezeichnet sind die Seiten zur panegyrischen Sprecherhaltung und zum Verhältnis Auftragsdichtung und Publikum ausgefallen, die manche von philologischer Seite vorgebrachte Deutungen der letzten Jahrzehnte genußvoll dekonstruieren.

Im Zentrum der Arbeit stehen **Edition** und Kommentar, die hier pace R. getrennt behandelt werden. R. hat den codex unicus (T) neu kollationiert und die Angaben der bisherigen Standardausgabe von Diggle–Goodyear (D.–G.) an einigen Stellen korrigieren können (Vv. 205, vielleicht 214 [mit Bestätigung von Petschenigs *domino quoniam*, eventuell auch nur eine Verschreibung de Bonis], 455, 549 und 603): Alle Neulesungen sind durch photographische Abbildungen dokumentiert. An weiteren zwanzig Stellen hat sich R. – in der Regel mit gutem Grund – gegen von D.–G. aufgenommene Lesarten oder Konjekturen entschieden: Als Beispiel sei zitiert 8. 318 *interni* (T), das gegen zahlreiche Verbesserungsvorschläge

auf der Basis von Wistrands einschlägiger Arbeit (*Nach innen oder nach außen* [Göteborg 1946]) verteidigt wird. Nicht weniger als neunzehn eigene Konjekturen zeigen ein für eine Erstlingsarbeit erstaunliches Selbstbewußtsein. Manche Vorschläge sind evident richtig, so etwa 8. 160 f. *ductoris maior it omnes / per gentes terror* (statt in T bzw. he T [hinc Partsch]) oder 8. 36 *montis ab alto* (*monitus alis* T), manche aber sind nicht unmittelbar überzeugend, so einige paläographisch eher kühne Vorschläge wie 622 *pennato tunc* für *mee tiluzant* (T), wo die Überlieferung doch gewiß auf einen verschriebenen Eigennamen hindeutet. R. legt viel Wert auf Parallelen, aber für begründendes *ut* in 8. 247 sähe man gerne eine Parallele aus Goripp selbst.

Die textkritische Literatur ist komplett gesichtet, es fehlen nur zu 117, 214 und 225 die Beiträge von R. Unger (*P. Papinii Statii Ecloga ultima* [Novae Strelitiae 1868], von denen wohl allein 8.117 *ensem* [sc. *propera*] diskussionswürdig erscheint). Text und Apparat sind nahezu fehlerlos eingerichtet (S. 405 erscheinen zu 8. 525 f. die Lesarten versehentlich in Kursive statt recto). Die Übersetzung – es handelt sich um die erste in deutscher Sprache – ist sehr zuverlässig.

Der **Kommentar**, das Prunkstück dieser Arbeit, ist einer der besten, die in den letzten Jahren zur spätantiken Epik abgefaßt wurden, eben weil Philologie und Historie gleichermaßen zu ihrem Recht kommen. Neben den Problemen der Textherstellung finden lexikalische Petitessen (etwa der t. t. *fossae* ~ Lager [39], *fabula* ~ ‘narratio’ [besser *sermo* (293)], *solacium* ~ Hilfe [336] oder die Bedeutung von *gentes* [6]) und grammatische Fragen (z. B. thematisch gebildete Futurformen von *ire* [27]) notwendige Erläuterung. Die nordafrikanische Geographie (tlw. mit eigenen Karten; s. etwa zu 20; 46; 166), Ethnographie (304 f.; p. 351 ff.; 434), germanische Namenskunde (p. 195), byzantinische Waffentechnik (189) und Lagerbau (325) werden ausführlich ausgebreitet, die militärische Strategie des byzantinischen Heeres im Vergleich mit dem *Strategeticon* ebenso erläutert wie die umfangreiche Schilderung einer Feldmesse mit Hilfe des *Sacramentarium Leonianum* (216 ff.). Kurzum: Die *Johannis* wird vorbildhaft aus ihrem spezifisch byzantinischen Umfeld heraus erklärt.

Einige Kleinigkeiten: 165f. *commotis litora signis / deserit* nicht “nach dem Aufbruch des Heeres verließ er die Küste”, sondern “er setzte das Heer in Bewegung und...”. – S. 242 die “geradezu klerikale Strenge von Johannes / Goripp hinsichtlich der Einhaltung der Sonntagsruhe ist in jedem Fall erstaunlich”: Nicht in der Aera Justinians. – 334 f. Die Bitte um Vergebung der Sünden der Vorfahren im Gebet der Soldaten

(*delicta patrum dimitte*) ist nicht “merkwürdig”: Gemeint ist das *peccatum originale*. – 507–509 Der Nachruhm der gefallenen Helden wird durch die Dichtung gesichert, vgl. Hardie zu Verg. *Aen.* 9. 446 ff. – 538 Die Konjekturen zu Porphy. *Hor. Sat.* 2. 3. 272 sind in Meyers Ausgabe bzw. durch die recc. vorweggenommen. – 547 f. Die Beschreibung einer Zunge, die nach Abtrennung noch Laute ausstößt, stammt wohl nicht unmittelbar aus Silius, dessen Kenntnis für Goripp nicht sicher erwiesen ist, sondern man wird von einem topischen Motiv ausgehen, wie Ov. *Met.* 5. 103 ff. oder Sen. *Thy.* 729 ausweisen; vgl. O. Zwielerlein, *Lucubrationes Philologiae* II (Berlin – New York 2004) 519–525.

Rainer Jakobi
Halle (Saale)

KEY WORDS

Д. В. Панченко

Chinese astronomy, early Pythagoreans, Greek astronomy
греческая астрономия, китайская астрономия, ранние пифагорейцы

Natalia Pavlichenko, Sergey Kashaev

court of diaitetai, Hermonassa, lead letters
Гермонасса, письма на свинцовых пластинках, суд диететов

Silvio Bär

Bellum Civile, Caesar, rhetoric
“Записки о гражданской войне”, риторика, Цезарь

Denis Keyer

astrology, astronomy, Petronius
астрология, астрономия, Петроний

А. Б. Черняк

Periplus Maris Erythraei, Red Sea, Roman Fleet
Красное море, “Перипл Красного моря”, римская эскадра

Carlo Lucarini

conjectures, Latin historiography, textual criticism
конъектуры, критика текста, римская историография

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Максимальный объем публикации в одном номере не превышает 64 000 знаков с пробелами. Статьи большего объема могут быть опубликованы только в нескольких номерах. Статьи меньшего объема приветствуются.

Журнал отдает предпочтение статьям, содержащим отчетливый тезис, основанный на интерпретации античных источников, а также публикациям нового материала.

В журнале публикуются статьи на русском, латинском, английском, немецком, французском и итальянском языках. Статьи сопровождаются русским и английским резюме и ключевыми словами на русском и английском языках.

Редакция рассматривает статьи, присланные в печатном или электронном виде (электронную версию просим посылать в форматах Word и pdf).

Принимая решение о публикации, редакция может учитывать мнение анонимных рецензентов. Решение сообщается авторам не позднее двух месяцев с момента получения статьи с кратким обоснованием в случае отказа.

В случае принятия положительного решения о публикации редакция просит авторов предоставить окончательную версию статьи в форматах Word и pdf с приложением резюме и 3–5 ключевых слов на русском и английском языках.

Оформление статьи зависит от языка, на котором она написана. Правила оформления статей на иностранных языках см. ниже.

При оформлении постраничных примечаний в статьях на русском языке просим придерживаться следующих правил:

Сноски постраничные. Знак сноски ставится после знака препинания.

Античные авторы:

Cic. *De nat. deor.* II, 7. 8 (м. е. 2-я кн., § 7 и 8); III, 2.

Thuc. I, 2, 4. 6 (м. е. 1-я кн., 2-я гл., § 4 и 6); 5, 2–3 (м. е. та же кн., 5-я гл., § 2 и 3).

Монография:

G. Finsler. *Homer* (Leipzig ³1924) 5–9 (м. е. 3-е изд.).

K. Müllenhoff. *Deutsche Altertumskunde* III² (Berlin 1896) 64 (м. е. 2-е изд. 3-го тома).

Серийное издание:

J. S. Traill. *The Political Organization of Attica*, *Hesperia* Suppl. 14 (Princeton, NJ 1975) 45, 47 n. 20.

Статья в журнале:

D. Schaps. Piglets again // *JHS* 116 (1996) 169–171.

Э. Грейс. Ксен, обвиненный в убийстве по афинскому праву // *ВДИ* 1993: 2, 28 прим. 34.

Издание текста или сборника статей:

D. R. Shackleton Bailey (ed., tr.). *Cicero, Philippics* (Chapel Hill – London 1986) 7.

R. Maisano. Il discorso di Temistio a Gioviano sulla tolleranza // F. E. Consolino (ed.). *Pagani e cristiani da Giuliano l'Apostata al sacco di Roma* (Soveria Mannelli 1995) 36 sg.

M. Aubineau (éd.). *Grégoire de Nysse. Traité de la virginité*, Sources chrétiennes 119 (Paris 1966) 79.

Ссылки на работу нескольких авторов:

H. Lloyd-Jones, N. G. Wilson (ed.). *Sophoclis fabulae* (Oxonii 1990) XV.

Ссылки на страницы и примечания:

P. Cauer. *Grundfragen der Homerkritik* I (Leipzig ³1921) 13–14 (или 13 f.), 52 Anm. 2, 371 Anm. 19. 21 (*м. е. стр. 371, прим. 19 и 21*); II (Leipzig ³1923) 451 Anm. 11, 452–454.

Повторная ссылка:

Cauer (прим. 85) I, 95 Anm. 21.

GUIDELINES FOR CONTRIBUTORS

The maximal length of a publication in one volume should not exceed 64 000 characters (with spaces). Publications exceeding this limit will be split into two and more parts and published in several volumes. Shorter publications are welcome.

Priority is given to publications with a clear argument based upon interpretation of primary sources as well as to publications of new materials.

Contributions are accepted in Russian, Latin, English, German, French, and Italian. Papers are accompanied by a Russian and an English summary and key words.

Contributions should be sent as a hard copy or as a file in Word and PDF format attached to an e-mail.

The editorial board accepts or declines a contribution taking into account the opinion of anonymous referees. Authors are informed of the decision on acceptance or rejection of the submission usually within two months.

Authors should send a copy of the final version of their paper in Word and PDF format per e-mail after acceptance has been communicated by the editors. English summary and 3 to 5 key words should be attached to the final version.

Please note that the rules for bibliographical references depend on the language of the paper.

For papers in Russian, see above.

GUIDELINES FOR PUBLICATIONS IN ENGLISH

Notes should be supplied as footnotes. Numbers of footnotes should follow the punctuation marks.

Greek and Latin authors:

Cic. *De nat. deor.* 2. 7, 8 (*i. e. book 2, §§ 7 and 8*); 3. 2.

Thuc. 1. 2. 4, 6 (*i. e. book 1, ch. 2, §§ 4 and 6*); 5. 2–3 (*i. e. the same book, ch. 5, §§ 2 and 3*).

Monographs:

G. Finsler, *Homer* (Leipzig ³1924) 5–9 (*i. e. 3rd ed.*).

K. Müllenhoff, *Deutsche Altertumskunde* III² (Berlin 1896) 64 (*i. e. 2nd ed. of the vol. 3*).

Serial editions:

J. S. Traill, *The Political Organization of Attica*, *Hesperia* Suppl. 14 (Princeton, NJ 1975) 45, 47 n. 20.

Journal papers:

D. Schaps, “Piglets again”, *JHS* 116 (1996) 169–171.

Editions of ancient authors and collections of articles:

D. R. Shackleton Bailey (ed., tr.), *Cicero, Philippics* (Chapel Hill – London 1986) 7.

R. Maisano, “Il discorso di Temistio a Gioviano sulla tolleranza”, in: F. E. Consolino (ed.), *Pagani e cristiani da Giuliano l’Apostata al sacco di Roma* (Soveria Mannelli 1995) 36 f.

M. Aubineau (éd.), *Grégoire de Nysse, Traité de la virginité*, Sources chrétiennes 119 (Paris 1966) 79.

Reference to publications of several authors:

H. Lloyd-Jones, N. G. Wilson (ed.), *Sophoclis fabulae* (Oxford 1990) xv.

Reference to pages and notes:

P. Cauer, *Grundfragen der Homerkritik* I (Leipzig ³1921) 13–14 (or 13 f.), 52 n. 2, 371 n. 19. 21 (*i. e. p. 371, notes 19 and 21*); II (Leipzig ³1923) 451 n. 11, 452–454.

Subsequent reference:

Cauer (n. 85) I, 95 n. 21.

GUIDELINES FOR PUBLICATIONS IN GERMAN, FRENCH, ITALIAN AND LATIN

Numbers of a book, a chapter, and a paragraph should be separated by commas, numbers of the same rank by dots. Books and volumes are numbered with Roman numerals:

Thuc. I, 2, 4. 6 (*i. e. book 1, ch. 2, §§ 4 and 6*); 5, 2–3 (*i. e. the same book, ch. 5, §§ 2 and 3*).

Subsequent reference depends on the language of the paper:

Cauer (o. Anm. 85) I, 95 Anm. 21.

Cauer (supra n. 85) I, 95 n. 21.

For the rest, see above for publications in English.

Научное издание

HYPERBOREUS:
Классическая филология и история
Vol. 18 2012 Fasc. 2

Ответственный редактор выпуска *Д. В. Кейер*
Редакция графических материалов *К. Б. Катенин*
Компьютерная верстка *А. Б. Левкина*

Учредители журнала *А. К. Гаврилов, Д. В. Панченко*
Регистрационное свидетельство № 0111029 от 27 августа 1993 года

Подписано в печать 30.01.2014. Формат 70 × 100 1/16. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 13. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Издательство “Нестор-История”»
СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812) 622-01-23